

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 29. Выпуск 2

Санкт-Петербург
2026

Россия в глобальном мире

Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Баранов Н.А. – д. полит. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Бахтуридзе З.З. – д. полит. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д. юр. н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – д.э.н., профессор (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Калаишикова Н.П. – д. полит. н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д. филос. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Кожирова С.Б. – д. полит. н. (Институт востоковедения Министерства науки и образования РКБ г. Алматы, Казахстан);

Ли Цзинчен – к. полит. н., (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Русакович А.В. – д. ист. н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – д. ист. н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д. ист. н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены публикации, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций», принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ). В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые. Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ). С 2024 г. входит в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 - 84167 от 09.11.2022.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Тел. редакции: 8 (812) 606-62-42; e-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru; сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2026

**The Ministry of Science and Higher Education of the Russian
Federation**

**PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY**

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 29. Issue 2

Saint Petersburg
2026

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Nikolay A. Baranov – Doctor of Political Sciences, Professor (*North-West Institute of Management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia)*);

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Midhad Qafarov – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Yonghong Dai – Doctor of Economics, Professor (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Svetlana B. Kozhirova - Doctor of Political Sciences, (*Institute of Oriental Studies of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan*);

Li Jingcheng – PhD of Political Science, (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History Sciences, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History Sciences, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – Doctor of History Sciences (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History Sciences (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*)

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer –reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations, Global and Regional Studies).

5.6. Historical Sciences (5.6.1. National Russian History, 5.6.2. Global History).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications”, adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL). Since 2024. it has been included in the list High Certification Commission, Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Editorial address: Polytekhnikeskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia
Editorial e-mail: russiaglobal@spbstu.ru; URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Слово от редколлегии 7

Тема номера

Gnosis: между Западом и Востоком, прошлым и будущим

История науки и техники

<i>Лбова Л.В., Чжан Цзинькай, Лазарева В.Д.</i> Государственная стратегия развития научных центров Китая: опыт управления и интеграции с техническими университетами	9
<i>Нори А.С.</i> Гуманитарная дипломатия и управление образованием: роль международных неправительственных организаций в образовательном секторе Афганистана (2020–2025)	36
<i>Бояркина А.В.</i> Утопические идеалы в китайской политической философии ...	47
<i>Погодин С.Н., Ли Цзинчэн.</i> Ретроспективное изучение марксизма в современной России	63
<i>Сидорчук И.В.</i> Публичная наука и антирелигиозная пропаганда в раннесоветский период	75
<i>Корнева В.А.</i> Профессионализация женщин-судебных медиков в Российской империи: опыт Женского медицинского института (1901–1917 гг.)	89

Международные отношения

<i>Болгов Р.В.</i> Глобализм и суверенизм в дискуссиях на многосторонних международных переговорах (на примере Конвенции ООН против киберпреступности)	106
<i>Сидоров А.А., Кефели И.Ф.</i> Влияние специальной военной операции на состояние военно-технического сотрудничества Российской Федерации	116
<i>Вовенда А.В., Юр А.С.</i> Кризис регионального лидерства в Латинской Америке: между внутренней фрагментацией и внешним давлением	131
<i>Зарянский С.А.</i> Место Индии во внешнеполитическом дискурсе Европейского союза и Японии	146

Евразийская интеграция

<i>Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б.</i> Формирование казахстанско-российской границы и эволюция ее восприятия в казахском обществе	158
<i>Йылмаз М., Дзюба Е.В.</i> Факторы межгосударственного влияния в современных конкурентных условиях: Россия – Турция – Казахстан	174

CONTENTS

A Message from the Editorial Team	8
---	---

Special Theme Section

Gnosis: Between West and East, Past and Future

History of Science and Technology

<i>Lbova, L.V., Zhang Jinkai, Lazareva, V.D.</i> National Strategy for China's Scientific Centers: Lessons in Management and Integration with Technical Universities	9
<i>Noori, A.S.</i> Humanitarian Diplomacy and Education Governance: The Role of International none-Governmental Organizations in the Education Sector of Afghanistan (2020–2025)	36
<i>Boyarkina, A.V.</i> Utopia Ideals in Chinese Political Philosophy	47
<i>Pogodin, S.N., Li Jingcheng.</i> Retrospective Study of Marxism in Contemporary Russia	63
<i>Sidorchuk, I.V.</i> Public Science and Anti-Religious Propaganda in the Early Soviet Period	75
<i>Korneva, V.A.</i> The Professionalization of Women Forensic Physicians in the Russian Empire: The Experience of the Women's Medical Institute (1901–1917)	89

International Relations

<i>Bolgov, R.V.</i> Globalism and Sovereignty in Multilateral International Negotiations (a Case of the United Nations Convention against Cybercrime)	106
<i>Sidorov, A.A., Kefeli, I.F.</i> The Impact of the Special Military Operation on the State of Military-Technical Cooperation of the Russian Federation	116
<i>Vovenda, A.V., Yur, A.S.</i> The Crisis of Regional Leadership in Latin America: Between Internal Fragmentation and External Pressure	131
<i>Zaryansky, S.A.</i> The Significance of India in Foreign Policy of EU and Japan	146

Eurasian Integration

<i>Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B.</i> The Formation of the Kazakh-Russian Border and the Evolution of its Perception in Kazakh Society	158
<i>Yilmaz, M., Dziuba, E.V.</i> Factors of Interstate Influence in Contemporary Competitive Conditions: Russia – Turkey – Kazakhstan	174

EDN: RYWHDN

Слово от редколлегии

Цель науки и ученых, как ее верных слуг или хотя бы временных союзников, – преодолевать границы. Думать не так, как до этого, выбрать иной фокус внимания, понять то, что было неявно до тебя, показать связь там, где перед этим речь шла о непересекающихся прямых.

Тема выпуска № 2 за 2026 г. – «Gnosis: между Западом и Востоком, прошлым и будущим». Представляется, что именно так можно захватить максимально возможный спектр проблематик, затронутых в нем, не говоря уже о традиционно широкой географии тем и авторов.

По традиции значительное внимание оказалось приковано к евразийскому региону. Так, преодолевает узость институционального подхода в исследованиях вопроса о границах статья, посвященная эволюции представлений о границе с Россией в казахском обществе. Казахстан находится также в центре другого исследования, посвященного сравнению моделей влияния на него России и Турции. Грани и потенциальные вершины развития науки продемонстрированы на примере стратегии развития научных центров Китая, анализа роли технических университетов в структуре интеграционной модели науки и образования. Другому крупнейшему геополитическому игроку региона, Индии, посвящена статья, где рассмотрено ее место в политическом дискурсе Европы и ЕС. Не забыта и соседнее государство, но с принципиально иными условиями – Афганистан и стоящие перед его населением проблемы доступности и качества образования, а также роль международного взаимодействия в этом вопросе.

Из евразийского региона читатель сможет перенестись в Латинскую Америку и погрузиться в мир вызовов, стоящих перед регионом, включая угрозу фрагментации и необходимость балансировать между США и Китаем. Дана оценка путей выстраивания интеграционных моделей взаимодействия как релевантного ответа на нее.

Одним из новых факторов, диктующих необходимость интенсификации взаимодействия различных стран, является распространение киберпреступности. На примере принятой против нее Конвенции ООН рассмотрен вопрос глобализма и суверенизма в дискуссиях на многосторонних международных переговорах.

Рассматривая границы познания настоящего, не стоит забывать о прошлом. Ряд материалов номера посвящен истории отечественной науки, включая такие ее аспекты как женское медицинское образование в дореволюционной России и практики *public science* в раннесоветский период.

От времени попыток реализации большевистской утопии читатель перейдет к теме утопических идеалов в китайской политической философии, которые способны сделать более ясной картину идеологических установок современной КНР. Еще одна статья номера также посвящена интерпретации марксизма, но уже в современной России.

Познать все на свете – это тоже утопия, очевидная для жителей всех стран и континентов. Осмелимся предположить, что не претендуют на это и авторы статей настоящего выпуска. Однако с большей уверенностью скажем, что хотя бы один шаг в этом направлении они сделали. Теперь очередь за читателем.

Ученый секретарь редколлегии журнала
«Россия в глобальном мире»
доктор исторических наук, доцент
Сидорчук Илья Викторович

EDN: [RYWHDN](#)

A Message from the Editorial Team

Greetings, valued readers!

The goal of science and scientists, as their faithful servants or at least temporary allies, is to break boundaries. To think differently than before, to choose another focus of attention, to understand what was not clear before you, to show a connection where before were disjoint lines.

We decided to name topic of issue 2 for 2026 as “Gnosis: between West and East, Past and Future”. It seems that this is the way to capture the maximum possible range of questions covered in it, not to mention the traditionally wide geography of topics and authors.

Traditionally, considerable attention has been focused on the Eurasian region. Thus, an article on the evolution of ideas about the border with Russia in Kazakh society overcomes the narrowness of the institutional approach in border studies. Kazakhstan is also at the center of another study comparing the models of influence of Russia and Turkey on it. The facets and potential peaks of science development are demonstrated by the example of the strategy for the development of scientific centers in China, the analysis of the role of technical universities in the structure of the integration model of science and education. Another major geopolitical player in the region, India, is the subject of an article that examines its place in the political discourse of Europe and the EU. We have not forgotten the neighboring state, but with fundamentally different conditions – Afghanistan and the problems of accessibility and quality of education facing its population, as well as the role of international cooperation in this issue.

From the Eurasian region, the reader will be able to travel to Latin America and immerse himself in the world of challenges facing the region, including the threat of fragmentation and the need to balance between the United States and China. An assessment of the ways of building integration models of interaction as a relevant response to it is given.

One of the new factors dictating the need to intensify cooperation between different countries is the spread of cybercrime. Using the example of the UN Convention adopted against it, the issue of globalism and sovereignty is considered in discussions at multilateral international negotiations.

Considering the boundaries of knowledge of the present, we should not forget about the past. A number of the articles are devoted to the history of Russian science, including such aspects as women’s medical education in pre-revolutionary Russia and the practice of public science in the early Soviet period.

From the time of attempts to realize the Bolshevik utopia, the reader will turn to the topic of utopian ideals in Chinese political philosophy, which can give a clearer picture of the ideological attitudes of modern China. Another article in the issue is also devoted to the interpretation of Marxism, but in modern Russia.

To know everything in the world is also a utopia, obvious to residents of all countries and continents. We dare to assume that the authors of the articles in this issue do not pretend to do this either. However, we can say with much more confidence that they have taken at least one step in this direction. Now it’s the reader’s turn.

Scientific Secretary of the Editorial Board of the journal
“Russia in the Global World”
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Ilya V. Sidorchuk

ТЕМА НОМЕРА / SPECIAL THEME SECTION
GNOSIS: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ,
ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ
GNOSIS: BETWEEN WEST AND EAST, PAST AND FUTURE

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ
HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

научная статья / research article

УДК: 32.01+327+378.1

EDN: [SSKHBQ](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.1](#)

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики
5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

**Государственная стратегия развития научных центров Китая:
опыт управления и интеграции с техническими университетами**

Лбова Людмила Валентиновна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
lbova_lv@spbstu.ru

Чжан Цзинькай

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
chzhan7.ts@edu.spbstu.ru

Лазарева Варвара Дмитриевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
 lazareva2.vd@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. Исследование направлено на анализ комплексной стратегии национального суверенитета и развития научных центров Китая с участием технических университетов. Рассматриваются механизмы регулирования, структурные характеристики и практические итоги реализации государственной стратегии. Особое внимание уделено роли технических университетов Китая в структуре интеграционной модели науки и образования. Интеграция технологий, научных исследований и развитие кадрового потенциала способствуют

формированию инновационных научных кластеров, которые выступают не только как рыночная экосистема, но и как элемент и механизм реализации государственной стратегии долгосрочного развития.

Методы и материалы. Основой исследования является системный подход, который рассматривает объекты как сложные системы, состоящие из взаимосвязанных элементов, что представляется актуальным для исследования университетов и научных организаций, позволяет учитывать их многоуровневую структуру и динамику взаимодействия. Материалы представлены основными стратегическими документами, призванными стимулировать развитие научных и технологических сфер в Китае, охватывают широкий спектр направлений.

Результаты. Установлено, что в рамках государственной политики КНР технические университеты рассматриваются как неотъемлемые элементы национальной инновационной системы, обеспечивающие воспроизводство научных знаний, подготовку высококвалифицированных кадров и трансфер технологий в реальный сектор экономики. В отличие от традиционной модели, где университеты выполняют преимущественно образовательные функции, в Китае техническим/инженерным университетам отводится определенная роль в реализации стратегических технологических приоритетов государства. Развитие инновационных кластеров в Китае носит пространственно-дифференцированный характер.

Обсуждение и Заключение. В различных регионах страны сформировались научные кластеры с четкой отраслевой специализацией, обусловленной историческими предпосылками, наличием научно-образовательной и технологической базы, производственной инфраструктуры, сложившимся исторически университетским сообществом и приоритетами государственной политики. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в области прикладных исследований зарубежного регионоведения, а также формирования управления университетами и научно-технической сферой со стороны государства.

Ключевые слова: Китай; технические университеты; государственная стратегия; интеграция; научные центры; технологическая независимость

Для цитирования: Лбова Л.В., Чжан Цзинькай, Лазарева В.Д. Государственная стратегия развития научных центров Китая: опыт управления и интеграции с техническими университетами // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 9–35. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.1>. EDN: SSKHBQ.

© Лбова Л.В., Чжан Цзинькай, Лазарева В.Д., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

National Strategy for China's Scientific Centers: Lessons in Management and Integration with Technical Universities

Liudmila V. Lbova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
lbova_lv@spbstu.ru

Jinkai Zhang

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
chzhan7.ts@edu.spbstu.ru

Varvara D. Lazareva

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 lazareva2.vd@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. Analyze comprehensive strategy for national technological sovereignty and the development of research centers with the participation of technical universities is the purpose of this study. The regulatory mechanisms, structural characteristics, and practical results of implementing

the state strategy are examined. Particular attention is paid to the role of China's technical universities in the integrated model of science and education. The integration of technology, scientific research, and human resource development facilitates the formation of innovative scientific clusters, which serve not only as a market ecosystem but also as an element and mechanism for implementing the state's long-term development strategy.

Methods and Materials. The study is based on a system approach that views objects as complex systems consisting of interconnected elements. This approach is relevant for studying universities and research organizations, allowing for consideration of their multi-level structure and interaction dynamics. The materials are presented in key strategic documents designed to stimulate the development of scientific and technological fields in China.

Results. State policy in China directs technical universities to play a crucial role in the national innovation system. They reproduce scientific knowledge, train highly skilled personnel, and transfer technology to the real economy. Unlike traditional models, where universities primarily focus on education, Chinese technical and engineering institutions are tasked with implementing state technological priorities. The development of innovation clusters in China is spatially differentiated.

Discussion and Conclusion. In various regions of the country, scientific clusters have formed with clear industry specialization, determined by historical prerequisites, the availability of a scientific, educational and technological base, industrial infrastructure, a historically established university community and state policy priorities. The study findings may be of interest to specialists in applied research in international regional studies, as well as to those studying the development of government governance of universities and the scientific and technological sector.

Keywords: China; technical universities; state strategy; integration; science centers; technological independence

For citation: Lbova, L.V., Zhang Jinkai, Lazareva, V.D. National Strategy for China's Scientific Centers: Lessons in Management and Integration with Technical Universities. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 9–35. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.1>. EDN: SSKHBQ.

© Lbova, L.V., Zhang, Jinkai, Lazareva, V.D., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Исторический дискурс и актуальность исследования

Современная система научно-технологического развития Китая представляет собой сложный механизм взаимодействия различных институтов, где технические университеты играют ключевую роль в обеспечении технологического суверенитета страны. Переломным моментом в развитии науки Китая стало принятие в 1978 г. программы «Четырех модернизаций», определившей вектор развития научно-образовательной сферы на десятилетия вперед. Программа «Четыре модернизации»¹ была официально принята на III пленуме Центрального комитета КПК в декабре 1978 года. План включал: модернизацию промышленности, с целью увеличения производительности и конкурентоспособности китайского производственного сектора; модернизацию сельского хозяйства – для обеспечения население продуктами питания и повышения экспорта сельхозпродукции; модернизацию науки и технологий, направленных на усиление научно-технического прогресса и развитие

¹ “Сыгэ сяньдайхуа” ши жухэ тичу юй фачжаньдэ “四个现代化”是如何提出与发展的 // [Выдвижение и эволюция концепции “Четырех модернизаций”]. 29.05.2020 // Синьхуа ван 新华网 [Информационное агентство Синьхуа]: [сайт]. URL: https://www.xinhuanet.com/politics/2020-05/29/c_1126048256.htm (дата обращения: 03.03.2026).

высоких технологий, и в том числе национальной образовательной системы, способствующей развитию экономики и научно-техническому прогрессу в Китае; модернизацию обороны, т.е. укрепление военного потенциала страны. «Четыре модернизации» были важным этапом в экономическом развитии Китая в конце XX в. и способствовали значительному повышению уровня жизни народа, который определил развитие страны как крупнейшей экономической державы.

Реформы в стране разрабатывались на основе следующих ключевых принципов: постепенное и эволюционное внедрение изменений, гармоничное сочетание социалистических основ с национальными особенностями, развитие рыночных отношений при одновременном сохранении государственного регулирования, активное привлечение зарубежных инвестиций и формирование особых экономических зон. За более, чем три десятилетия реализации программ модернизации Китай добился впечатляющих результатов. Страна продемонстрировала значительный рост ВВП, существенно улучшила уровень жизни своих граждан и создала современную промышленную инфраструктуру, развивая при этом высокотехнологичные отрасли. Именно успехи в сфере высоких технологий и вызывают особый интерес к изучению материалов, концепций, стратегии и принципов, лежащих в основе китайской модели к развитию науки и образования [1].

Китай продолжает следовать «Стратегии четырех направлений», впервые озвученной в 2012 г.² Эта стратегия акцентирует внимание на передовых научных сферах и на удовлетворении потребностей как экономики, так и граждан. В рамках ее реализации на новом этапе планируется активизировать продвижение долгосрочной стратегии инновационного развития. Главное внимание уделяется созданию крупных инновационных платформ, повышению стимулов для предпринимательской деятельности, укреплению сотрудничества бизнеса с научными учреждениями и поддержке талантливых ученых. Эти меры направлены на развитие и усиление национального научно-технологического потенциала страны.

Китай демонстрирует впечатляющие успехи в научно-технологической сфере: квантовый компьютер «Цзу Чунчжи-3.0 (Zu Chongzhi 3.0 Processor)» высокой производительности установил новый мировой рекорд по квантовому преимуществу; разработка DeepSeek опровергла распространенное мнение о том, что масштаб всегда является ключевым фактором успеха, показав, что существуют и другие пути достижения высоких результатов; компания Yushu Technology лидирует в производстве роботов-четвероногих, занимая примерно 70% мирового рынка³.

Последние годы отмечены последовательной политикой Китая, направленной на стимулирование инноваций, такая политика способствует усилению научно-технической независимости и росту технологического потенциала страны.

² Китай расставляет акценты в научно-технической политике. 23.03.2023 // ИСИЭЗ (Институт статистических исследований и экономики знаний): [сайт]. URL: <https://issek.hse.ru/news/822382493.html> (дата обращения 10.02.2026).

³ Посол Китая в России Чжан Ханьхуэй опубликовал в российской газете «Труд» статью «Научно-технический прогресс Китая, основанный на собственных разработках и международном сотрудничестве, послужит стимулом для мирового развития и благополучия». 19.05.2025 // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: [сайт]. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus./dsdh/202505/t20250519_11628493.htm (дата обращения 08.12.2025).

Стратегической основой модернизации служат сформулированные политические доктрины в области науки, технологий, и образования, сформулированные на XX съезде КПК (2022 г.)⁴, на основе которых страна динамично развивает новые индустриальные основы, становясь ключевым игроком в сфере мировых научно-технических разработок. Китай, уделяя большое внимание развитию собственных инноваций и укреплению своей базы прогресса, щедро делится своими научными и техническими достижениями с мировым обществом, что способствует всемирному росту и благосостоянию. «Мы должны идти по пути научно-технологических инноваций, реализовывать стратегию возрождения страны через науку и образование, способствовать развитию новых производительных сил, чтобы наша страна могла всегда оставаться лидером в современной экономической волне»⁵.

Степень изученности проблемы

Проблематика научно-технологического развития и модернизации высшего образования широко представлена в трудах зарубежных и российских исследователей. Теоретические основы экономики знаний и инновационного развития заложены в работах П. Друкера, К. Фримена и Б.-А. Лундвала, Ю. Портера. В российской научной традиции вопросы научно-технологической политики и реформы высшего образования рассматриваются в работах В.В. Иванова, Я.И. Кузьмина, С.Г. Карамурзы, Т.Л. Гурулевой и др. Китайская специфика анализируется в трудах А.Г. Ларина, В.Я. Портякова, О.А. Герасимовой и др. [2].

Предварительное изучение проблемы показывает, что, в основном, исследователи сконцентрировали свое внимание на истории реформ, роли технических университетов в технологическом развитии, государственном протекционизме и опорой на социально-политические структуры. В частности, проблема интеграции науки и высшей школы в Китае изучена в целом недостаточно в российском дискурсе, но в ряде работ продемонстрированы особенности «китайской модели» управления университетами, наукой и технологиями с ориентацией на инновации, а также культурные особенности страны [2; 3; 4].

В российских и китайских исследованиях выделяются ключевые дискурсивные оценки развития высшей школы. Они сводятся к определению собственного пути, который будет учитывать передовые мировые практики, но при этом сохранит китайские традиции, в том числе социалистические ценности, патриотизм и чувство гражданского долга у студентов и преподавателей [5; 6; 7; 8; 9].

В последнее время отмечается тенденция определения социально-политических и концептуальных направлений развития высшего образования в Китае. Формирование современной научной и образовательной системы в стране было обусловлено влиянием внешних акторов, главным образом СССР, США, Японии и европейских стран. Важное место в этом контексте занимают религиозно-

⁴ Полный текст доклада 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. 16.10.2022 // Теория Китая. Ресурс для понимания Китая: [сайт]. URL: <https://ru.theorychina.org.cn/c/2022-10-26/1451417.shtml> (дата обращения 20.02.2026).

⁵ Ван Синьюэ 王欣悦. Цзоуго “шисыу” сянци цзуншущи лянхуйшанде чжэцзюйхуа走过“十四五”想起总书记两会上这句话 [Оглядываясь на 14-й пятилетний план, вспоминаю это заявление Генерального секретаря на двух сессиях]. 02.03.2026 // Миньшэн ван 民生网: [сайт]. URL: <https://www.msweekly.com/mobile/show.html?id=182122> (дата обращения: 09.03.2026).

философские традиции (конфуцианство, даосизм, буддизм), а также политические и идеологические доктрины, основанные на китайском марксизме. Внимание уделено определению на национальном уровне особого положения университетов как ключевых институтов, способствующих экономическому росту, научно-техническому и культурному прогрессу страны.

Изучение научной литературы показывает, что ключевые тенденции модернизации высшего образования в Китае, особенно за последние годы, все же недостаточно изучены в российской практике, поэтому очевидна необходимость характеристики ключевых социальных и политических ориентиров развития системы научно-технологического прогресса Китая как уникального опыта социалистической системы.

«Китайская модель» управления наукой и университетами характеризуется стратегическим подходом к развитию высшей школы, при котором высшее образование рассматривается как инструмент долгосрочного социально-экономического развития и укрепления международных позиций страны. Это делает исследуемую тему особенно значимой для сравнительного анализа различных моделей университетской модернизации.

Научная проблема предлагаемого исследования заключается в оценке роли технических университетов Китая в процессе интеграции технологий, научных исследований и развития кадрового потенциала, которые способствуют формированию инновационных научных кластеров. Последние выступают не только как форма рыночных отношений, но и как элемент, и механизм реализации государственной стратегии долгосрочного развития страны.

Основные исследовательские вопросы: дискурс формирования стратегии интеграции и науки и университетов в Китае; структура существующего управления наукой и высшей школой; категории и рейтинги китайских научных центров с участием технических университетов; оценка интеграционных процессов с точки зрения эффективности и практических результатов. Авторы не ставят перед собой полный обзор состояния и развития науки и технологий в стране, основное внимание направлено на характеристику и оценку роли участия технических университетов Китая в процессе научно-технологического и инновационного развития.

Методы

Системный подход особенно актуален для исследования университетов и научных организаций, так как позволяет учитывать их многоуровневую структуру и динамику взаимодействий [10]. Основные принципы системного подхода предполагают все аспекты функционирования институтов науки и образования; выявляют наличие различных уровней (иерархию) управления и взаимодействия, что важно для понимания структуры университетов и научных организаций и их взаимодействия в Китае. В предложенном исследовании используется множественность различных моделей и методов для описания системы, что позволяет более точно анализировать сложные организации.

Применение системного подхода в области исследований предполагает разработку инструментов для оценки функционирования образовательных и научных систем, учитывая их сложность и многообразие взаимодействий. В условиях быстро

меняющегося мира такой подход положительно сказывается на развитии системы управления, кроме того, это позволяет модернизировать образовательный комплекс, что является ключевым для решения проблем кросс-дисциплинарного сотрудничества [11].

Предлагаемое исследование опирается на конкретно-научные методы, такие как логико-исторический и критический анализ источников. В качестве источников используются: правительственные документы, рекомендации, проекты реформ в сфере высшего образования и науки Китая, материалы китайской общественно-политической прессы, справочная литература и материалы сайтов ряда китайских технических университетов. Проведенный контент-анализ, сравнительный анализ и обобщение изученных источников, а также научная интерпретация и синтез собранной информации позволили сформулировать ключевые выводы.

Материалы

С конца XX века, правительство Китая реализует стратегические решения, направленные на всестороннее повышение научной конкурентоспособности страны, основу которых составила программа «Овладение научно-техническими вершинами» и последующие программы «973», «863», «Искра», «Факел», «Эверест» и др.⁶ Последние программы реализуются с целью развития высокотехнологичных производств, формирования кластеров высоких технологий и создания эффективной управленческой структуры для их функционирования. В их рамках планировалось развитие таких ключевых направлений, как новые материалы, биоинженерия, информационные технологии, интеграция машиностроения и электроники, а также новые источники энергии и технологии энергосбережения. Например, программа «Искра», запущенная в 1986 г., была нацелена на модернизацию сельского хозяйства с помощью научно-технических достижений, а также на повышение интереса к науке и технике в сельской местности.

Ключевые государственные инициативы и стратегии XXI века

В 2006 г. была утверждена Государственная программа долгосрочного и среднесрочного развития науки и техники (2006–2020) (国家中长期科学和技术发展规划纲要 (2006–2020年)⁷, целью которой было превращение Китая в инновационную державу. Выделены особые приоритеты энергетике, водным ресурсам, информационным технологиям, модернизации промышленного производства и интенсификации сельского хозяйства с применением биотехнологий⁸.

⁶ Государственные программы по развитию науки и техники. 06.12.2006 // Китайский информационный Интернет-центр: [сайт]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/China2006/txt/2006-12/06/content_2279098.htm (дата обращения: 03.12.2025).

⁷ Гоцзя чжунчанци кэсюэ хэ цзишу фачжань гуйхуа ганяо нянь 国家中长期科学和技术发展规划纲要 (2006–2020年) [Краткий план развития науки и техники на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2006–2020 гг.)] // Чжунхуа жэньминь гунхэго Кэсюэ цзишу бу 中华人民共和国科学技术部 [Министерство науки и технологий Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/gjkjgh/200811/t20081129_65774.html (дата обращения: 01.03.2026).

⁸ Китай расставляет акценты в научно-технической политике. 23.03.2023 // ИСИЭЗ (Институт статистических исследований и экономики знаний): [сайт]. URL: <https://issek.hse.ru/news/822382493.html> (дата обращения: 08.12.2025).

Оценка этого программного документа экспертами очень высока, утверждается, что движущей силой прогресса экономики КНР является высокий уровень поддержки сферы науки, технологий, инноваций. Ее значимость для страны подтверждается ростом объемов затрат на исследования и разработки, а также масштабом транзакций на рынке технологий, что способствует укреплению лидерских позиций Китая в технологической гонке.

С начала XXI века Китай утвердил ряд важных стратегических документов, призванных стимулировать развитие научных и технологических сфер (например, «Центральный комитет КПК и Госсовет КНР о мнениях по углублению реформы системы науки и технологий и ускорению построения национальной системы инноваций» (2012 г.) (中共中央 国务院关于深化科技体制改革加快国家创新体系建设的意见); «Центральный комитет КПК и Госсовет КНР о некоторых мерах по углублению реформ системы и механизмов и ускорению реализации стратегии инновационного развития» (2015 г.) (中共中央 国务院关于深化体制机制改革加快实施创新驱动发展战略的若干意见) и др.).

Категоризация научных центров начинается с 2014 г., предполагает 4 траектории развития и должна завершиться к 2030 г. [12]. Программы и планы охватывают широкий спектр направлений, от фундаментальных исследований до прикладных разработок, и включают в себя усиление международного взаимодействия, а также подготовку квалифицированных специалистов. Последующая программа развития (2010–2020 гг.) была посвящена долгосрочному и среднесрочному планированию реформ и развития сферы образования⁹. Развитие «большой науки» требует высококачественного образования и талантов исключительного уровня. Воспитание молодых специалистов, которые, как подчеркивал Си Цзиньпин, должны быть ориентированы на «путь, теорию, систему и культуру», должно учитывать не только богатый опыт Китая, но и прогресс западной цивилизации. В рамках новой политической повестки планируется разработка системной и высокопрофессиональной платформы для обучения в сфере фундаментальных исследований.

В этом же ключе представлена одновременно Программа развития талантов (2010–2020)¹⁰, действующая на долгосрочной и среднесрочной перспективах, которая ставила своей целью формирование высококвалифицированных кадров в области науки и техники. Программа «План 1000 специалистов» ориентирована в основном на привлечение высококвалифицированных зарубежных специалистов. Программа «План 10000 специалистов» сосредоточена на подготовке и поддержке

⁹ Гоцзя чжунчанци цзяоюй гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганьяо (2010–2020 нянь) 国家中长期教育改革和发展规划纲要 (2010–2020年) [Государственный план среднесрочного и долгосрочного реформирования и развития образования (2010–2020 гг.)]. 29.07.2010 // Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяоюйбу 中华人民共和国教育部 [Министерство образования Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/201008/t20100802_93705.html (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁰ Гоцзя чжунчанци кэсюэ хэ цзишу фачжань гуйхуа ганьяо (2006–2020 нянь) 国家中长期科学和技术发展规划纲要 (2006–2020年) [Краткий план развития науки и техники на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2006–2020 гг.)] // Чжунхуа жэньминь гунхэго Гоюань синьвэнь баньгунши 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: http://www.scio.gov.cn/gwyzclxcfh/cfh/2017n_14540/2017n07y21r_14662/wjxgzc_14668/202208/t20220808_298098_m_9.html (дата обращения: 01.03.2026).

высококвалифицированных кадров внутри страны. Вместе они формируют эффективность системы подготовки высококвалифицированных кадров в Китае.

Проекты «985» и «211», которые были призваны модернизировать систему высшего образования в соответствии вызовам и требованиям XXI века, привлекли дополнительные финансовые ресурсы, направленные на укрепление их исследовательских возможностей.

«Союз девяти» (Лига С 9) ведущих китайских университетов и научных организаций разработал принципы Программы по развитию своих участников (Хэфэйская декларация, 2012 г.)¹¹. В рамках программы был реализован «План 1000 специалистов», который предусматривал финансовую и политическую помощь отечественным специалистам, а также меры по привлечению талантливых ученых из других стран (США, Великобритания, Германия, Япония, Канада) и транснациональных корпораций.

Для развития технического и технологического направления и поддержки технических университетов в 2010 г. создается Лига Е 9 (Excellence 9), которая объединяет крупнейшие университеты – лидеры подготовки в области инженерии, робототехники, программирования. Расширение состава технических университетов, которые реализуют подготовку кадров, происходит в рамках Плана подготовки выдающихся инженеров Министерства образования (2010–2020 гг.) и было представлено более 400 специальностями бакалавриата и 126 специальностями магистратуры¹², с учетом результативности и опыта международных моделей.

Согласно 14-му пятилетнему плану (2021–2025 гг.), определены главные векторы развития, включающие в себя такие области, как информационные технологии нового поколения, биотехнологии, альтернативные источники энергии, квантовые информационные технологии, генетика, освоение космического и морского пространства, водородная энергетика и технологии энергосбережения, ускоренная цифровизация китайской экономики¹³ в условиях социалистической страны.

¹¹ С9 гаосяо юй Мэй-Оу-Аодасюэ ляньюэнь цяньюшу «Хэфэй сюаньянь» 高校与美欧澳大学联盟签署《合肥宣言》 С9. [Университеты Лиги С9 подписали «Хэфэйскую декларацию» с университетскими альянсами США, Европы и Австралии]. 13.10.2013 // Тунци дасюэ синьвэнь ванн 同济大学新闻网 [Сайт новостей Тунцинского университета]: [сайт]. URL: <https://news.tongji.edu.cn/info/1084/65819.htm> (дата обращения: 01.03.2026).

¹² Цзяоюйбу бангунтин гуаньюй гунбу чжоюэ гунчэнши цзяоюй пэйян цзихуа дисаньпи сюэке чжуанье миндан дэ тунчжи 教育部办公厅关于公布卓越工程师教育培养计划第三批学科专业名单的通知 [Уведомление Главного управления Министерства образования об опубликовании перечня специальностей и направлений обучения в третьем потоке Программы подготовки и повышения квалификации инженеров]. 21.10.2013 // Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяоюйбу 中华人民共和国教育部 [Министерство образования Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/moe_742/s3860/201310/t20131021_158875.html (дата обращения: 25.02.2026).

¹³ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзи цзинци хэ шэхуй фачжан дишисыгэ у нянь гуйхуа хэ 2035 нянь юань цзин мубяо ганьяо 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Основные положения четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочных целей до 2035 года] 13.03.2021 // Чжунго чжэнфу ван 中国政府网 [Официальный сайт Правительства КНР]: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 01.03.2026).

Программы «Повышение научного уровня всего народа» (2021–2035 гг.) и «Интернет+» (2015 г.) ставят амбициозную задачу – значительно увеличить количество людей с научным мировоззрением и овладение технологиями. К 2025 г. планировалось, что более 15% населения могли иметь научный склад ума, а к 2035 г. доля таких людей должна вырасти до 25%¹⁴. «Научно-технические инновации и популяризация науки – это два крыла для реализации инновационного развития. Необходимо ставить популяризацию науки в такое же важное положение, как и научно-технические инновации. Без всеобщего повышения научного уровня народа трудно создать многочисленную высококачественную инновационную армию, трудно добиться быстрой трансформации научно-технических достижений»¹⁵.

В перечисленных документах прослеживается эволюция научной стратегии Китая: от копирования зарубежных технологий к созданию собственных инновационных решений и стремлению возглавить технологическое развитие¹⁶. На достигнутых результатах сформулирован 10-летний план развития фундаментальной науки, в том числе в областях, критичных для становления «отраслей будущего»¹⁷.

В соответствии с определенной стратегической направленностью, Китай формулирует требования и задачи с целью достижения синхронного реформирования трех ключевых сфер: науки и техники, экономики и государственного управления. В рамках международного сотрудничества предполагается наладить научно-технические связи с более чем 160 странами и регионами, активно участвовать в свыше 200 международных организациях и платформах многостороннего взаимодействия в Юго-Восточной и Восточной Азии, а также развивать каналы технологического диалога с различными государствами. Международное научно-техническое сотрудничество реализуется через масштабные инициативы, например, «Один пояс, один путь» (BRI), Глобальную инициативу развития (GDI), серию тематических проектов в рамках БРИКС и ШОС.

¹⁴ Стратегия Китая по созданию научно-технической сверхдержавы и некоторые политические последствия // Vietnam.vn: [сайт]. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/chien-luoc-hay-dung-cuong-quoc-khoa-hoc-cong-nghe-cua-trung-quoc-va-mot-so-van-de-go-i-mo-ve-phuong-dien-chinh-sach> (дата обращения: 05.12.2025).

¹⁵ Цюаньминь кэсюе сучжи синдун гуйхуа ганьяо (2021–2035 нянь) 全民科学素质行动规划纲要 (2021–2035年) [План действий по повышению научной грамотности (2021–2035 гг.)]. 25.06.2021 // Гоцзя кэцзи чуансинь чжунсинь 国家科技创新中心 [Национальный центр научно-технических инноваций]: [сайт]. URL: https://www.ncsti.gov.cn/zcfg/zcwj/202106/t20210626_35441.html (дата обращения: 04.03.2026).

¹⁶ 2024 нянь чжунго яньцзю юй шиянь фачжань (R&D) цзинфэй чаого 3,6 вань и юань 2024年中国研究与试验发展 (R&D) 经费超过 3,6 万亿元 [В 2024 году расходы Китая на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) превысили 3,6 триллиона юаней]. 23.01.2025 // Чжунго гоцзя тунцицзюй 中国国家统计局 [Национальное бюро статистики Китая]: [сайт]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250123_1958421.html (дата обращения: 04.03.2026).

¹⁷ Чжунгун чжунян гуаньюй чжидин гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань ди шиу гэ у нянь гуйхуа дэ цзяньи (2025 нянь 10 юэ 23 жи чжунго гунчаньдан ди эрши цзе чжунян вэйюаньхуэй дисыцы цюаньти хуэй и тунго) 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十五个五年规划的建议 (2025年10月23日中国共产党第二十届中央委员会第四次全体会议通过) [Предложение ЦК КПК о разработке 15-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития (принято на четвертом пленарном заседании 20-го ЦК КПК 23 октября 2025 года)] // Гунчаньдан юань ван 共产党员网 [Веб-сайт членов Коммунистической партии]: [сайт]. URL: <https://www.12371.cn/2025/10/28/ART11761640401107119.shtml> (дата обращения: 26.03.2026).

Основные механизмы интеграции включают определение ключевого направления развития науки и технологии (прерогатива государства), создание совместных центров и лабораторий (инициативы университетов), формирование инфраструктуры, становление и развитие системы трансфера технологий в контексте координации фундаментальных и прикладных исследований.

Научные кластеры как основа реализации механизмов интеграции с техническими университетами

Китайская Народная Республика – уникальный пример масштабного и целенаправленного формирования инновационных кластеров в рамках государственной стратегии модернизации экономики. Если в 1980–1990-е годы основным конкурентным преимуществом Китая была дешёвая рабочая сила и экспортно-ориентированное производство, то, начиная с 2000-х годов, акцент всё более смещается в сторону экономики знаний, высоких технологий и собственной научной базы. В теоретическом плане китайская модель опирается на идеи кластеризации, разработанные М. Портером, согласно которым географическая концентрация фирм и институтов повышает конкурентоспособность за счёт эффекта масштаба, обмена знаниями и усиления конкуренции. В Китае инновационные кластеры формируются «сверху вниз» в рамках государственной индустриальной и научно-технологической политики. Особую роль в процессе создания и развития научных кластеров сыграли такие стратегические инициативы, как развитие национальных зон высоких технологий, создание научных парков и внедрение долгосрочных программ инновационного развития [13].

Важной вехой стало принятие Плана национальной стратегии развития, ориентированной на инновации¹⁸, в которой инновации были официально закреплены как главный драйвер экономического роста страны. В рамках данной стратегии инновационные кластеры рассматриваются не только как экономические, но и как институциональные структуры, способствующие технологическому суверенитету и устойчивому развитию.

В отличие от классических моделей кластерного развития, сформировавшихся в США и странах Европы, китайская модель характеризуется высокой степенью участия государства. Центральные и местные органы власти активно участвуют в формировании кластеров, предоставляя налоговые льготы, субсидии, инфраструктуру и доступ к государственным инвестиционным фондам, в том числе ряд технических университетов находятся под патронажем администрации провинций (например, Хэбэйский технологический университет, Чанчуньский университет науки и технологий, Шэньянский технологический университет, Южно-китайский технологический университет, Сучжоуский университет и др.). Такая модель позволяет ускоренно мобилизовать ресурсы, решать региональные проблемы подготовки кадров и достигать масштабных результатов несмотря на то, что одновременно порождает дискуссии о долгосрочной эффективности, рыночной автономии и рисках административного регулирования.

¹⁸ Цзычжу чуансинь иньлин Чжунго куаюэ 自主创新引领中国跨越 [Независимые инновации позволяют Китаю совершить скачок в развитии] // Чжунго чжунянь дяньшитай 中国中央电视台 [CCTV. Центральное китайское телевидение]: [сайт]. URL: <http://news.cntv.cn/18da/20121103/103645.shtml> (дата обращения: 26.03.2026).

Понимание кластера предполагает развитие сетевой структуры экономического пространства, укрепление его единства и целостности. Мировой опыт развитых стран убедительно доказывает как эффективность, так и неизбежную закономерность возникновения разного вида кластеров, в том числе и научных (далее – НТК¹⁹) [17].

Большинство китайских инновационных кластеров создаётся в форме национальных или региональных зон высоких технологий, научных парков, технополисов или так называемых «научных городов», включенных в крупные агломерации (рис. 1). Эти территории имеют официальный статус, закреплённый нормативно-правовыми актами, а их развитие курируется органами центральной или местной власти.

Важным элементом китайского инновационного кластера является тесная интеграция науки, образования и производства. Классические, технические университеты и академические институты, как правило, располагаются в непосредственной близости к промышленным и предпринимательским зонам, что облегчает трансфер технологий и создание spin-off компаний. Такая пространственная близость снижает транзакционные издержки, ускоряет коммуникации и способствует формированию устойчивых сетей взаимодействия между исследователями и бизнесом. Кластеры строят всю технологическую систему «проверка концепции – промежуточный пробный инкубатор – промышленная посадка». То есть, в производственном научно-технологическом кластере заложена концепция тесной интеграции между университетскими учреждениями, научно-исследовательскими институтами, производственными цехами.

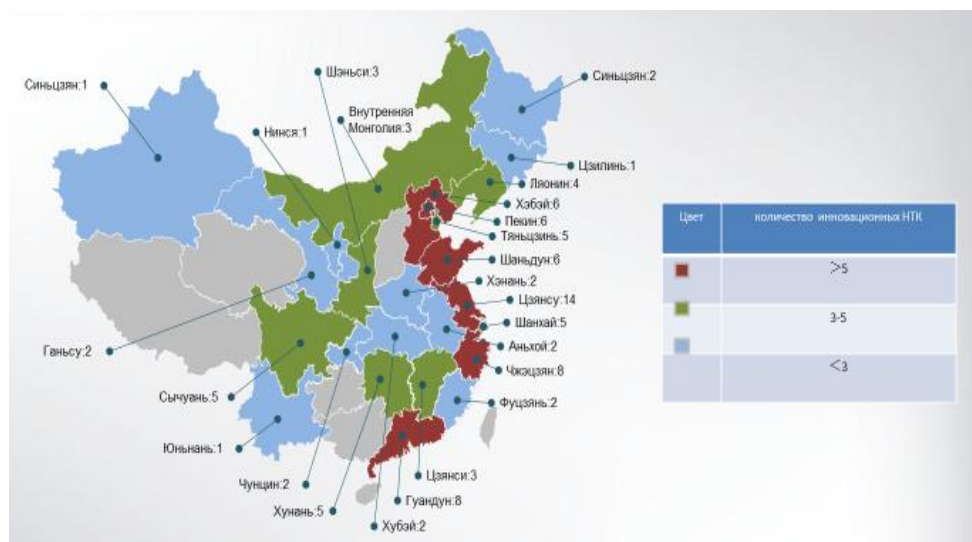

Рис. 1. Карта-схема передовых научно-технических и производственных кластеров и агломераций на территории Китая²⁰ (компьютерная обработка Чжана Цзинкая).

Fig. 1. Map diagram of leading scientific, technical and industrial Clusters agglomerations in China (by Zhang Jinkai a computer process).

¹⁹ Научно-технологический комплекс.

²⁰ Гунъе хэ синьсихуабу гунбу 45 гэ гоця сяньцзинь чжицзао ецзицюнь миндань工业和信息化部公布45个国家先进制造业集群名单 [Министерство промышленности и информационных технологий объявило список из 45 национальных кластеров передового производства], 30.11.2022 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/30/content_5729722.htm (дата обращения: 10.03.2026).

Концепция инновационного производства в Китае основана на производственной системе, которую характеризуют высокие технологии, добавленная стоимость и интеллект. Концентрация на развитии искусственного интеллекта, визуального интеллекта, интегральных схем, фотоэлектрических лазеров, интеллектуальных роботов, интеллектуального оборудования, биомедицины и других новых отраслей позволяет прогнозировать высокий потенциал. Из 45, объявленных в правительственном списке инновационных кластеров, согласно авторитетному индексу международных научно-технологических инновационных центров 2025 г., в Китае насчитывается 25, входящих в число ведущих инновационных кластеров мира согласно Глобальному индексу инноваций²¹.

Таблица 1 / Table 1

Ведущие инновационные кластеры Китая (5)²²
Top-5 innovation clusters in China

Место в рейтинге	Название научного кластера	Профильное направление
1	Шэньчжэнь – Гонконг – Гуанчжоу	цифровая коммуникационная инженерия
4	Пекин	цифровая коммуникационная инженерия
6	Шанхай – Сучжоу	компьютерная инженерия
13	Ханчжоу	компьютерная инженерия
15	Нанкин	компьютерная инженерия

Китайские НТК занимают ведущие позиции в мире по совокупным показателям: объем знаний и технологических разработок (1-е место), инфраструктура (6-е место) и уровень развития бизнеса (8-е место).

Результаты исследования и их обсуждение

Структура управления научными организациями

Институциональная структура управления наукой в Китае начала формироваться в 1950-х годах, когда страна переняла элементы советской модели научного управления. С тех пор система претерпела значительные изменения, адаптируясь к внутренним и внешним вызовам. В начале 2000-х годов, в рамках реформ, акцент был сделан на создание более эффективной и гибкой структуры, способной поддерживать инновации и научные исследования²³ [6; 14; 15].

Современная система управления наукой в Китае включает несколько ключевых уровней:

1. Государственные органы: Государственный совет и Министерство науки и технологий, Центральная комиссия по науке и технологиям ЦК КПК, которые формируют общую научную политику и стратегию;

²¹ China ranking in the Global Innovation Index 2025 // World Intellectual Property Organization (WIPO): [сайт]. URL: <https://www.wipo.int/gii-ranking/en/china> (дата обращения: 20.02.2026).

²² В табл. 1 представлены 5 наиболее значимых в международной практике.

²³ У Вэйхун 吴卫红, Чэнь Гаосян 陈高翔, Ян Тин 杨婷, Чэнь Дуншэн 陈冬生, Фан Юн 方勇. Чжунго кэци гуаньли цзучжи цзегоудэ лиши бяньцянь 中国科技管理组织结构的历史变迁 [Исторические изменения в организационной структуре управления наукой и технологиями в Китае] // Соху 搜狐 [Sohu.com]: [сайт]. URL: https://www.sohu.com/a/209212386_465915 (дата обращения: 02.03.2026).

2. Региональные органы: комиссии по науке и технологиям в провинциях, которые адаптируют национальные стратегии к местным условиям и потребностям, в том числе оказывают поддержку университетам;

3. Научные учреждения: Китайская академия наук является ведущим научным учреждением, играет центральную роль в управлении наукой, определяя перспективы исследований в научных институтах и университетах, которые непосредственно осуществляют изыскания и разработки [16]. Академия инженерных наук является одним из ключевых институтов в системе научного управления, основанная в 1994 г., служит высшим консультативным органом в области инженерных наук и технологий, предоставляя рекомендации правительству по важным вопросам, связанным с научными и технологическими инициативами, разработкой стратегий и планов в области инженерии и технологий²⁴. Военная академия наук играет главную роль в соответствующей сфере исследований.

Аккредитация программ высшего технического образования находится в ведении национальной общественной организации – Китайской ассоциации по аккредитации инженерного образования (China Engineering Education Accreditation Association – CEEAA), члена Китайской ассоциации науки и технологий.

В Китае существует множество научных обществ и аналитических центров, которые объединяют ученых и исследователей различных областей. Эти общества организуют конференции, семинары и другие мероприятия для обмена опытом и знаниями, в том числе и в широком международном сообществе, что способствует обмену инновациями и технологиями на глобальном уровне.

Национальный комитет по этике в сфере науки и технологий, учрежденный в 2019 г. при Государственном совете, был создан с целью разработки и внедрения этических норм и стандартов в научных исследованиях и технологических разработках, что стало особенно актуальным в свете быстрого развития технологий, таких как искусственный интеллект и биотехнологии. Комитет функционирует под руководством Центрального научного совета и включает в себя экспертов из различных областей, таких как наука, медицина, этика и право, что стало важным шагом в направлении повышения ответственности и прозрачности в научных исследованиях²⁵.

В целом, структура управления наукой и образованием в Китае продолжает развиваться, стремясь к более эффективному управлению и поддержке научных исследований, адаптации к новым вызовам. Улучшение координации между различными уровнями управления остаются ключевыми задачами для дальнейшего прогресса в этой области.

Структура научных кластеров и центров

Системное понимание научного потенциала Китая предполагает понимание статуса территориальных агломераций, инновационных кластеров, научных центров.

²⁴ Чжунго гунчэньюань 中国工程院 [Инженерная академия Китая]: [сайт]. URL: <https://www.cae.cn/> (дата обращения: 20.02.2026).

²⁵ Ван Чжиган 王志刚. Ваньшань кэци луныли чжили тиси баочжан кэци чуансинь цзянькан фачжань 完善科技伦理治理体系保障科技创新健康发展 [Совершенствование системы управления этикой в сфере науки и технологий для обеспечения здорового развития научных и технологических инноваций] // Чжунго чжэнфу ван 中国政府网 [Официальный сайт Правительства КНР]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/17/content_5719014.htm (дата обращения: 01.03.2026).

Первую группу формируют научно-технические и производственные кластеры, где сосредоточено уникальное крупное оборудование для фундаментальных международных исследований (Шанхай – Чжанцзян, Хэфэй, Пекин – Хуайжоу, Большой залив Гуандун – Гонконг – Макао и Сиань), которым уделено основное внимание в предложенной публикации. Именно в таких структурах, прошедший путь от научного центра до крупного научно-технологического кластера международного уровня, публикуется огромное количество высококачественных научных работ и сосредоточены лучшие академические умы [16].

Вторую группу представляют международные инновационные центры, которые являются ядром формирования целых городов или регионов, и выполняют роль «глобальных лидеров» (см. рис. 1).

Третью группу составляют: национальные исследовательские центры, в которые включены ключевые лаборатории международного уровня в узких областях, например, в химии, физике, электронике, наноматериалах, освоение космоса и т.п.

В 2016 г. шанхайский Чжанцзян (上海张江综合性国家科学中心) стал первым в стране комплексным национальным научным центром, утвержденным государством, основной задачей которого является укрепление способности к инновационному развитию за счет усиления фундаментальных исследований. Развитие центра способствовало повышению способности Китая к исходным инновациям и общей научно-технической мощи в междисциплинарных передовых областях на основе создания высококачественных исследовательских учреждений, крупных научно-технических инфраструктур и важных научно-технических проектов. Территория как научный кластер стабильно входит в первую десятку мира, демонстрируя очень сбалансированный и устойчивый подход и служит важными международными воротами для научного сотрудничества, привлекая как иностранные инвестиции, так и таланты со всего мира благодаря своей развитой деловой экосистеме²⁶.

В 2017г. был утвержден план строительства Хэфэйского комплексного национального научного центра (合肥综合性国家科学中心), что сделало его «вторым центром» Китая. После этого комплексный национальный научный центр Хэфэя, опираясь на комплекс крупных научных установок, сосредоточился на четырех ключевых областях: информационные технологии и интеллектуальные системы, энергетика, здравоохранение и экология, став важной силой, представляющей страну в глобальной научно-технической конкуренции и сотрудничестве²⁷ развивается до уровня крупного научного кластера.

В 2017 г. было одобрено строительство комплексного национального научного центра в Хуайжоу (Пекин) (北京怀柔综合性国家科学中心). Его стратегическое

²⁶ Шанхай чжан цзян цзунхэсин гоцзя кэсюэ чжунсинь хо пифу上海张江综合性国家科学中心获批复 [Шанхайский комплексный национальный научный центр «Чжанцзян» получил одобрение]. 08.03.2016 // Чжунхуа жэньминь гунхэго Кэсюэ цзишу бу 中华人民共和国科学技术部 [Министерство науки и технологий Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.most.gov.cn/dfkj/sh/tpxw/201603/t20160307_124522.html (дата обращения: 29.03.2025).

²⁷ Хэфэй цзунхэ син гоцзя кэсюэ чжунсинь хо пи合肥综合性国家科学中心获批复 [Хэфэйский комплексный национальный научный центр получил одобрение]. 15.01.2017 // Чжунго кэсюэ цзишу дасюэ 中国科学技术大学 [Университет науки и технологий Китая]: [сайт]. URL: <https://news.ustc.edu.cn/info/1056/64177.htm> (дата обращения: 01.03.2026).

положение заключается в том, что он является «ядром поддержки» для Пекина как центра научно-технических инноваций с глобальным влиянием, новым двигателем, ведущим мировые научные открытия и крупные прорывы в передовых технологиях. Пекинский кластер считается районом первоначальных инноваций, соответствующий стратегическим потребностям страны, является абсолютным лидером в сфере фундаментальной науки – по этому параметру он занимает первое место в мире²⁸.

В июле 2020 г. Государственный комитет по развитию и реформам и Министерство науки и технологий одобрили совместное строительство в Шэньчжэне как пилотной зоны комплексного национального научного центра Большого залива. Этот, четвертый комплексный национальный научный центр (大湾区综合性国家科学中心先行启动区), стал новой платформой для реализации национальной стратегии в области науки и технологий. Район залива Большой Гуандун-Гонконг-Аомынь показывает феноменальный рост и занимает 4-е место в общем зачете, что делает его главным двигателем технологического предпринимательства в Китае. Регион Большого залива, включающий Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Гонконг, Макао и ряд других городов дельты Жемчужной реки, представляет собой интегрированную инновационную агломерацию, в отличие от отдельных городских кластеров, ориентированную на межрегиональное взаимодействие и формирование единого инновационного пространства²⁹.

В 2023 г. Сианьский комплексный национальный научный центр и научно-технический инновационный центр (西安综合性国家科学中心和科技创新中心) получил одобрение на создание нового кластера, стремясь стать важным национальным центром научных исследований, образования и культуры, а также базой высокотехнологичной промышленности и производства. Система интегрированного обслуживания синхронизации времени, охватывающую космос, воздух и землю, разрабатываемая в Сиане, обеспечит поддержку долгосрочному развитию экономики, науки и национальной безопасности Китая, способствуя увеличению влияния страны в сфере международных услуг синхронизации времени³⁰.

Отраслевая специализация охватывает широкий спектр направлений: высокотехнологичное производство, финансовые технологии, биотехнологии, новые материалы, искусственный интеллект и «зелёные» технологии. Особую роль играет взаимодействие между Гонконгом как международным финансовым и научным центром и материковыми городами с развитой производственной базой. Ключевым

²⁸ Бэйцзин хуайжоу гоцзя кэсюе чжунсинь хо пи 北京怀柔国家科学中心获批 [Пекинский национальный научный центр в Хуайжоу получил одобрение]. 12.06.2017 // Синьхуа ван 新华网 [Информационное агентство Синьхуа]: [сайт]. URL: https://www.xinhuanet.com/politics/2017-06/12/c_129630127.htm (дата обращения: 01.03.2026).

²⁹ Да вань цюй цзунхэ син гоцзя кэсюе чжунсинь сяньсин цидун 大湾区综合性国家科学中心先行启动 [Пилотный запуск комплексного национального научного центра в Большом заливе]. 23.04.2021 // Гуанчжоу ши жэньминь чжэнфу 广州市人民政府 [Народное правительство города Гуанчжоу]: [сайт]. URL: https://www.gz.gov.cn/zt/qltjygdwqjxsdsdzgzlzfzdf/mtjj/content/post_7236273.html (дата обращения: 01.03.2026).

³⁰ Гаосинь цюй чэнцзай цзяньшэ цюаньго вэйи “шуан чжунсинь” хэсинь цюй! Кэцзи чуансинь ин лай каймэньхун 高新区承载建设全国唯一“双中心”核心区! 科技创新迎来开门红 [Высокотехнологичная зона берет на себя создание единственного в стране «двойного центра» в качестве ядра! Научно-технические инновации добились отличного старта]. 17.01.2023 // Сиань ши жэньминь чжэнфу 西安市人民政府 [Народное правительство города Сиань]: [сайт]. URL: <https://xdz.xa.gov.cn/xwzx/gxyw/63c6121df8fd1c4c2138ce9e.html> (дата обращения: 01.03.2026).

преимуществом является возможность комбинировать научный потенциал, финансовые ресурсы и производственные мощности разных юрисдикций. Вместе с тем, развитие научных кластеров сталкивается с институциональными и правовыми барьерами, связанными с различиями в административных системах и регулировании.

Международные инновационные центры – элитные научные учреждения, созданные на базе лучших университетов и институтов Академии наук Китая. Их основная задача – решение масштабных фундаментальных научных проблем на международном уровне. Например, Пекинский центр в области молекулярных наук работает вместе с Пекинским университетом, Уханьский центр по фотоникам является структурным подразделением Хуачжунского университета науки и технологий. Такие центры обладают значительными ресурсами и работают в широких, междисциплинарных областях.

Кроме того, выделяются комплексные научные центры, которые играют ключевую роль в научно-техническом прогрессе страны. Эти центры предназначены для проведения передовых исследований, разработки новых технологий и обеспечения интеграции науки и промышленности. Они служат платформами для сотрудничества между различными научными учреждениями, университетами и промышленными предприятиями. Комплексные национальные научные центры, или «фабрики открытий», представляют третий тип научных центров, в их основе лежат как огромные и уникальные научные установки, такие как синхротроны и источники нейтронов, так и разработки в области текстильной и пищевой промышленности, в области металлургии, машиностроения и автомобилестроения.

Большее количество их сосредоточено в Шэнчжэне, провинциях Гуандун, Чжэцзян, Хубэй. Отсюда активное вовлечение в процесс интеграции с промышленностью таких государственных и частных технических университетов как Shenzhen MSU-BIT University (российско-китайский образовательный проект, соучредителями которого являются МГУ имени М.В. Ломоносова, Пекинский политехнический институт и муниципальное правительство города Шэньчжэня), Южно-Китайский технологический университет, Гуандунский технологический университет, Чжэцзянский университет и др.

Представленная система поддерживается более широкой сетью научных учреждений. Прежде всего, это многочисленные государственные лаборатории, которые расположены в университетах по всей стране и сосредоточены на более узких и специфических дисциплинах, например, в области нанотехнологий, альтернативной энергетики или искусственного интеллекта. Например, Университет Циньхуа располагает возможностями Национальной лаборатории Циньхуа по изучению информационных наук и технологий, Государственной лаборатории точных измерительных технологий и техники. Кроме того, существуют отдельные крупные научно-технические объекты, такие как радиотелескоп FAST, также известный как «Небесный глаз» – самый большой в мире радиотелескоп, или источник синхротронного излучения в Шанхае. Эти установки являются национальным достоянием и обеспечивают прорывы в астрономии, физике и биологии ³¹,

³¹ Ван Ифан 王贻芳. Фачжань да кэсюе шэши, цзяньшэ кэцзи цянго 发展大科学设施, 建设科技强国 [Развитие крупномасштабных научных комплексов и строительство сильной научно-технической

способствуя развитию крупномасштабных научных комплексов сильной, в области науки и техники, стране.

В рамках реализации 77 масштабных национальных проектов по развитию научно-технической инфраструктуры были достигнуты существенные успехи в ключевых областях фундаментальной науки (физика высоких энергий, изучение космоса и биология). В рамках этих инициатив стартовали несколько уникальных международных научных проекта: Deep-time Digital Earth (DDE) и Ocean Negative Carbon Emission (ONCE), китайская миссия на Луне «Чанъэ-6» (Chang'e 6), пилотируемый глубоководный аппарат «Фэндючжэ» (Fendouzhe (Striver)), запуск в эксплуатацию первой в мире атомной электростанции четвертого поколения, открывающие новую эру в освоении космоса, океана и энергетике. Китай активно развивает инициативы в области здравоохранения, предоставляя свои вакцины и медицинские технологии другим странам, что также способствует укреплению международных связей. В целом государственно-частное партнерство является неоспоримым фактором развития научно-технической инфраструктуры страны.

Практические результаты реализации стратегии с участием технических университетов

Практические шаги следуют стратегическим интересам государства и представлены в ключевых достижениях, увеличении финансирования научных исследований, ростом числа качественных и высокорейтинговых научных публикаций, развитием высокотехнологичного экспорта и созданием инновационных структур.

Инновационно-технологический кластер Шэньчжэнь – Гонконг – Гуанчжоу (Shenzhen – Hong Kong – Guangzhou Science and Technology Innovation Cluster) представляет собой уникальный пример сетевой трансформации научных и производственных центров и инновационных хабов Китая. Основными направлениями специализации являются электроника, телекоммуникационное оборудование, искусственный интеллект, робототехника и «умное» производство. Ключевой особенностью считается его практико-ориентированный характер: инновации быстро проходят путь от идеи до промышленного внедрения благодаря наличию развитых цепочек поставок и контрактного производства.

По сравнению с пекинской моделью здесь наблюдается меньшая зависимость от академических институтов и более выраженная ориентация на рынок, что делает данный кластер одним из самых динамичных в стране. В структуру ключевых хабов НТК входят: Шэньчжэньский высокотехнологичный промышленный парк (SHIP) (искусственный интеллект (AI), робототехника и телекоммуникации); Центр инновационных технологий залива Шэньчжэнь (стартапы и международное сотрудничество); Chaihuo Makerspace (прототипирование аппаратного обеспечения и культура созидания); HAX Accelerator (стартапы в области аппаратного обеспечения). Политика Специальной экономической зоны (SEZ) упрощает ведение и развитие бизнеса. Роль технических университетов ограничена возможностями сотрудничества с Шэньчжэньским университетом и Южным университетом науки и технологий (SUSTech).

Формирование Пекинского комплексного научного центра (Beijing Comprehensive Science Center (BCSC)), началось ещё в 1980-е годы на базе концентрации ведущих университетов и научно-исследовательских институтов, включая Пекинский университет, Университет Цинхуа и учреждения Китайской академии наук. Центр активно занимается фундаментальными и прикладными исследованиями в области космонавтики, материаловедения, инженерных наук, науки о Земле. Пекинский университет (Бэйда) является важнейшим вузом, при котором действует 216 исследовательских институтов, два инженерных научных центра имеют статус общенациональных [18].

Университет Цинхуа, Китайская академия наук вносят вклад в развитие крупнейшего технологического центра «Чжунгуаньцунь» (Zhōngguāncūn), который является центром высокотехнологического промышленного пояса Пекин–Тяньцзинь–Шицзячжуан. В его состав входит 7 технопарков, ориентированных на развитие и поддержку международных корпораций типа Sony, Google, Intel, Ericsson, Lenovo и др. «Чжунгуаньцунь» характеризуется развитой инновационной инфраструктурой, включающей технопарки, бизнес-инкубаторы, венчурные фонды и центры трансфера технологий. В то же время исследователи отмечают, что чрезмерная административная регламентация и зависимость от государственного финансирования могут снижать гибкость и предпринимательскую инициативу внутри кластера.

Шанхайский научно-технологический кластер включает в себя несколько национальных лабораторий и исследовательских институтов, имеющих мировое первенство в области биомедицинских технологий, информационных технологий, биотехнологий, фармацевтики, новых материалов и экологии. Широко известны в мире национальные технопарки Шанхая, Шанхайский синхротронный центр и др. Наукоград Чжанцзян и парк высоких технологий Zhangjiang Hi-Tech Park – «Силиконовая долина Китая», в котором в 2025г. запущена новая структура развития экосистемы искусственного интеллекта. В парке находятся офисы и исследовательские центры Huawei, ZTE, Alibaba Group, Tencent, Novartis, Roche, Johnson & Johnson и др., в том числе государственные и частные биотехнологические фирмы, компании интернет-технологий и разработчики программного обеспечения, химические компании, производители полупроводников [18]. Эффективность центра поддерживают Фуданьский университет, Шанхайский университет Цзяотун, Университет Тунцзи, Восточно-Китайский университет науки и технологий (последний активно участвует в промышленных исследованиях), Шанхайский университет, университет Дунхуа и др. через систему национальных университетских научно-технических парков³².

Технические университеты Китая играют ключевую роль в формировании научных кластеров в Китае, способствуя обмену знаний и развитию новых технологий. Например, в состав комплексного научного центра Хэфэй, важного игрока в области высоких технологий и научных исследований, включая физику, биотехнологии и новые материалы, входят Университет науки и технологий Китая (входит в ТОП-100 университетов мира), Технологический университет Хэфэй, Университет Аньхой, Университет Бэйхан.

³² Научно-исследовательские учреждения // Международный сервис Шанхая: [сайт]. URL: <https://russian.shanghai.gov.cn/ru-ResearchInstitutes/20240320/c9b843bec79743c78b67b76286bdc348.html> (дата обращения 15.02.2026).

Многие университеты (Национальный университет оборонных технологий, Тяньцзинский университет, Пекинский университет, Университет Цинхуа и др.) включены в качестве отдельных высших школ или кампусов в составы НТК, в том числе, на условиях государственно-частного партнерства [19].

Университет Цинхуа, который является одним из ведущих в области инженерии и технологий и активно участвует в различных научных кластерах, включая международные инициативы и проекты. Научно-технический университет Китая (USTC) также занимает высокие позиции в мировых рейтингах и активно участвует в научных исследованиях различных кластеров, способствуя развитию новых технологий и научных направлений. Хуачжунский университет науки и технологий известен своими исследованиями в области инженерии и технологий и активно сотрудничает с промышленностью и другими научными учреждениями в рамках нескольких НТК. Упомянуты среди передовых в технологическом отношении университетов, участников НТК Фуданьский университет (области медицинских и инженерных технологий); Чжэцзянский университет (г. Хуанчжоу, провинция Чжэцзян), Харбинский институт технологий (г. Харбин, провинция Хэйлунцзян), Нанькайский университет (г. Тяньцзинь). Наиболее рейтинговые технические вузы входят в консорциум China Campus Network³³.

CWTS Leiden Ranking 2025, анализирующий исследовательский вклад 1506 университетов из 72 стран, учитывая публикации с 2019 по 2023 год, выявил, что 28 китайских учебных заведений (университетов и институтов) занимают места в топ-50 мирового рейтинга. Топ-10 позиции занимают Чжэцзянский университет, Шанхайский университет Цзяотун, Сычуаньский университет, Центральный южный университет, Хуачжунский университет науки и технологий, Сианьский университет транспорта, университеты Цинхуа и Фудань, и др.³⁴.

Государственный протекционизм и создание платформы технологического суверенитета

Эффективное функционирование инновационных кластеров в Китае во многом обеспечивается системой многоуровневой государственной поддержки, сочетающей стратегическое планирование, финансовые стимулы и институциональное сопровождение. В отличие от рыночных моделей кластерного развития, в китайской практике государство выступает ключевым актором, формирующим условия для концентрации инновационной активности и координации взаимодействия между участниками кластеров. Основой развития инновационных кластеров является система долгосрочных национальных стратегий и планов. Центральное место занимает концепция «инновационно-ориентированного развития», официально закреплённая в ряде программных документов. В рамках данной стратегии инновационные кластеры рассматриваются как опорные элементы национальной инновационной системы, способствующие повышению технологической самостоятельности и конкурентоспособности экономики.

³³ Технологические университеты Китая // China Campus Network. Объединение ведущих вузов Китая: [сайт]. URL: https://chinacampus.ru/blog_articles/tehnologicheskie-universitety-kitaya (дата обращения 04.03.2026).

³⁴ CWTS Leiden Ranking Traditional Edition 2025 // CWTS Leiden Ranking Traditional Edition: [сайт]. URL: <https://traditional.leidenranking.com/ranking/2025/list> (дата обращения: 04.03.2026).

Дополнительно кластерное развитие интегрируется в пятилетние планы социально-экономического развития, где определяются приоритетные отрасли, регионы и объёмы финансирования. Такой подход позволяет увязывать развитие кластеров с общенациональными задачами индустриальной модернизации и научно-технологического прогресса.

Широко применяются налоговые льготы для резидентов кластеров, включая сниженные ставки налога на прибыль, налоговые вычеты на расходы и льготный режим для высокотехнологичных предприятий. Дополнительным инструментом выступают прямые субсидии на проведение исследований, разработку прототипов и внедрение новых технологий.

Финансовая поддержка инновационных научно-исследовательских кластеров осуществляется через систему государственных фондов. К ним относятся фонды поддержки научных исследований, индустриальные инвестиционные фонды и венчурные фонды с государственным участием. Эти структуры обеспечивают финансирование стартапов и высокотехнологичных компаний на ранних и средних стадиях развития, снижая риски частных инвесторов.

Предварительные данные показывают, что общие расходы на исследования и экспериментальное развитие (R&D) в Китае последовательно растут (рис. 2). Ключевым элементом поддержки кластеров является создание специализированной инновационной инфраструктуры, в состав которой входят научные лаборатории, исследовательские центры, технопарки, бизнес-инкубаторы и акселераторы. Эти объекты обеспечивают участникам кластеров доступ к современному оборудованию, сервисам и профессиональной экспертизе.

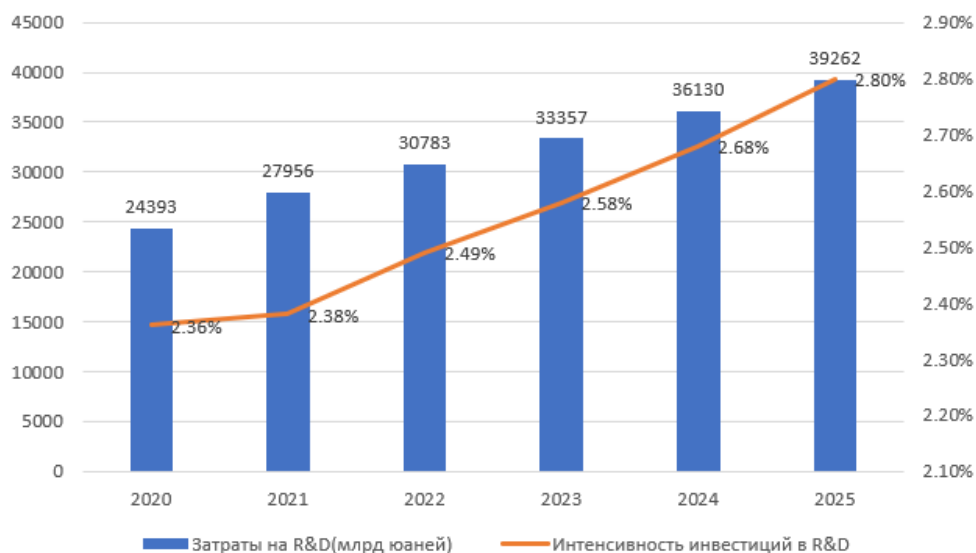

Рис. 2. Финансирование и интенсивность инвестиций в исследования и экспериментальную разработку (R&D) Китая (2020–2024 гг.), составлено авторами по данным Национального бюро статистики Китая

Fig. 2. Financing and investment intensity in research and development (R&D) of China (2020–2024), compiled by the authors based on data from the National Bureau of Statistics of China^{35,36}.

³⁵ 2024 нянь чжунго яньцзю юй шиянь фачжань (R&D) цзинфэй чаого 3,6 вань и юань 2024年中国研究与试验发展 (R&D) 经费超过 3,6 万亿元 [В 2024 году расходы Китая на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) превысили 3,6 триллиона юаней]. 23.01.2025 // Чжунго гоцзя тунцицзюй 中国国家统计局 [Национальное бюро статистики Китая]: [сайт].

Таким образом, создание инновационных платформ и научных парков рассматривается как специфический механизм реализации и развитие институциональных инноваций для трансфера технологий, объединяя отраслевые НИОКР, привлечение талантов и финансовую поддержку в рамках подхода «четыре в одном»³⁷.

Интеграционная модель развития науки и технологий с участием технических университетов Китая характеризуется системностью, многоуровневостью и ориентацией на результат. Она включает в себя не только горизонтальную интеграцию (между образованием и наукой), но и вертикальную (между университетом и промышленностью). Ключевым отличием является переход от простого сотрудничества к созданию единой экосистемы, где подготовка кадров, фундаментальные исследования и внедрение технологий в производство происходят параллельно и взаимозависимо.

Заключение

В условиях глобальной конкуренции за технологическое лидерство Китай выстраивает долгосрочную стратегию развития науки и технологий, опираясь на активную роль государства, стратегическое планирование и институциональную интеграцию науки, образования и промышленности. Модернизация университетов при этом выступает не вспомогательным, а системообразующим элементом данной стратегии. Анализ этих процессов позволяет выявить специфику китайской модели развития и расширить представления о возможных траекториях модернизации высшего образования в не западных обществах. Интеграционная модель развития науки и технологий с участием технических университетов Китая представляет собой многоуровневую систему, направленную на взаимодействие образования, науки и промышленности. Эта модель закреплена на государственном уровне в докладе XX съезда КПК, который провозгласил необходимость интегрированного развития образования, науки и технологий, а также кадрового потенциала [20]. Китай прошел несколько этапов в построении интеграционной модели, подробный анализ элементов которой и общая характеристика еще предстоит.

Современная интеграционная модель базируется на нескольких ключевых принципах, которые часто формулируются как модель «Четыре кооперации», или «Четыре интеграции» (т.е. объединение ресурсов внутри вуза: междисциплинарное

URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250123_1958421.html (дата обращения: 04.03.2026).

³⁶ Чжунхуа жэньминь гунхэго 2025 нянь гоминь цзинци хэ шэ хуй фачжань тунци гунбао 中华人民共和国2025年国民经济和社会发展统计公报 [Статистический бюллетень о народном хозяйстве и социальном развитии Китайской Народной Республики за 2025 год] // Чжунго гоцзя тунцицизюй 中国国家统计局 [Национальное бюро статистики Китая]: [сайт]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfbhjd/202602/t20260228_1962662.html (дата обращения: 04.03.2026).

³⁷ Guided by Industrial Demands, Exploring “Four-in-One” Models for the Transformation of Scientific and Technological Achievements in Universities – Exploration and Thinking of USTB Science Park // International Association of Science Parks and Areas of Innovation (IASP): [сайт]. URL: <https://www.iasp.ws/our-industry/knowledge-room/guided-by-industrial-demands,-exploring-%e2%80%9cfour-in-one-%e2%80%9d-models-for-the-transformation-of-scientific-and-technological-achievements-in-universities-%e2%80%94-exploration-and-thinking-of-ustb-science-park> (дата обращения: 04.03.2026).

сотрудничество, обмен ресурсами, кооперация между университетом и предприятием, интеграция академической и исследовательской деятельности).

Китайская модель университетской модернизации основана на активной роли государства, централизованном стратегическом управлении и тесной связи с промышленной политикой³⁸. Это отличает ее от либеральных моделей развития высшего образования и делает актуальной для изучения в контексте альтернативных путей модернизации. Исследования подтверждают, что такой подход приносит эффективные результаты. Согласно эконометрическому анализу, подготовка кадров (инновационный человеческий капитал) является фундаментом инновационной активности университетов, а передача технологий (technology transfer) играет ключевую роль в стимулировании инновационного результата [20]. Технические университеты выступают не просто как образовательные учреждения, а как драйверы стратегии технологического самообеспечения (self-reliance). Например, сотрудничество Парижского элитного института технологий (PEIT), Шанхайского университета Цзяотун и Институт ядерной энергии Китая (NPIC) привело к созданию интеллектуальных систем для атомной промышленности, которые были напрямую внедрены на предприятии, что демонстрирует эффективность модели по сокращению пути «от лаборатории до производства». Однако более глубокий анализ показывает ограниченное число технических университетов как полноценных элементов развития науки и технологий страны. Можно предполагать, что горизонты перспективы откроются еще для нескольких университетов к концу текущего десятилетия.

Китай добился создания современной и эффективной системы, основанной на собственном научно-инновационном потенциале, в сочетании с реальным потребительским спросом и предложениями внутри страны. В образовательной сфере, учитывая масштабы и относительно невысокий «стартовый уровень», уделяется повышенное значение применяемому анализу тактики и стратегии, мониторингу результатов пройденных этапов.

Государственная стратегия развития научных центров в Китае демонстрирует специфическую модель интеграции технических университетов в общую систему научно-технологического развития, обеспечивающую технологический суверенитет страны. Китайская модель инновационного развития подчеркивает ключевую роль интеллектуальной собственности в стимулировании инновационных процессов и экономического роста. В результате инновационные кластеры в Китае выступают не только как рыночная экосистема, а как элемент и механизм реализации государственной стратегии долгосрочного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжао Чжицян 赵志强. Чжунго гунчаньдан цзай шэхай чжуи гэмин хэ цзяньшэ шици дуй Чжунго ши сяньдайхуа дэ таньсо 中国共产党在社会主义革命和建设时期对中国式现代化的探索 [Изучение Коммунистической партией Китая модернизации в китайском стиле в период социалистической революции и строительства] // Сюэшу таньсо 学术探索 [Академические исследования]. 2025. № 2 (303). С. 109–117.

³⁸Технологический отрыв Китая. Альтернатива Западу в науке и патентах. 10.10.2024 // Росконгресс: [сайт]. URL: https://roscongress.org/materials/tekhnologicheskii-otryv-kitaya-alternativa-zapadu-v-nauke-i-patentakh/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 04.03.2026).

2. Дэн Тао. Современное состояние и тенденции модернизации системы высшего образования в Китае: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. 24 с.
3. Ли Мэнлун, Цинь Бенчюю, Бай Яцзин. История и реальность «китайской модели» развития высшего образования с точки зрения слияния университетов // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2023. Т. 7. № 2. С. 527–575. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-4>. EDN: FSCPOU.
4. Пироженко Л.В., Ван Синсинь. Высшее образование в Китае: современное состояние и основные направления развития до 2035 г. // *Университетский педагогический журнал*. 2022. № 1. С. 43–49. EDN: ACRLAS.
5. Лбова Л.В., Решетнёва У.Н. Международные рейтинги технических университетов России и Китая 2025 года в контексте модернизации высшей школы // *Россия в глобальном мире*. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 134–154. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.3.8>. EDN: AEUEUM.
6. Файзуллина Н.Г. Национальная инновационная система Китая // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 6–3. С. 628–631. EDN: UDVIGV.
7. Цзя Баоюй 贾宝余, Лю Ли 刘立, Ван Гун 王公. Чжунго гунчаньдан кэцзи чжэнцэ сысян яньцзю. 中国共产党科技政策思想研究. [Исследование научно-технической политики Коммунистической партии Китая]. Хэфэй: Аньхой кэсюэ цзишу чубаньшэ 合肥:安徽科学技术出版社 [Хэфэй: Издательство «Аньхой наука и техника»]. 2024. 380 с.
8. Wang Zhanjun, Zhang Wei, Zhai Yajun. Strategic Anchoring and Promotion Strategies for the Development of Universities During the “15th Five-Year Plan” Period // *China Higher Education Research*. 2026. Vol. 42. Iss. 1. P. 19–26. <https://doi.org/10.16298/j.cnki.1004-3667.2026.01.03>.
9. Ли Лиго 李立国, Тянь Хаоран 田浩然. Гаосяо сюэжэ чжуанье тяочжэн цзичжи дэ яньцзинь личэн цзи лоцзи бяньгэ 高校学科专业调整机制的演进历程及逻辑变革 [Эволюция и логические изменения механизма корректировки академических дисциплин и специальностей в высших учебных заведениях] // *Сяньдай цзяюй гуаньли 现代教育管理 [Современное управление образованием]*. 2026. № 3. С. 26–38. <https://doi.org/10.16697/j.1674-5485.2026.03.003>.
10. О’Коннор Д., Макдермотт И. Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. М.: Альпина Паблишер. 2022. 396 с.
11. Фролова Т.Н., Шашурина Г.В. Системный подход и его роль в научном исследовании // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2023. № 1. С. 158–161. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-158-161>. EDN: DGGYEU.
12. Иванов С.А. Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // *Известия Восточного института*. 2018. № 2 (38). С. 6–23. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/6-23>. EDN: UZZVJK.
13. Лукашин Ю.П., Рахлина Л.И. Инновационные кластеры за рубежом и в России // *Вестник МИРБИС*. 2019. № 2 (18). С. 142–153. <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.2.19>. EDN: RJBMNT.
14. Ключихин Е.А. Научная и инновационная политика Китая // *Международные процессы*. 2013. Т. 11. № 2 (33). С. 37–55. EDN: RMXPED.
15. Петровский А.Б., Проничкин С.В., Стернин М.Ю., Шепелёв Г.И. Организация и управление наукой: опыт Китая. // *Труды Института системного анализа Российской Академии наук*. 2017. Т. 67. № 4. С. 54–64. EDN: ZXPTDT.
16. Фэн Линцзы 冯凌子, Лю Цзин 刘敬, Юань Цзюньпэ 袁军鹏. Вого кэянь чэнсинь чжэнцэ бяньцянь цзилян фэньси 我国科研诚信政策变迁计量分析 [Эконометрический анализ эволюции политики обеспечения добросовестности научных исследований в Китае] // *Тушу цинбао гунцзо 图书情报工作 [Библиотечно-информационная служба]*. 2020. Т. 64. Вып. 9. С. 73–84. <https://doi.org/10.13266/j.issn.0252-3116.2020.09.009>.
17. Лаврикова Ю.Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2009. 358 с. EDN: QEAKPJ.
18. Хао Пин. Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае / пер. с кит. К.А. Орышыч. М.: Шанс, 2019. 432 с.

19. Цзя Ляньна. Государственно-частное партнерство как фактор развития научно-технической инфраструктуры Китая // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2 (44). С. 39–44. EDN: JOXLNU.
20. Хуан Чжаосинь 黄兆信, Лонг Зехай 龙泽海, Хань Гуаньшуан 韩冠爽. Цзяюй кэци жэньцай ити хуа дэ гаосяо чуансинь чжи дао — цзиюй чуансинь тоужу косань юй чуансинь чань чу дэ мяньбань мосин 教育科技人才一体化的高校创新之道基于创新投入扩散与创新产出的面板模型 [Новый подход к инновациям в высшем образовании: интеграция образования, науки, технологий и талантов – панельная модель, основанная на распространении инноваций и их результатах] // Хуадун шифань дасюэ сюэбао (цзяюй кэсюэ бань) 华东师范大学学报(教育科学版) [Журнал Восточно-Китайского педагогического университета (издание по педагогическим наукам)]. 2025. № 43 (07). С. 13–28. <https://doi.org/10.16382/j.cnki.1000-5560.2025.07.002>.

REFERENCES

1. Zhongguo gongchandang zai shehui zhuyi geming he jianshe shiqi dui zhongguo shi xiandaihua de tansuo 中国共产党在社会主义革命和建设时期对中国式现代化的探索 [The Communist Party of China's Exploration of Chinese-style Modernization during the Socialist Revolution and Construction Period]. *Xueshu tansuo 学术探索 [Academic Exploration]*. 2025. No. 2 (303). P. 109–117. (In Chinese).
2. Deng, Tao. Sovremennoye sostoyaniye i tendentsii modernizatsii sistemy vysshego obrazovaniya v Kitaye [The Current State and Trends of Modernization of the Higher Education System in China]. Author's abstract. dis. ... Candidate of pedagogical sciences. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2023. 24 p. (In Russian).
3. Li, Menglong, Qin, Benchuyue, Bai, Yajing. History and Reality of the Chinese Model of Higher Education Development from the Perspective of University Mergers. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2023. Vol. 7. No. 2. P. 527–575. (In Russian). <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-4>. EDN: FSCPOU.
4. Pirozhenko, L.V., Xingxin, Wang. Higher Education in China: Current State and the Main Directions of Development UNTIL 2035. *University Pedagogical Journal*. 2022. No. 1. P. 43–49. (In Russian). EDN: ACRLAS.
5. Lbova, L.V., Reshetneva, U.N. International Ranking of Chinese and Russian Universities in the Context of Modernization of Higher Education in 2025. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 134–154. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.3.8>. EDN: AEUEUM.
6. Fayzullina, N.G. National Innovation System of China. *Fundamental Research*. 2015. No. 6–3. P. 628–631. (In Russian). EDN: UDVIGV.
7. Jia Baoyu 贾宝余, Liu Li 刘立, Wang Gong 王公. Zhongguo gongchandang keji zhengce sixiang yanjiu 中国共产党科技政策思想研究 [Research on the Science and Technology Policy Thought of the Communist Party of China]. 合肥:安徽科学技术出版社 Hefei: Anhui kexue jishu chubanshe [Hefei: Anhui Science and Technology Press]. 2024. 380 p. (In Chinese).
8. Wang Zhanjun, Zhang Wei, Zhai Yajun. Strategic Anchoring and Promotion Strategies for the Development of Universities During the “15th Five-Year Plan” Period. *China Higher Education Research*. 2026. Vol. 42. Iss. 1. P. 19–26. <https://doi.org/10.16298/j.cnki.1004-3667.2026.01.03>.
9. Li Liguо 李立国, Tian Haoran 田浩然. Gaoxiao xueke zhuanYe tiaozheng jizhi de yanjin licheng ji luoji biange 高校学科专业调整机制的演进历程及逻辑变革 [The Evolutionary Process and Logical Transformation of Disciplinary and Majors Adjustment Mechanisms in Higher Education Institutions]. *Xiandai jiaoyu guanli 现代教育管理 [Modern Education Management]*. 2026. No. 3. P. 26–38. (In Chinese). <https://doi.org/10.16697/j.1674-5485.2026.03.003>.
10. O'Connor, D., McDermott, I. The Art of Systems Thinking: Essential Skills for Creativity and Problem Solving. Moscow: Alpina Publisher. 2022. 396 p. (In Russian).

11. Frolova, T.N., Shashurina, G.V. The Systematic Approach and its Role in Scientific Research. *Psychology and Pedagogy of Service Activity*. 2023. No. 1. P. 158–161. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-158-161>. EDN: DGGYEU.
12. Ivanov, S.A. China's Science and Technology Policy: Priorities of Catching-up Development and Results. *Oriental Institute Journal*. 2018. No. 2 (38). P. 6–23. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/6-23>. EDN: UZZVJK.
13. Lukashin, Yu.P., Rakhlina, L.I. Innovative Clusters in World and in Russia. *Vestnik MIRBIS*. 2019. No. 2 (18). P. 142–153. (In Russian). <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.2.19>. EDN: RJBMENT.
14. Klochikhin, E.A. China's Science and Innovation Policy. Achievements and Prospects. *International Processes*. 2013. Vol. 11. No. 2 (33). P. 37–55. (In Russian). EDN: RMXPED.
15. Petrovsky, A.B. Pronichkin, S.V., Sternin, M.Yu., Shepelev, G.I. Organization and Management of Science: The Experience of China. *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 67. No. 4. P. 54–64. (In Russian). EDN: ZXPTDT.
16. Feng Lingzi 冯凌子, Liu Jing 刘敬, Yuan Junpeng 袁军鹏. Woguo keyan chengxin zhengce bianqian jiliang fenxi 我国科研诚信政策变迁计量分析 [Quantitative Analysis of the Changes of Research Integrity Policy in China]. *Tushu qingbao gongzuo 图书情报工作 [Library and Information Service]*. 2020. Vol. 64. Iss. 9. P. 73–84. (In Chinese). <https://doi.org/10.13266/j.issn.0252-3116.2020.09.009>.
17. Lavrikova, Yu.G. Klastery kak rynochnyy institut prostranstvennogo razvitiya ekonomiki regiona [Clusters as a Market Institution for Spatial Development of a Region's Economy]. Diss. ... Doctor of Economics. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, 2009. 358 p. (In Russian). EDN: QEAKPJ.
18. Hao Ping. Peking University and the Origins of Higher Education in China. Translated from Chinese by K.A. Oryshich. Moscow: Chance, 2019. 432 p. (In Russian).
19. Jia Lianna. Public-Private Partnership as a Factor in the Development of Scientific and Technical Infrastructure in China. *Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts*. 2022. No. 2 (44). P. 39–44. (In Russian). EDN: JOXLNU.
20. Huang Zhaoxin 黄兆信, Long Zehai 龙泽海, Han Guanshuang 韩冠爽. Jiaoyu keji rencai yiti hua de gaoxiao chuangxin zhi dao – – jiyu chuangxin touru kuosan yu chuangxin chan chu de mianban moxing 教育科技人才一体化的高校创新之道——基于创新投入扩散与创新产出的面板模型 [A New Approach to Innovation in Higher Education: Integrating Education, Science, Technology, and Talent – A Panel Model Based on Innovation Input Diffusion and Innovation Output]. *Huadong shifan daxue xuebao (jiaoyu kexue ban) 华东师范大学学报(教育科学版) [Journal of East China Normal University (Educational Science Edition)]*. 2025. No. 43 (07). P. 13–28. <https://doi.org/10.16382/j.cnki.1000-5560.2025.07.002>.

Сведения об авторах / Information about authors

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: lbova_lv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-4103-7785

Чжан Цзинькай – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: chzhan7.ts@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-7553-5800

Лазарева Варвара Дмитриевна – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: lazareva2.vd@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0007-0635-8547

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Lbova Liudmila V. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: lbova_lv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-4103-7785

Zhang Jinkai – postgraduate student of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: chzhan7.ts@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-7553-5800

Lazareva Varvara D. – Master’s student of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: lazareva2.vd@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0007-0635-8547

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.03.2026.

Одобрена после рецензирования 03.04.2026.

Принята 04.04.2026.

Received 11.03.2026.

Approved after reviewing 03.04.2026.

Accepted 04.04.2026.

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [SWORUW](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.2](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Гуманитарная дипломатия и управление образованием: роль международных неправительственных организаций в образовательном секторе Афганистана (2020–2025)

Нори Абдул Сабур

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
 nuri@urfu.ru

Аннотация

Введение. В исследовании представлен комплексный анализ роли международных неправительственных организаций в управлении сектором образования Афганистана в условиях острого гуманитарного и политического кризиса 2020–2025 годов. Исследование опирается на концепцию гуманитарной дипломатии как инструмента поддержания жизнеспособности социальных институтов в условиях «хрупкого государства». Актуальность темы определяется необходимостью обеспечения доступа к образованию в условиях смены режима, гендерной дискриминации и международной изоляции. В качестве исследовательских вопросов рассматривается: как международные неправительственные организации адаптировали образовательные программы к ограниченным политическим условиям и какие механизмы обеспечивали продолжение обучения детей, особенно девочек.

Материалы и методы. Исследование основано на данных межправительственных организаций: Детского фонда Организации Объединённых Наций (United Nations International Children's Emergency Fund), Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization), а также внутренних отчетах ключевых международных неправительственных организаций (International non-governmental organizations, включая Save the Children, Cooperative for Assistance and Relief Everywhere и Norwegian Refugee Council). Автор проанализировал официальные документы, отчеты, программы и статистические данные для реконструкции динамики сектора образования Афганистана после смены режима в августе 2021 г. Для оценки влияния программ Community-Based Education и других адаптивных механизмов был проведен контент-анализ и анализ программ, включающий систематическое изучение их содержания, структуры, целей, целевых групп и механизмов реализации, а также оценку соответствия программ заявленным задачам и ожидаемым результатам.

Результаты. Исследование показало, что в условиях отсутствия государственного финансирования и международной изоляции режима Талибана, международные организации фактически взяли на себя функции теневого министерства образования, обеспечив доступ к начальному образованию для 6,77 млн детей. Отмечено, что 2,2 млн девочек были исключены из среднего образования из-за ограничительных политик. Программы Community-Based Education стали единственным устойчивым механизмом сохранения образовательной

инфраструктуры, несмотря на критическую нехватку финансирования, покрывающую лишь 22% потребностей в 2025 году.

Заключение. Полученные результаты демонстрируют решающую роль международных неправительственных организаций в поддержании функционирования сектора образования Афганистана в условиях политического и гуманитарного кризиса. Исследование подчеркивает важность адаптивных образовательных программ и потенциал в роли квази-государственных акторов в условиях «хрупких государств». Эти данные способствуют пониманию механизмов гуманитарной дипломатии и информируют стратегии поддержки образования в кризисных регионах.

Ключевые слова: Афганистан; международные неправительственные организации; гуманитарная дипломатия; образование девочек; управление в условиях кризиса

Для цитирования: Нори А.С. Гуманитарная дипломатия и управление образованием: роль международных неправительственных организаций в образовательном секторе Афганистана (2020–2025) // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 36–46. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.2>. EDN: SWORUW.

© Нори А.С., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Humanitarian Diplomacy and Education Governance: The Role of International non-Governmental Organizations in the Education Sector of Afghanistan (2020–2025)

Abdul S. Noori

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia
 nuri@urfu.ru

Abstract

Introduction. This investigation presents a comprehensive analysis of the role of International Non-Governmental Organizations in the governance of Afghanistan's education sector during the severe humanitarian and political crisis of 2020 – 2025. The study is grounded in the concept of humanitarian diplomacy as a tool for maintaining the viability of social institutions in a "fragile state" context. The relevance of the topic is determined by the urgent need to ensure access to education under conditions of regime change, gender-based exclusion, and international isolation. The research questions focus on how INGOs (International non-governmental Organizations) adapted educational programs to restrictive policies and what mechanisms ensured continuity of schooling for children, especially girls.

Materials and methods. The study is based on data from intergovernmental organizations of the UN system, including UNICEF and UNESCO, as well as internal reports from key international non-governmental organizations (INGOs), such as Save the Children, CARE, and the Norwegian Refugee Council (NRC). The authors analyzed policy documents, program reports, and statistical data to reconstruct the dynamics of Afghanistan's education sector after the August 2021 regime change. Content and program analysis were conducted to assess the impact of Community-Based Education (CBE) programs and other adaptive mechanisms.

Results. The study finds that, amid the lack of state funding and international isolation of the de facto authority's regime, INGOs (International non-governmental Organizations) effectively assumed the functions of a shadow ministry of education, ensuring access to primary schooling for 6.77 million children. The research highlights that 2.2 million girls were excluded from secondary education due to restrictive policies. Community-Based Education programs emerged as the sole sustainable mechanism for preserving educational infrastructure, despite critical funding shortages that covered only 22% of needs in 2025.

Conclusion. The findings demonstrate that INGOs (International non-governmental Organizations) played a decisive role in maintaining the operational viability of Afghanistan's education sector under conditions of political and humanitarian crisis. The study underscores the importance of adaptive educational programs and the potential of International Non-Governmental Organization to act as quasi-governmental actors in fragile state contexts. These insights contribute to the understanding of humanitarian diplomacy and inform strategies for supporting education in crisis-affected regions.

Keywords: Afghanistan; International NGOs (none-governmental organizations); humanitarian diplomacy; girls' education; crisis governance

For citation: Noori, A.S. Humanitarian Diplomacy and Education Governance: The Role of International none-Governmental Organizations in the Education Sector of Afghanistan (2020–2025). *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 36–46. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.2>. EDN: SWORUW.

© Noori, A.S., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Современный Афганистан представляет собой уникальный кейс для исследователей международных отношений и образовательной политики, демонстрируя беспрецедентный по масштабу и сложности кризис управления социальной сферой. Период с 2020 по 2025 годы стал временем тектонических сдвигов в архитектуре афганской государственности, маркированным не только возвращением движения «Талибан» к власти в августе 2021 г., но и последующим коллапсом институциональных основ, созданных при поддержке международного сообщества за предыдущие два десятилетия. Образовательный сектор, традиционно рассматриваемый как индикатор модернизации и социального прогресса, оказался в эпицентре идеологического и политического противостояния, став заложником геополитической изоляции и внутренних репрессивных практик.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления новых форм международного участия в зонах конфликтов, где традиционные межгосударственные механизмы оказываются неэффективными или заблокированными. В условиях, когда официальная дипломатия заходит в тупик из-за непризнания де-факто властей – фактически правящие, но международно не признанные власти Афганистана, на передний план выходит «гуманитарная дипломатия» – совокупность практик переговоров и операционной деятельности, осуществляемых негосударственными акторами для обеспечения доступа к уязвимым группам населения.

Международные неправительственные организации (далее – МНПО) трансформировались из исполнителей проектов развития в ключевых субъектах управления образовательной системой, фактически замещая государственные функции в критических областях.

Масштаб гуманитарной катастрофы в сфере образования к 2025 г. достиг критических значений. Согласно последним данным отчета «Afghanistan Education Situation Report 2025», 8,9 млн детей, включая 888 000 детей с инвалидностью, нуждаются в экстренной образовательной поддержке. Наиболее вопиющим проявлением кризиса стала систематическая гендерная сегрегация: с момента

введения запретов в 2021 г. более 2,2 млн девочек были де-факто исключены из системы среднего и высшего образования, что создает риск формирования «потерянного поколения» и долгосрочной деградации человеческого капитала. При этом образовательная бедность достигла рекордных показателей – 93% детей младшего школьного возраста не способны прочитать и понять простой текст, что свидетельствует о системном провале качества обучения на фоне борьбы за количественный охват.

В этой связи, научная проблема данного исследования заключается в противоречии между нормативными императивами международного права (право на образование) и реальными практиками реализации образовательной политики в условиях тоталитарного религиозного режима и ограниченности ресурсов. МНПО вынуждены оперировать в "серой зоне", балансируя между принципами нейтральности и необходимостью противодействия дискриминационным практикам, при этом сталкиваясь с колоссальным дефицитом финансирования – в 2025 г. гуманитарный план реагирования в секторе образования профинансирован лишь на 22%.¹

Объектом исследования является сектор образования Афганистана в период гуманитарного и политического кризиса 2020–2025 годов. Предметом исследования выступает деятельность международных неправительственных организаций (МНПО) и механизмы гуманитарной дипломатии, применяемые ими для управления, адаптации и обеспечения непрерывности образовательного процесса, в особенности для девочек, в условиях хрупкости государства и международной изоляции.

Степень изученности проблемы. Обзор литературы

Теоретические основы гуманитарной дипломатии

Концепция гуманитарной дипломатии широко обсуждается в работах западных специалистов по международным отношениям [1]. Автор предлагаемой статьи рассматривает её как деятельность, направленную на убеждение лиц, принимающих решения, действовать в интересах уязвимых групп с соблюдением гуманитарных принципов. В условиях Афганистана данная концепция приобретает особое значение, превращаясь из инструмента «мягкой силы» в практический механизм выживания. Российские исследователи, в частности Богатырева О.А. [2], отмечают, что в условиях фрагментации мирового порядка международные неправительственные организации выступают в роли квази-государственных акторов, способных вести переговоры там, где государства ограничены политическими рамками. Барнетт М. [3] указывает, что гуманитарная дипломатия напрямую связана с понятием доступа, который в афганском контексте определяется сложной системой локальных соглашений с полевыми командирами и местными шурами (советами).

Роль МНПО и исторический контекст

Научные публикации и анализ отчетов [6; 7] ясно показывают: политика Талибана сильно ударила по женскому образованию. Улла (2025) прямо называет период с 2021 по 2025 год «коллапсом» и подчеркивает, что запрет на учебу для

¹ Afghanistan Education Situation Report 2025 // UNICEF Afghanistan; UNESCO: [сайт]. URL: <https://articles.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2025/10/Afghanistan%20Education%20Situation%20Report%202025.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

девочек был сознательным шагом. Но, если посмотреть глубже, исследования [8; 9] говорят о том, что кризис в афганском образовании появился не вчера: учебные заведения в этой стране всегда оказывались в центре политических конфликтов. Сейчас ситуация становится еще тяжелее: около 2,7 миллиона человек вернулись в Афганистан из Пакистана и Ирана. Это только усилило давление на школы и университеты, которые и так едва справляются [10].

В более широком теоретическом смысле гуманитарная дипломатия представляет собой не только совокупность переговорных практик, направленных на обеспечение доступа к уязвимым группам, но и особую форму институционального посредничества между гуманитарными организациями, локальными властями и международным сообществом в условиях ограниченного политико-правового признания [11].

Современные исследования образования в чрезвычайных и конфликтных ситуациях дополнительно показывают, что устойчивость образовательных услуг в «хрупких государствах» обеспечивается, как правило, не исключительно за счет формальных государственных институтов, а посредством гибридных конфигураций управления, в которых ключевую роль играют международные организации, местные сообщества и негосударственные провайдеры образовательных услуг [12].

Методы и материалы

В этом исследовании автор использует комплексный подход: количественный анализ статистики, и качественный контент-анализ документов. Временные рамки с 2020 по 2025 год. Такой диапазон помогает увидеть, как всё менялось: от последнего года существования Исламской Республики Афганистан до передачи власти и нынешней консолидации режима де-факто властей.

В рамках контент-анализа проработано больше 40 документов, чтобы выявить основные нарративы и понять, как МНПО приспосабливаются к новым условиям. С помощью статистической обработки была выявлена динамика охвата сферы образования (Gross Enrollment Ratio) и проведена оценка нехватки финансирования.

Эмпирическую базу этого исследования составили три группы источников. Во-первых, это статистические отчеты международных организаций. Больше всего информации дали отчеты «Afghanistan Education Situation Report 2025» (UNESCO и UNICEF), данные системы EMIS, которые проверили международные партнеры, и оперативные сводки ОСНА по гуманитарному реагированию в 2025 г.

Вторую группу составили документы международных неправительственных организаций. Автором проанализированы стратегические документы, годовые отчеты и пресс-релизы крупных МНПО, которые работают в этой сфере: Save the Children, Norwegian Refugee Council (NRC), CARE International. Особенно полезными оказались внутренние оценки потребностей и отчеты о том, как проходят программы образования на базе общин Community-Based Education (CBE).²

² Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2025 (December 2024) // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA): [сайт]. URL: <https://www.unocha.org/publications/report/afghanistan/afghanistan-humanitarian-needs-and-response-plan-2025-december-2024> (дата обращения: 24.03.2026).

И наконец, нормативные акты и декреты.³

Автором внимательно были изучены доступные переводы указов действующих властей, которые регулируют образовательную деятельность, учебные планы и устанавливают ограничения для женщин как для сотрудниц, так и для учениц.

Результаты и их обсуждение

Судя по собранным данным, в Афганистане к 2025 г. складывается дуалистичная система образования. Начальная школа ещё держится там относительно стабильно. Однако среднее и высшее образование для женщин фактически рухнули. В этой ситуации международные неправительственные организации, по сути, становятся теми, кто поддерживает хотя бы базовую инфраструктуру.

Динамика охвата и гендерный разрыв

Данные, представленные в Таблице 1, демонстрируют катастрофическое влияние политических решений на доступность образования. Несмотря на рост абсолютных цифр в начальной школе, качество и непрерывность образования остаются под угрозой.

Таблица 1 / Table 1

Динамика охвата образованием в Афганистане, 2020–2025 гг.⁴

Education Dynamics in Afghanistan, 2020–2025

Показатель	2020 (до кризиса)	2022 (кризис)	2024 / 2025 (текущее состояние)	Динамика (%)
Начальное образование (всего), млн чел.	7.2	6.0	6.77	-6.0%
Начальное образование (девочки), млн чел.	2.8	2.4	3.0	+7.1%
Среднее образование (девочки), млн чел.	1.1	0 (де-факто)	0 (де-факто)	-100%
GER (мальчики), %	115%	110%	104%	-9.5%
GER (девочки), %	85%	74%	87%	+2.3%
Индекс гендерного паритета (GPI)	0.68	0.69	0.84 (нач. школа)	+23%

Парадоксальным образом наблюдается рост показателя гендерного паритета в начальной школе (до 0,84), что, однако, связано не столько с улучшением положения девочек, сколько со снижением охвата мальчиков из-за экономической необходимости работать. При этом 2,2 миллиона девочек остаются исключенными из системы пост-начального образования.

³ Statement: The decree barring women in Afghanistan from working in non-governmental organizations is yet another stark violation of women's rights. 24.12.2022 // UN Women: [сайт]. URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/statement/2022/12/statement-the-decree-barring-women-in-afghanistan-from-working-in-non-governmental-organizations-is-yet-another-stark-violation-of-womens-rights> (дата обращения: 24.03.2026).

⁴ Примечание: Данные составлены авторами на основе отчетов ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ (2025). Рост числа девочек в начальной школе объясняется демографическим давлением и успешностью кампаний по возвращению в школу (Back-to-School), однако цифра "0" в среднем образовании отражает полный запрет.

Институциональный ландшафт МНПО

В условиях паралича государственной системы, МНПО взяли на себя операционное управление тысячами образовательных точек.

Афганский опыт общинно-ориентированного образования подтверждает, что приближение школы к месту проживания учащихся существенно повышает как уровень охвата, так и фактическую доступность обучения для девочек, особенно в сельских и социально консервативных сообществах, где пространственные и нормативные барьеры имеют принципиальное значение [13]. Таблица 2 иллюстрирует масштаб вовлеченности ключевых акторов.

Таблица 2 / Table 2

Основные МНПО в образовательном секторе Афганистана (2024–2025) **Major INGOs in the Education Sector of Afghanistan (2024–2025)**

Организация	Сфера деятельности	Охват / Ресурсы	Регионы присутствия
UNICEF (United Nations International Children's Emergency Fund (Лид-агентство))	Поддержка Community-Based Education CBE, печать учебников, зарплаты учителям	Поддержка 21,000 классов CBE; охват >1 млн детей	Все 34 провинции
Save the Children	Образование в защита детей, раннее развитие Early Childhood Development (ECD)	Более 500,000 бенефициаров; программы питания в школах	Северные и центральные провинции (Балх, Кабул, Нангархар)
Norwegian Refugee Council (NRC)	Ускоренное обучение (ALP), правовая помощь	Фокус на перемещенных лицах (IDPs) и возвращенцах	Запад и Восток (Герат, Хост)
CARE Cooperative for Assistance and Relief Everywhere International	Образование для девочек (в рамках дозволенного), Community-Based Education (CBE)	Поддержка общинных школ в труднодоступных районах	Сельские районы (Парван, Газни)
UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization)	Грамотность взрослых, мониторинг, неформальное образование	Программа YALBE (Youth and Adult Literacy), охват 56,000+	Национальный уровень (политика) и локальные центры

Ключевым механизмом стали классы общинного образования (Community-Based Education – CBE). К 2025 г. функционирует около 21 000 таких классов, охватывающих более миллиона детей, 60% из которых – девочки. Это единственная форма обучения, которая в силу своей локальной специфики и "невидимости" для центральной бюрократии продолжает функционировать в сельской местности.

Финансовый кризис и его последствия

Несмотря на высокую эффективность МНПО, сектор сталкивается с критическим недофинансированием. Таблица 3 показывает динамику финансовой поддержки.

Таблица 3 / Table 3

Финансирование образования в Афганистане, 2023–2025 гг. (млн долл. США)
Education Financing in Afghanistan, 2023–2025 (US\$ millions)

Показатель	2023	2024	2025 (прогноз/факт)
Общий запрос по плану гуманитарного реагирования (HRP)	\$4.6 млрд	\$3.06 млрд	\$3.2 млрд (оценка)
Запрос на сектор образования	\$215 млн	\$186 млн	\$240 млн
Фактическое финансирование образования	\$110 млн	\$85 млн	\$52.8 млн (на I кв.)
Процент покрытия потребностей сектора	51%	45%	22%
Доля образования в общей гуманитарной помощи	2.4%	2.8%	1.6%

Данные свидетельствуют о резком падении интереса доноров. Покрытие потребностей в 22% в 2025 г. ставит под угрозу закрытия тысячи классов Community-Based Education CBE и прекращение выплат стимулирующих надбавок учителям, что может привести к полному краху системы.

Таблица 4 / Table 4

Программы МНПО и их результаты (2024–2025)
INGO Programs and Their Results (2024–2025)

Тип программы	Количество бенефициаров	Гендерное распр. (Ж/М)	Основные результаты
Экстренное образование Education in Emergencies (EiE)	8.9 млн нуждающихся (охват ~30%)	48% / 52%	Обеспечение временных учебных центров для возвращенцев и IDP
Community-Based Education (CBE)	1.0 млн	60% / 40%	Доступ к образованию в радиусе 3 км; сохранение охвата девочек
Продовольствие за образование (WFP/UNICEF) World Food Programme United Nations International Children's Emergency Fund	~3 млн	50% / 50%	Снижение отсева из-за голода; раздача высокоэнергетического печенья
Teacher Training (Повышение квалификации)	~80,000 учителей	30% / 70%	Внедрение методик психосоциальной поддержки; обучение в условиях стресса

Дискуссия

Все эти результаты показывают, что в Афганистане складывается особый подход к гуманитарному управлению, и всё это происходит на фоне развалившегося государства. МНПО здесь уже давно не просто исполнители или поставщики услуг, они стали чем-то вроде стержня всей системы образования. Гуманитарная дипломатия, о которой так любят говорить на конференциях, на деле тут выглядит куда менее пафосно: всё решают тихие, сложные переговоры на уровне провинций и

отдельных районов. Представители МНПО встречаются с местными талибами, чтобы договариваться о работе школ для девочек хотя бы до шестого класса и о классах Community-Based Education (CBE), маленьких островках образования.

Но у этой модели есть свои острые углы. С одной стороны, поддерживая начальное образование в государственных школах, международные доноры фактически помогают легитимизировать режим, который проводит политику гендерного апартеида. Плюс к этому тревожная тенденция: власти пытаются встроить классы CBE в официальную систему школ и медресе, и это грозит тем, что контроль над качеством и содержанием образования будет утрачен.

Есть и ещё одна серьезная проблема: «утечка мозгов» и нехватка кадров. Запрет женщинам работать в МНПО (пусть и с редкими исключениями для медицины и образования) сильно ударил по возможностям организаций. При этом исключение женщин из гуманитарной инфраструктуры имеет не только кадровые, но и системные последствия: в афганском контексте участие женщин-сотрудниц является функционально необходимым условием предоставления медицинских, образовательных и социальных услуг женщинам и девочкам, а потому подобные ограничения подрывают саму операционную логику гуманитарного присутствия [14].

Судя по данным (см. Табл. 3), доноры и сами не могут поддерживать уровень финансирования, который упал до 22% от нужной суммы. Мир переключил внимание на другие горячие точки (Украина, Газа, Иран), и Афганистан исчез из поля зрения.

Если сравнивать с другими кризисами вроде Сирии или Йемена, Афганистан выделяется тем, что здесь государство не только не может, но и не хочет по своим убеждениям давать образование половине страны. Это заставляет МНПО изобретать что-то новое: запускать онлайн-курсы, поддерживать подпольные домашние школы, о чем умалчивают официальные отчеты.

Заключение

Исследование показывает: с 2020 по 2025 годы международные неправительственные организации буквально спасли начальное образование в Афганистане от краха. Сработала гуманитарная дипломатия и 6,77 миллиона детей сохранили доступ к учебе, а для самых уязвимых открылись альтернативные школы Community-Based Education (CBE).

Но вся эта «стабильность» на тонком льду. 2,2 миллиона девочек лишились возможности ходить в среднюю школу. Качество знаний резко упало: сейчас 93% детей живут в образовательной бедности. Международные доноры сокращают финансирование, и гуманитарный кризис только усугубляется. МНПО уже выложились по максимуму дальше так работать невозможно, они не могут полностью заменить государство.

Что делать? Автор видит несколько решений. Международному сообществу пора менять стратегию: вместо коротких гуманитарных грантов нужны среднесрочные программы развития (Nexus approach). Такие программы поддерживают учителей и инфраструктуру, но не легитимизируют действующую власть напрямую.

Особенно важно развивать альтернативное образование для девочек-подростков, включая цифровые форматы. И, наконец, будущие исследования должны внимательно изучить проблему: как неформальные образовательные практики и реформа учебных

программ (исламизация) влияют на развитие мышления у афганской молодежи в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turunen, S. Humanitarian Diplomatic Practices // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 459–487. <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10008>.
2. Bogatyreva O. Humanitarian Diplomacy: Modern Concepts and Approaches // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 92. Suppl. 14. P. 1349–1366. <https://doi.org/10.1134/S1019331622200047>.
3. Barnett, M. Human Rights, Humanitarianism, and the Practices of Humanity // *International Theory*. 2018. Vol. 10. Iss. 3. P. 314–349. <https://doi.org/10.1017/S1752971918000118>.
4. Barakat, S., Larson, A. Fragile States: A Donor-serving Concept? Issues with Interpretations of Fragile Statehood in Afghanistan // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2014. Vol. 8. Iss. 1. P. 21–41. <https://doi.org/10.1080/17502977.2013.770263>.
5. Berry, C. Working Effectively with Non-state Actors to Deliver Education in Fragile States // *Development in Practice*. 2010. Vol. 20. Iss. 4–5. P. 586–593. <https://doi.org/10.1080/09614521003763103>.
6. Khan, K., Rafi, M., Khan, U.N. Afghanistan's Taliban Denial of Women's Education: A Violation of International Human Rights Law // *Social Science Review Archives*. 2025. Vol. 3. No. 2. P. 1826–1842. <https://doi.org/10.70670/sra.v3i2.801>.
7. Popalzay, A.W. Gender Apartheid in Education: The Taliban's Educational Restrictions and Their Consequences for Afghan Women and Girls // *Journal of Gender Studies*. 2025. Latest Articles. <https://doi.org/10.1080/09589236.2025.2521683>.
8. Sahar, A. Knowledge on Fire: The Impact of Conflict and Violence on Education in Afghanistan // *Central Asian Survey*. 2026. Vol. 45. Iss. 1. P. 96–116. <https://doi.org/10.1080/02634937.2024.2406534>.
9. Spink, J. Education and Politics in Afghanistan: The Importance of an Education System in Peacebuilding and Reconstruction // *Journal of Peace Education*. 2005. Vol. 2. Iss. 2. P. 195–207. <https://doi.org/10.1080/17400200500185794>.
10. Rfat, M. Coordinated Action Needed Amid Mass Deportations of Afghans // *The Lancet Global Health*. 2025. Vol. 13. Iss. 9. Page e1515. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(25\)00307-9](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(25)00307-9).
11. Régnier, Ph. The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy: Identification of a Community of Practice and Prospects for International Recognition // *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. Iss. 884. P. 1211–1237. <https://doi.org/10.1017/S1816383112000574>.
12. Burde, D., Kapit, A., Wahl, R.L., Guven, O., Skarpeteig, M.I. Education in Emergencies: A Review of Theory and Research // *A Review of Educational Research*. 2017. Vol. 87. Iss. 3. P. 619–658. <https://doi.org/10.3102/0034654316671594>.
13. Burde, D. Linden, L.L. Bringing Education to Afghan Girls: A Randomized Controlled Trial of Village-Based Schools // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2013. Vol. 5. No. 3. P. 27–40. <https://doi.org/10.1257/app.5.3.27>.
14. Essar, M.Ya., Raufi, N., Head, M.G., Nemat, A., Bahez, A., Blanchet, K., Shah, J. Afghan Women are Essential to Humanitarian NGO Work // *The Lancet Global Health*. 2023. Vol. 11. Iss. 4. P. e497–e498. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(23\)00048-7](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(23)00048-7).

REFERENCES

1. Turunen, S. Humanitarian Diplomatic Practices. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 459–487. <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10008>.
2. Bogatyreva, O. Humanitarian Diplomacy: Modern Concepts and Approaches. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 92. Suppl. 14. P. 1349–1366. <https://doi.org/10.1134/S1019331622200047>.
3. Barnett, M. Human rights, humanitarianism, and the practices of humanity. *International Theory*. 2018. Vol. 10. Iss. 3. P. 314–349. <https://doi.org/10.1017/S1752971918000118>.

4. Barakat, S., Larson, A. Fragile States: A Donor-serving Concept? Issues with Interpretations of Fragile Statehood in Afghanistan. *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2014. Vol. 8. Iss. 1. P. 21–41. <https://doi.org/10.1080/17502977.2013.770263>.
5. Berry, C. Working Effectively with Non-state Actors to Deliver Education in Fragile States. *Development in Practice*. 2010. Vol. 20. Iss. 4–5. P. 586–593. <https://doi.org/10.1080/09614521003763103>.
6. Khan, K., Rafi, M., Khan, U.N. Afghanistan's Taliban Denial of Women's Education: A Violation of International Human Rights Law. *Social Science Review Archives*. 2025. Vol. 3. No. 2. P. 1826–1842. <https://doi.org/10.70670/sra.v3i2.801>.
7. Popalzay, A.W. Gender Apartheid in Education: The Taliban's Educational Restrictions and Their Consequences for Afghan Women and Girls. *Journal of Gender Studies*. 2025. Latest Articles. <https://doi.org/10.1080/09589236.2025.2521683>.
8. Sahar, A. Knowledge on fire: the impact of conflict and violence on education in Afghanistan. *Central Asian Survey*. 2026. Vol. 45. Iss. 1. P. 96–116. <https://doi.org/10.1080/02634937.2024.2406534>.
9. Spink, J. Education and Politics in Afghanistan: The Importance of an Education System in Peacebuilding and Reconstruction. *Journal of Peace Education*. 2005. Vol. 2. Iss. 2. P. 195–207. <https://doi.org/10.1080/17400200500185794>.
10. Rfat, M. Coordinated Action Needed Amid Mass Deportations of Afghans. *The Lancet Global Health*. 2025. Vol. 13. Iss. 9. Page e1515. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(25\)00307-9](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(25)00307-9).
11. Régnier, Ph. The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy: Identification of a Community of Practice and Prospects for International Recognition. *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. Iss. 884. P. 1211–1237. <https://doi.org/10.1017/S1816383112000574>.
12. Burde, D., Kapit, A., Wahl, R.L., Guven, O., Skarpeteig, M.I. Education in Emergencies: A Review of Theory and Research. *A Review of Educational Research*. 2017. Vol. 87. Iss. 3. P. 619–658. <https://doi.org/10.3102/0034654316671594>.
13. Burde, D., Linden, L.L. Bringing Education to Afghan Girls: A Randomized Controlled Trial of Village-Based Schools. *American Economic Journal: Applied Economics*. 2013. Vol. 5. No. 3. P. 27–40. <https://doi.org/10.1257/app.5.3.27>.
14. Essar, M.Ya., Raufi, N., Head, M.G., Nemat, A., Bahez, A., Blanchet, K., Shah, J. Afghan Women are Essential to Humanitarian NGO Work. *The Lancet Global Health*. 2023. Vol. 11. Iss. 4. P. e497–e498. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(23\)00048-7](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(23)00048-7).

Сведения об авторах / Information about authors

Нори Абдул Сабур – аспирант института гуманитарных исследований, международных отношений, региональных и глобальных исследований; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: nuri@urfu.ru

ORCID: 0009-0009-8875-511X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Noori Abdul Saboor – postgraduate student, Institute of Humanities Studies, International Relations, regional and Globe Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

E-mail: nuri@urfu.ru

ORCID: 0009-0009-8875-511X

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.02.2026.
Одобрена после рецензирования 12.03.2026.
Принята 12.03.2026.

Received 08.02.2026.
Approved after reviewing 12.03.2026.
Accepted 12.03.2026.

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [TIXRHW](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.3](#)

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Утопические идеалы в китайской политической философии

Бояркина Анна Владимировна

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
 aboyarkina@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность избранной темы обусловлена применением традиционных утопических идеалов («да тун», «сяо кан», «великое равновесие» и др.) в ходе реализации масштабных концепций китайского руководства – «китайской мечты» и «сообщества единой судьбы человечества». Новизна темы состоит в выявлении преемственности между древней философией и актуальным внешнеполитическим курсом Китайской Народной Республики. Исследование процесса, как классические китайские идеалы трансформируются в современные глобальные инициативы, необходимо для понимания стратегии развития страны в меняющемся мире. Целью исследования является установление взаимосвязи утопических идеалов Китая с его современной политической философией, идеологическими установками руководства КНР в сфере мировой политики. Основная исследовательская задача: показать связь традиционных китайских идеалов и идей с современной политической философией Китая, идеологическими установками руководства КНР в сфере мировой политики.

Методы и материалы. Исследование опирается на круг научных публикаций, анализирующих утопии в китайской политической философии. Использован философский метод – герменевтика, как ключевой; применяем дискурс-анализ, который позволяет проанализировать политический язык и выявить, как традиционные термины (например, «сяо кан», «великое равновесие» и т.д.) наполняются новым геополитическим содержанием в официальном дискурсе КНР. Первоисточниками китайской философской и общественно-политической мысли служат: «Дао дэ цзин», «Тай пин цзин», «Чжуан-цзы», «Ши цзин». Ввиду несопоставимости литературных подходов и восприятия на английском и китайском языках, исследование может проводиться в историческом контексте и с учетом идеологием в процессе их адаптации к китайскому образу мышления. Исследовательской базой служат труды и выступления председателя КНР Си Цзиньпина.

Результаты. Выявлено, что утопические идеалы «великое единение», «великое равновесие», «сяо кан», система «тянься» с политической точки зрения призваны вернуть Китай к установлению глобального порядка, который заменит и затем вытеснит западную концепцию конфликтов и неравенство в мире. Концепция «тянься» лежит в основе реализации современного мегапроекта «Один пояс, один путь» и концепции «сообщества единой судьбы человечества», так как китайское руководство неразрывно связывает их с интересами всего человечества.

Обсуждение. Подчеркивается, что в широком смысле понятие «утопия» неоднозначно и двойственно по природе, оно действительно применительно к китайской традиции и

реальности. Китайская матрица мышления подразумевает отсутствие конкретных и ясных определений, которое приводит к открытости сознания, иносказательности в действиях. Конфуцианский идеал социально-политического устройства, где мир принадлежит всем (например, «тянься»), близок с даосским «великим равновесием», «великим единением». Отмечается, что западные представления о мире уже проигрывают в научном описании взаимоотношений разных цивилизаций. Теория И. Канта о «вечном мире» или концепция «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона свидетельствуют об этом. Ван Тао, Кан Ювэй и Чжао Тиньян считают индивидуальную рациональность эгоистичной, не соответствующей нравственным и моральным отношениям, в этой связи не способны решать глобальные проблемы. Четыре идеала этих ученых соответствуют утопическим установкам, отражающим восприятие мира китайской цивилизацией.

Заключение. Теоретические выводы статьи расширяют понимание того, как национальные китайские архетипы формируют внешнюю политику КНР. Результаты исследования могут быть использованы государственными структурами для анализа потенциала КНР в области реализации стратегий «мягкой» и «жесткой силы». Понимание этических и утопических установок китайской стороны помогает выстраивать более тонкую коммуникацию, используя близкие им смыслы и избегая культурно-идеологических конфликтов.

Ключевые слова: утопия; Китай; даосизм; «сяо кан»; «великое равновесие»; «великое единение»; «тянься»

Для цитирования: Бояркина А.В. Утопические идеалы в китайской политической философии // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 47–62. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.3>. EDN: TIXRHW.

© Бояркина А.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Utopia Ideals in Chinese Political Philosophy

Anna V. Boyarkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

 aboyarkina@gmail.com

Abstract

Introduction. The relevance of this topic stems from the application of traditional utopian ideals such as «da tong», «xiao kang», «great balance», and others to the implementation of the Chinese leadership's ambitious visions – «Chinese dream and a «community of shared future for mankind». The topic's novelty lies in its identification of the continuity between ancient philosophy and the current foreign policy of the People's Republic of China. Examining how classical Chinese ideals are transformed into contemporary global initiatives is essential for understanding the country's development strategy in a changing world. The aim of this study is to establish the relationship between China's utopian ideals and its contemporary political philosophy, as well as the ideological principles of the Chinese leadership in global affairs. The primary research objective is to demonstrate the connection between traditional Chinese ideals and ideas and China's contemporary political philosophy, as well as the ideological principles of the Chinese leadership in global affairs.

Methods and materials. The study draws on a range of scientific publications that analyze utopias in Chinese political philosophy. Hermeneutics, a key philosophical method, is used in examining utopia in Chinese political philosophy. We also employ discourse analysis, which allows us to analyze political language and identify how traditional terms (e.g., «xiao kang», «great equilibrium» etc.) are imbued with new geopolitical meaning in China's official discourse. The primary sources of Chinese philosophical and socio-political thought are: the Tao Te Ching, the

Taiping Jing, the Zhuangzi, and the Shi Jing. Given the incomparability of literary approaches and perceptions in English and Chinese, the study is conducted within a historical context and takes into account ideologemes as they are adapted to the Chinese way of thinking. The works and speeches of Chinese President Xi Jinping also serve as a research base.

Results. The study revealed that the utopian ideals of «great unity», «great balance», and the «tianxia» system are politically designed to return China to establishing a global order that will replace and then displace the Western concept of conflict and inequality in the world. The concept of «tianxia» is the basis for the implementation of the modern megaproject «One Belt, One Road» and the concept of the «community of common destiny of mankind, as the Chinese leadership inextricably links them with the interests of all mankind».

Discussion. It is emphasized that the concept of «utopia» in its broadest sense is ambiguous and dual in nature, which is true in Chinese tradition and reality. The Chinese paradigm of thought implies a lack of concrete and clear definitions, which leads to an open mind and an allegorical approach to action. The Confucian ideal of a socio-political order where the world belongs to all (for instance, «tianxia») is close to the taoist «great balance» and «great unity». It is noted that Western notions of the world are already losing ground in scientific descriptions of the relationships between different civilizations. Immanuel Kant's theory of «perpetual peace» and Samuel Huntington's concept of the «clash of civilizations» attest to this. Wang Tao, Kang Youwei, and Zhao Tingyang believe that individual rationality is selfish, inconsistent with ethical and moral relationships, and therefore incapable of solving global problems. The four ideals of these scholars correspond to utopian attitudes that reflect the Chinese civilization's perception of the world.

Conclusion. The theoretical conclusions of the article expand our understanding of how national Chinese archetypes shape China's foreign policy. The results of the study may be useful for government agencies in assessing the Chinese state's readiness to implement «soft» and «hard» power. Understanding the ethical and utopian attitudes of the Chinese side helps build more nuanced communication, utilizing congenial meanings and avoiding cultural and ideological conflicts.

Keywords: utopia; China; taoism; «xiao kang»; «great balance»; «great unity»; «tianxia»

For citation: Boyarkina, A.V. Utopia Ideals in Chinese Political Philosophy. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 47–62. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.3>. EDN: TIXRHW.

© Boyarkina, A.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Рассуждая о внешнеполитических идеях руководства Китайской Народной Республики, мы говорим именно о ее утопических основаниях. Древние каноны письменной культуры эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.) – «Шу цзин»¹, «Ши цзин»², «Чжоу и»³ обращают внимание на то, что специфика жизни китайского государства и общества состоит в единстве стиля династий и со-общительности рода или семьи [1, с. 39].

В традиционной китайской историографии выделяется общая черта двух явлений культуры: тенденции приписывать древнюю родословную правителям и идеям, они представлялись как духовные абстракции [1, с. 39].

Историческая утопичность, заложенная в концептах даосизма и конфуцианства, характерна для всех теорий общественной жизни, созданных китайской цивилизацией. В статье мы уделяем внимание лишь четырем идеалам утопии: «великое единение» (大同), «великое равновесие» (太平), «сяо кан» (小康), «тянься» (天下). Формирование

¹ Град. кит. «書經». «Канон [документальных] писаний».

² Град. кит. «詩經», XI–VI вв. до н. э. «Канон стихов».

³ «周易» – «Чжоу и», или «易经» – «И цзин». «Канон перемен».

идеалов («великое единение», «великое равновесие») происходило в условиях традиционного кризиса китайской государственности в XIX в. Именно в этот период они оказали наибольшее влияние на восстание «Желтых повязок»⁴, идеологию становления современного китайского государства, вдохновляя мыслителей и лидеров на поиск путей к социальной справедливости, национальному возрождению и стабильности.

Называя их *идеалами*, мы полагаем, что именно это понятие отражает перфекционистскую философскую природу, социальные, политические и этические идеалы китайской цивилизации. Действительно, утопических концепций значительно больше, особенно в современных политических реалиях КНР. Председатель КНР Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и сейчас Си Цзиньпин опираются на традиционные даосские и конфуцианские постулаты в реализации своих масштабных внешнеполитических концепций и идей, таких как строительство общества малого благоденствия «сяокан», «китайская мечта», «сообщество единой судьбы человечества», «Один пояс, один путь» и другие инициативы и концепции. Современное руководство планомерно реализует эти идеалы китайской утопии. И это уже не кажется совсем утопичным, так как они являют собой идеологическую основу внешней политики китайского государства.

Методы исследования

В исследовании применяется системный подход как совокупность общенаучных принципов, которые рассматривают объекты – утопические идеалы – не как разрозненные лозунги, а как целостную систему и стратегию по трансформации глобального управления. Мы применяем также философский метод – герменевтический. Он позволяет правильно толковать древние тексты («Дао дэ цзин» и др. даосские, конфуцианские тексты) и выявляет то, каким образом их смыслы адаптируются под актуальный политический контекст. Так, герменевтический анализ выявляет, как понятия меняют свой полюс. Если в Древнем Китае утопия «сяо кан» означала лишь достаток отдельной общины, то сегодня герменевтика трактует его как этап легитимации власти КПК, которая выполнила историческое обещание перед народом и теперь готова переходить к глобальному уровню («великому единению»).

Основная сложность в изучении философско-этических моделей китайских интеллектуалов-реформаторов Ван Тао, Кан Ювэя, Чжао Тиняна заключается в их склонности к мифологизации с целью доказательства сакральной и божественной сущности. В историческом контексте это позволяет проверить эффективность разработанных гипотез и методов исследования незападной материальной культуры.

Материалы

Исследование опирается на круг научных публикаций, включающих работы отечественных, европейских и китайских авторов, особое внимание уделено анализу даосских, конфуцианских текстов. Основной исследовательской базой послужили даосские и конфуцианские трактаты: «Ши цзин» [2], «Дао дэ цзин» [3], «Чжуан-цзы» [4], «Ле-цзы» [4], «Тай пин цзин» («Канон великого равновесия»). Труды Чжао Тиняна

⁴ Народное восстание в Китае, которое произошло в эпоху династии Хань, 184–204 гг. и привело к дестабилизации положения в стране.

[5; 6; 7], также теоретические труды об утопических представлениях европейских авторов [8; 9; 10]. Российские ученые-востоковеды А.И. Кобзев [11], В.В. Малявин [12]. Д.Е. Мартынов [13; 14; 15] исследует интерпретации Ван Тао, Кан Ювэем теорий «великого единения», «великого равновесия». Л.С. Васильев [16; 17], Е.А. Торчинов [18] задали блестящую основу исследования мира даосизма в отечественной науке. Китайский исследователь Чэн Гуанюнь [19] анализирует философские системы Чжао Тиняна с правовой точки зрения, Цзян Сиюань [20] и коллектив авторов Д. Марголис, Цин Цао, Ян Чжоу и др. [21] описывают сложные культурные процессы, происходящие в современном Китае; его глобальное значение в быстром развитии, культурной идентичности и стремлении к идеалам утопии через призму литературы, искусства и окружающей среды. Сборник статей Института востоковедения (Москва), Академия наук СССР [22] и Материалы XI научной конференции «Общество и государство в Китае» [1] избирают предметом специального исследования традиционные модели взаимоотношений Древнего, средневекового и Нового Китая.

Отдельно отметим труд руководителя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина «О ликвидации бедности», в котором изложены более чем 60 документов по вопросам стратегии полного построения средне зажиточного общества и достижения китайской мечты о великом возрождении китайской нации в период с 2012 г. по 2018 гг. [23].

Результаты и обсуждение

Необходимо понимать значительные отличия понятия утопии на Западе, от сходных явлений на Востоке. Западные представления об утопии обеспечены логической стройностью суждений. Она являет собой идеологическую конструкцию, соотносимой с абстрактными идеями. Она собрана из материи и духа, сознания и тела, субъекта и так называемой объективной действительности и т.д. [12]

Слово «утопия» – изображение нового общественного устройства в противоположность реально существующему без научного обоснования его неизбежности и процесса перехода к нему [24, с. 533]. Оно греческого и латинского происхождения, где его составные части обозначали: *у* – «не», «нет», и *topos* – «топос», место. Еще первыми утопическими обществами принято считать индийские ашрамы, появившиеся около 1500 г. до н. э. Феномен утопии не ограничен рамками западной христианской цивилизации; самобытные утопические традиции характерны также для культур Ближнего Востока, Китая, Индии и Японии. Подобная универсальность подтверждает, что интенция к поиску совершенного мироустройства фундаментальна для любого человеческого сообщества [10, с. 155–156].

Немецкие и английские утописты Нового времени⁵ внесли значительный вклад в становление понятия «общей судьбы» европейских народов. Они мыслили совершенствование человеческого общества. В художественной литературе Томас Мор придает «утопии» («*utopia*») каламбурное значение, добавляя его к понятию «эвтопия» («*eutopia*»), что значит «хорошее место» [10, с. 149]. Затем К. Маннгейм в труде «Идеология и утопия» описывает утопию как идею трансформации или разрушения существующего порядка разными группами общества [10]. У Г. Гегеля

⁵ Ок. 1500 г. – 1815 г.

утопия связана с ролью государства, полной свободой особенностей и с благодеянием индивидов, у К. Маркса же с онтологией классового общества [25, с. 425]. Понимание этого термина как мира без голода, открывающего простор для размышлений о возможности и невозможности бытия, представлено в работах Г. Маркузе – немецкого философа и одного из основателей Франкфуртской школы⁶ [10]. Утопические представления о «социальной мечте» зафиксированы в работах XIX в. и у более поздних авторов [10, с. 151]. Сближает утопические взгляды французских и немецких идеалистов и восточную утопию тезис о растворении и смешении пространства «отсутствия» и «блага» в пространстве бесконечной возможности.

Книга «Утопия и современность в Китае: противоречия в переходный период» анализирует переход страны к современности, исследуя конфликты между традиционными китайскими ценностями («великое единение», «гармония», конфуцианское учение) и западным капиталистическим и технологическим миром [21].

Таким образом, понятие «утопия» имеет множество трактовок в ряду гуманитарных дисциплин – от психологии до политологии. На стыке этих наук происходит интеграция различных подходов к осмыслению феномена утопичности [10, с. 150]. В этой связи, так как понятие «утопия» неоднозначно и двойственно по природе, оно действительно применительно к китайской реальности. Для того, чтобы раскрыть тезис об утопическом характере китайских концепций, мы должны понимать, что китайцы мыслили историю мира как повествование о «первоначальном опыте» (*иг-хэргейенс*) человека в «первоначальном состоянии». Такое мышление подразумевает отсутствие конкретных и ясных определений, которое приводит к открытости сознания, иносказательности в действиях и образности мышления и жизни в целом [6, с. 398–399].

Поскольку китайская философия не выработала понятия *идеи, эйдоса, формы форм, трансцендентного божества* и отсутствовала греческая линия логоса, многие исследователи понятие *идеального* усматривают в категориях *у* («отсутствие») и *у даосов* и *у конфуцианцев* [17, с. 23]. Мы полагаем главной философской, политической, этической установкой китайской утопии является ее имманентность, т.е. единство телесного и духовного начал, момент, когда актуальное состояние переходит в фантазм (призрак, воображение, ирреальность) – отсутствие и присутствие одновременно, превращение и изменение вещей в природе. Подтверждением имманентного начала служит господство Сына неба над всеми народами Поднебесной [21, с. 3]. Именно это положение и является практическим руководством во внешней политике.

Формирование дао (道, букв. «путь») как фундаментальной философской категории относится к середине I тыс. до н. э. Несмотря на то что древнее происхождение трактата «Дао дэ цзин» (или «Лао-цзы») является установленным фактом, вопрос о его авторстве и локализации первоисточника в современной науке остается дискуссионным. В тексте не находим логического вывода о понятии *дао*. Оно «вечно и безмянно», «неизрекаемо», «незримо», «неслышимо», «неосвязаемо» («道永远是无名...»). «...却谈得没有味道...看它却看不见, 听它却听不着, ...») и т.д. [3, с. 64, 70]. Исследователи считают *дао* плодом либо коллективной фантазии, либо

⁶ Ведущее направление неомарксизма в немецкой философии и социологии 1930–1960-х гг.

индивидуальной медитации. Понятно, что в политологии и социологии *дао* расценивается как истинная утопия.

В трактате «Дао дэ цзин» нашла свое выражение иллюзия рядовых общинников о возможности возврата к родовым патриархальным социальным отношениям. В нем Лао-цзы выступал с идеей создания общества без эксплуатации и угнетения, без богатых или бедных, а идеал его патриархальная община. Он предлагал отказаться от высокопроизводительных орудий труда, средств транспорта и связи и даже от письменности. В этом представляется революционная социальная утопия «Дао дэ цзина» [26, с. 38, 45].

Один из самых ранних даосских, и сейчас сохраняющих свое сакральное значение, текстов об утопических идеалах – «Тай пин цзин» («Канон великого равновесия»⁷). Датировка памятника сложна, но историки относят его к правлению императора Чэн-ди династии Восточная Хань (25–220 гг.). Составлен даосским монахом Юй Цзи (или несколькими монахами) примерно около 100-200 гг. н.э.⁸ В идеальном иерархически выстроенном обществе «Тай пин цзин» воспевается справедливый мир общественного благосостояния под государственным управлением, которое в равной степени учитывает и общественное мнение. Это также следствие устроенности мира по небесным принципам [27, с. 117–118]. Резко критикуется частная собственность и преобладает учение *дао* как утопия высшего источника жизни [18, с. 255]. Даосская утопия «великого равновесия» соответствует утопической мысли, в связи тем, что в тексте уделено вопросам продления жизни и даже обретения бессмертия путем совершенствования тела и духа, а также рассуждениям на социально-этические темы семьи и брака.

Идеал «тай пин» и сам памятник «Тай пин цзин» легли в основу первого даосского учения – «Пять доу риса» (позже переименовано в «Путь небесных наставников», «天师道»). Ее основатель Чжан Лин, получивший якобы откровение от божественного Лао-цзы во II в. н.э. и право быть наместником с титулом «Небесного наставника». Эта даосская школа практиковала ритуал общинного богослужения, передавая учение от северо-запада провинции Сычуань до южных границ Шэньси. Чжан Лин впоследствии институализировал даосизм. А в период «Шести династий» (лю чао, 六朝)⁹ было основаны даже теократические даосские государства, которые восходят к воззрениям времен написания «Дао дэ цзина» и «Чжуан-цзы» [16, 1982, с. 61]. Отметим, что «Небесным наставникам» удалось создать автономное теократическое государство (г. Ченду). Их автономия является результатом выгодного географического положения Сычуани. В целом утопия «Небесных наставников» направлена на обретение спасения, понимаемого в чисто религиозном смысле, и не направлена против государства. К Чжан Лину возводят традиции все даосские школы и в современном Китае, в т.ч. идея о людях, совершающих нравственные и благие дела, лежит в основе почти всех даосских школ («Шанцин», «Действия и воздаяние» и др.). Примечательно для западных читателей и естественно для китайской

⁷ Возможен перевод – «Канон великого спокойствия».

⁸ Тай пин цзин юаньвэнь цзи ивэнь 太平经原文及译文 [Оригинальный текст и перевод «Тай пин цзин»]: [сайт]. URL: https://cp.baidu.com/landing/tscp_doc/d108d60b179e0c8884a38cbbf6db3c0b (дата обращения: 20.01.2026).

⁹ Период «Шести династий» – IV–VI вв.

философской и утопической традиции, что в одной из частей присутствует Лао-цзы в роли учителя, который не говорит, но передает секреты и тайны даосизма.

Школа «Небесных наставников» выступала с критикой в адрес другого учения – «Учение о пути великого благоденствия» («Тай пин дао», 太平道), которое отождествлялось с мессианством и антиэтатизмом [18, с. 38]. Известный западный исследователь даосизма А. Зайдель их появление связывает с оппозицией к власти, в отличие от идеологии школы «Пути небесных наставников», которые проявляли лояльность к правящей династии Вэй [18, с. 267]. Отметим, что идеология всех даосских течений восходит к утопии дао у Лао-цзы, Чжуан-цзы и Ле-цзы [18, с. 39].

Сам иероглиф «平» («пин») включает пять направлений: времени и пространства; политики, культуры и жизни людей. Он переводится как «спокойный, устойчивый; справедливый» [28; 29, с. 870]. В древнекитайском выражении «天下太平» понятие «平» может быть истолковано как «принести мир всему миру». Согласно представлению китайских правителей о «превосходстве Срединного государства», этот знак может быть интерпретирован как «стабилизировать или расширять государство». Профессор Цзян Сиюань из Шанхайского института международных исследований, рассуждая о политической стратегии и культуре традиционного Китая, наделяет постулат «天下太平» высокой степенью идеализма, граничащего с хладнокровным реализмом [20, с. 124].

Идеалы «великого равновесия», «великого единения» также призваны регулировать социальные преобразования и повышать культурное и общественное разнообразие. На самом деле они поддерживают стабильность в китайском государстве и обществе и одинаково необходимы с точки зрения совершенствования нравственности.

В конфуцианском сборнике «Ли цзи» («Записи о ритуале», «礼记») определено два состояния китайского общества: первое «да тун» (大同), а другое «сяо кан» (小康) или малое процветание.

Высший идеал «да тун» – «великое единение» – (относится к периоду правления великих династий Ся (III–II тыс. до н.э.), Инь (XVII–XII вв. до н.э.) и Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.). «Ли цзи», составленный в I в. до н.э., является не только памятником китайской духовной культуры, но и целой системой нормативных рекомендаций. Этот канон заимствовал многое из даосизма, легизма¹⁰ и высоко оценен официальной наукой. По его регламенту живут и современные китайцы, а в государственном управлении сохраняется стабильность [17; 30].

Само словосочетание «сяо кан» состоит из двух иероглифов «小» – малый; мелкий и «康» – мир; спокойствие; процветание. На русский язык можно встретить разные переводы этого понятия¹¹. «Сяо кан» восходит к одному из стихов в «Книге песен»¹², где в оде «Народ страждет» звучит призыв к государю от закрепощенного народа об избавлении от горя и забот («民亦劳止,汙可小康») [2, с. 582].

¹⁰ Теория государственного управления на основе законов *фа* (法), единых и обязательных для всех, и ничем не ограниченной власти правителя. Легисты свое учение выдвигали в противовес конфуцианскому.

¹¹ Общество малого достатка «сяокан», малого благоденствия и т.д.

¹² Трад. кит. «詩經», XI–VI вв. до н. э. «Канон стихов».

В русле поиска абсолютных идеалов находятся и концепции китайского Возрождения (VIII–XVI вв.). Сформированы они еще период эпохи Сун (X–XIII вв.) [11, с. 7, 29–30]. Примечательно, что именно в этот период возникло грандиозное учение «сун сюэ» (宋学). В его основу положены концепции синтеза конфуцианства, даосизма и буддизма (например, «моральная метафизика»). Во всех китайских эквивалентах нет указания на Конфуция. Необходимо принять во внимание, что именно неоконфуцианские последователи (Цзы-сы, Мэн-цзы) окончательно сформировали и само конфуцианство как идеологический багаж, определяющий лицо и природу китайской цивилизации. Гуманность и добродетель они противопоставили западным меркантильным экономическим составляющим: прибыли, богатству и т.д. Вот по этой причине в традиционном Китае так и не сформировалась фигура индивидуального предпринимателя [11, с. 45]. В Сунскую эпоху предпринималась попытка построить в Китае «великое общество», но не увенчалась успехом по причине войн и набегов киданей, тангутов, чжурчженей (XI–XII вв.).

Бесспорно, китайская цивилизация довела до совершенства учение об идеальной организации общества. Философия, политика, этика и другие науки рассматриваются в неразрывном единении. Кроме того, единство общества и идеалы способствуют высокой степени устойчивости духовной культуры всей китайской цивилизации. Одним из первых китайских мыслителей XIX в., кто глубоко верил в гармонизацию Поднебесной через «великое единение» и «путь дао», был Ван Тао¹³. Он выступал за применение западного научного метода и политические идеи Запада, укрепление международного мира. Верил в то, что страны Европы будут увлечены идеями Конфуция, а его учение распространится во всем мире [14, с. 222–223].

Во второй половине XIX – начале XX вв. Кан Ювэй¹⁴ популяризировал идеи «великого равновесия» (太平, «тай пин»), «великого единения» (大同, «да тун»). Он отождествил идеал «тай пин» с конфуцианским идеалом «да тун» [27, с. 106]. Отметим, что «сообщительность/тождество», или «тун» «同» в известном изречении первого учителя в трактате «Лунь юй» определяет бытие, или со-бытие как согласие быть с другими. Эта сентенция роднит взгляды Кан Ювэя и Чжао Тиняна о высшей стадии великого единения, когда создается полноценное мировое государство. Она также созвучна и более раннему реалистичному идеалу порядка английского философа Т. Гоббса, в котором граждане во имя гарантии мира и стабильности готовы отказаться от свободы [8].

В новейшей истории КНР основатель Китайской Народной Республики и Великий кормчий Мао Цзэдун заимствует изречение «和而不同»¹⁵ из письменного канона «Центрированность в обыденном» («Чжун юн»)»¹⁶. Он наделяет новым смыслом это высказывание. Это также означает для Мао Цзэдуна, что идет борьба в единстве различий. Без единства разногласий и борьбы, считает Мао, не будет гармоничного миропорядка¹⁷.

¹³ Первый ученый-конфуцианец. Автор наиболее полного перевода конфуцианских текстов на английский язык. Годы жизни – 1828–1897.

¹⁴ Китайский философ, реформатор эпохи Цин. Возглавлял движение за реформы 1898 года.

¹⁵ Возможные переводы: «Единство в разнообразии», «единство без унификации».

¹⁶ «中庸».

¹⁷ Цзе ми: Мао Цзэдун иньюн «Лунь юй» юйянь Цзян Цзеши канжи пайхуай (3) 揭秘:毛泽东

Положительную роль в реализации концепции «китайской мечты» и полном построении общества «малого благоденствия»¹⁸ сыграл идеал «сяо кан». Мы считаем, он повлиял на изменение структуры общества, принятие решений проблем повышения экономического уровня, уровня благосостояния и в городе и деревне. В конце 1990-х гг. многие китайские ученые экономисты-политологи (Гуань Синьпин, Сун Линьфэй, Лу Цзунь) писали о расслоении китайского общества, его трансформации и эффективной возможности повышения жизненного статуса [32, с. 9–27, 58]. Для того, чтобы люди не потеряли веру в будущее и в «китайскую мечту», пишут профессора Ли Пэйлинь, Ли Цян и др., необходимо привести в соответствие систему стратификации социальных статусов [32, с. 58–59]. В результате китайское руководство, начиная с 1990-х гг. проводит реформы развития системы социального обеспечения. В 1995 г. в «Докладе о классовом делении китайского общества в новое время» присутствует упоминание о «среднем классе», которому предстоит преобразование в общество «среднего достатка» и переход от физического труда к интеллектуальному. Это общество состоит из массы крестьян, научно-технической интеллигенции, госслужащих [30, с. 52]. В докладе XVI съезду (2002 г.) Цзян Цзэминь выдвинул стратегию построения общества «малого благоденствия» (小康社会) для всего китайского населения. Первоначально задача поставлена на период 1980–2000 гг. Переход от обеспеченности жильем и питанием к всестороннему обществу малого достатка является переходным периодом экономической модернизации и становление экономики на новый этап.

При Си Цзиньпине удалось ликвидировать бедность и вывести из черты бедности все нищее сельское население к 2020 г. В своих выступлениях, начиная с 2012 г., Си Цзиньпин постоянно подчеркивал необходимость достижения окончательной победы в борьбе с бедностью с целью полного построения средне зажиточного общества на рабочих совещаниях по вопросам оказания помощи в развитии бедных районов и на совещаниях по вопросам достижения окончательной победы в борьбе с бедностью и социально-экономического развития в период 13-й пятилетки в провинциях и т.д. [23, с. 17; 45; 61]. На 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в 2015 г. поставлена задача к 2020 г. избавить от нищеты все сельское население. Благодаря его адресной и точечной программе в 2016 г. от бедности избавилось 10 млн. человек [23, с. 15; 33].

В реализации современной внешней политики Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин также делают акцент на важности применения изречений древнекитайских памятников философского наследия. В них обоснованы положения последователей даосизма, конфуцианства, неоконфуцианства о «всеобщей благодати и благополучии» («天下太平,万物安宁») [31, с. 861]. Лидеры КНР исходят из идеи, что в мире и Поднебесной не должно быть хаоса, а государства живут в дружбе.

引用《论语》预言蒋介石抗日徘徊(3) [Раскрывая тайну: Мао Цзэдун цитирует «Суждения и беседы», чтобы прогнозировать сопротивление Чан Кайши (3)] // Чжунсинь ван 中新网 [Служба новостей Китая]: [сайт]. URL: https://www.chinanews.com.cn/mil/2013/12-23/5651009_3.shtml (дата обращения: 16.01.2026).

¹⁸ или «малого достатка».

Следующей теорией или целостной концепцией мы рассмотрим политическую философию – систему «тянься», или «все-под-небесами» профессора Чжао Тиняна¹⁹. Профессор Чжао воспринимает мир как «сетевую систему смыслов», основанную на семейных связях [6]. Рассуждая о дезориентированности современного мира (не-мир 非世界), он конструирует адресную современную структуру мира [5]. Ее реализация практически возможна при условии соблюдения конкретных материальных условий; формирования единой валюты, мировой налоговой ставки; развития искусственного интеллекта (ИИ) и изобретения эффективных источников энергии; даже изменение политических систем отдельных стран [7, с. 398–400].

В то же время «тянься» не обещает всеобщего человеческого счастья. Поскольку представление об общем устройстве, а оно все еще прозападное, зависит от будущего распределения интересов и власти, взаимодействия разума человеческого и искусственного, ограничения в потреблении ресурсов и территориального суверенитета, религиозной и идеологической борьбы и других глобальных явлений [7, с. 398–402].

Таким образом, Чжао Тинян свою модель «все под небесами» представляет как сетевую наднациональную мировую утопию и научную версию «Китайского плана»²⁰. Этот план заложен в инициативы «Один пояс, один путь», «Ледовый Шелковый путь». Сегодня эти инициативы наиболее востребованы в китайской политике и обществе. Она является ключом к пониманию внешней политики КНР при председателе Си Цзиньпине. Вестфальская система (1648 г.), считает ученый, неизбежно порождает конфликты, поскольку каждое государство преследует свои интересы за счет других. Сегодня руководство КНР трансформирует эту концепцию в интеллектуальную альтернативу западному либеральному миропорядку.

Итак, мы отмечаем главную философскую, политическую, этическую установку китайской утопии – имманентность. Китайская социально-философская мысль характеризуется преимуществом утопических идеалов, которые служили инструментом легитимации власти или идеологическим обоснованием перемен. Современное политическое руководство КНР идеалы «да тун», «тай пин», «сяо кан» и «тянься», адаптируют для обеспечения социальной гармонии и порядка к вызовам различных эпох.

Таким образом, идеалы «да тун» и «тай пин» по-прежнему сохраняют свое важное значение в общественно-политическом менталитете и в сознании элиты. Их актуальность обусловлена тем, что пребывание в таком состоянии является одной из главных целей развития Китая. Эта идея полезна также при исследовании даже не связанных с утопическими идеалами процессами или явлениями. Идеал «великое спокойствие» широко применялся при председателе Ху Цзиньтао в период налаживания связей КНР с китайской диаспорой за рубежом, с Сянганом Гонконгом и Аомэнем до их интеграции с КНР, а сейчас с урегулированием отношений с Тайванем. Актуальность такого утопического идеала обусловлена тем, что пребывание в таком состоянии является одной из главных целей развития Китая. «Сообщество единой

¹⁹ Институт философии Академии общественных наук КНР.

²⁰ Впервые «Китайский план» или «Китайский проект» упоминает председатель КНР Си Цзиньпин 6 сентября 2013 г. после проведения VIII саммита лидеров «Большой двадцатки». Его суть заключается в том, что Китай стремится больше участвовать в международных делах и вносить свой вклад в формирование международных теорий и концепций.

судьбы человечества», как главная внешнеполитическая доктрина Си Цзиньпина, опираясь на древнюю идею «да тун» («великое единение»), предполагает мирное сосуществование и общую ответственность за глобальные проблемы, противопоставляя китайский коллективизм западному индивидуализму.

Идеал «сяо кан» древние мыслители толковали как «народу тяжело, он страдает, в той связи ему необходимо успокоиться». С течением времени спокойная жизнь в обеспеченных семьях привела к тому, что такие семьи стали называться семьями Идея «общества малого благоденствия», перестала быть утопией и сейчас представляет собой целенаправленную стратегию, способствующую во внешнеполитическом контуре «совместной модернизации» КНР со всем миром. Этот идеал прошел полный цикл развития от «уровня сяокан» до «общества малого благоденствия сяокан» и от «всестороннего строительства общества сяокан» до «завершения строительства общества сяокан во всех аспектах».

Как нам представляется, имманентная основа даосских идеалов на конфуцианство и наоборот происходит в русле принципов «великого равновесия», «великого единения», «гармоничного сосуществования при сохранении различий». А это соответствует утопическим установкам, отражающим восприятие китайской цивилизации мира и самой жизни как синергию и синтез личной свободы и связи с природой. Чистую имманентность, которая несмотря на многократные бури и потрясения, в Древнем и современном Китае, является практическим руководством во внешней политике.

Концепция «тянься» лежит в основе реализации современного мегапроекта «Один пояс, один путь», так как китайское руководство предлагает многополярную модель мироустройства, основанную не на разделении государств границами, а на их интеграции через общие интересы. Такая своеобразная антитеза мондиализму США и странам ЕС. Реализация рассматриваемого проекта, несмотря на текущую стагнацию, обусловленную внешнеполитической конъюнктурой, закрепляет за КНР статус центрального узла транспортно-логистических и инвестиционных потоков на евразийском пространстве.

Заключение

Итак, какая же взаимосвязь утопических идеалов с современной политической философией Китая, идеологическими установками руководства КНР?

Ван Тао, Кан Ювэй и Чжао Тиньян считают индивидуальную рациональность эгоистичной, не соответствующей нравственным и моральным отношениям. Возвращение Китая к утопиям неслучайно, так как мир утопии лишен конкретного исторического содержания и подходит для любого общества и политического режима [12]. Западные представления о мире уже проигрывают в научном описании взаимоотношений разных цивилизаций. Для современного мира, как мы видим, все четыре идеала с политической точки зрения имеют утопическую окраску и призваны вернуть Китай к установлению глобального порядка, который заменит и затем вытеснит западную концепцию конфликтов и неравенство в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Думан Л.И. Пожалование земельных владений в Древнем Китае (эпоха Инь, XIV–XI вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. М.: «Наука», 1981. С. 3–21.

2. Шицзин П 诗经 П. Шицзин П. Хань-Э дуйчжао 汉俄对照 [на китайском и русском языках]. Бэйцзин: Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ 北京:北京师范大学出版社 [Пекин: «Издательство Пекинского педагогического университета»]. 2016. 733 с.
3. Лао-цзы: Хань-Хань дуй чжао. 老子:汉韩对照 [Лао-цзы: на китайском и корейском языках]. Яньцзи: Яньбянь Жэньминь чубаньшэ 延吉:延边人民出版社 [Яньцзи: «Народное издательство Яньбяньского Корейского автономного округа»], 2007. 265 с.
4. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст., примеч. В. В. Малявина. М.: «Мысль», 1995. 440 с.
5. Zhao Tingyang. A Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tian-xia) // Diogenes. 2009. Vol. 56. Iss. 1. P. 5–18. <https://doi.org/10.1177/0392192109102149>.
6. Чжао Тинян 赵汀阳. Ичжун кэнэндэ чжихуэй миньчжу 一种可能的智慧民主 [Возможная рациональная форма демократии] // Чжунго Шихуэй кэсюэ 中国社会科学 [Общественные науки КНР]. 2021. № 4. С. 4–23.
7. Чжао Тинян. Система «Тянься» для будущего мира и мира в будущем. Интервью с Чжао Тиньяном, профессором философии Китайской академии общественных наук. Интервью провела Тянь Е // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 3. С. 397–402. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-397-402>. EDN: ZLICSG.
8. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1964. 583 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
10. Клеес Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. Т. 3. № 3. С. 148–160. <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>. EDN: JXHZXJ.
11. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002. 606 с. EDN: ZRABPV.
12. Малявин В.В. «Поднебесная» или «Азия»? Об утопических установках современной политики в Дальневосточном регионе // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.31857/S013128120013886-5>. EDN: GSCWOB.
13. Мартынов Д.Е. Конфуцианский идеал великого единения: реинтерпретация и проблема перевода // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 1. С. 78–88. EDN: NTSZTZ.
14. Мартынов Д.Е. Ван Тао, Кан Ювэй и концепция «великого единения»: проект глобализации по-китайски // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. Т. 5. Ч. 1. С. 221–225. EDN: HKBVFR.
15. Usmanova I.R., Martynov D.E., Martynova Yu.A. Formation of the Great Unity (Datong) concept by Kang Youwei and E. Bellamy's Utopia “Looking Backward” // International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS). 2016. Special Issue. P. 97–103.
16. Дао и даосизм в Китае. М.: «Наука», 1982. 287 с.
17. Васильев Л.С. Этика и ритуал в трактате «Ли Цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае: сборник статей. М.: «Наука», 1988. С. 173–201. [эл. доступ]. URL: <https://book.ivran.ru/sites/31/files/etikairitualvtraditionnomkitae1988.pdf> (дата обращения: 16.01.2026).
18. Торчинов Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб: Издательство «Лань», 1998. 448 с.
19. Чэн Гуанюнь 程广云. Тянься юйцзин нэйдэ Чжунго суйши – пин Чжао Тиняндэ «тянься тиси» силе 天下语境内的中国叙事—评赵汀阳的《天下体系》系列 [Китайский нарратив в контексте «тянься» – Оценка «системы тянься» Чжао Тиняна]. Чжунго шэхуэй кэсюэ пинцзя 中国社会科学评价 [Анализ общественных наук КНР]. 2021. № 2. С. 19–29.
20. Цзян Сиюань 江西元. Чжунгодэ шицзе хайши шицзедэ Чжунго 中国的世界还是世界的中国 [Китайский мир или мир Китая] // Бэйцзин: Шиши чубаньшэ 北京:时事出版社 [Пекин: Издательство «Актуальные события»]. 2009. 303 с.
21. Margolies D., Cao Q. Utopia and Modernity in China. Contradictions in Transition. London: Pluto Press, 2022. 157 p.

22. Общество и государство в Китае: тезисы и доклады XI научной конференции. Ч. II. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1980. 230 с.
23. Си Цзиньпин. О ликвидации бедности. 1-е изд. Пекин: «Издательство литературы на иностранных языках», 2020. 281 с.
24. Политическая энциклопедия: в 2-х т. Т. 2 / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. проекта Г. Ю. Семигин ; науч.-ред. совет : пред. совета Г. Ю. Семигин. М.: «Мысль», 1999. 750 с.
25. Бояркина А.В. Поднебесная «тянься» \ (天下) Чжао Тиняна: утопия и реальность // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы XIV международной научно-практической конференции. (Благовещенск, Хэйхэ. 30 мая – 2 июня 2024 г.). Благовещенск, 2024. Вып. 3. № 14. С. 424–428. EDN: [FVFLLI](#).
26. Древнекитайская философия: собрание текстов в 2-х т. Т. 1. М.: «Мысль», 1972. 363 с.
27. Мартынов Д.Е. Даосская утопия Тай пин: политические и этические аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 106–119. EDN: [HZOBVV](#).
28. Ионов А. Ю. Введение в даосское учение «Канона великого спокойствия» // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2012. Т. 1. № 3. С. 153–163. EDN: [SQVSVZ](#).
29. Сяньдай ханьюй цыдянь 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. Пекин: Шану иньшугуань 北京:商务印书馆 [Пекин: «Издательство деловой печати»]. 1978. 1567 с.
30. Кейдун И.Б. Конфуцианский трактат *Ли цзи* о брачном ритуале в древнем Китае // Общество и государство в Китае. 2016. Т. XLVI. № 1. С. 155–162. EDN: [XSBJNZ](#).
31. Цзююнь чэньюй да цыдянь: шуансэ 九用成语大词典:双色 [Большой словарь идиом Цзююнь]. Чанчунь: Цзилинь цзяюй чубаньшэ 长春:吉林教育出版社 [Чанчунь: «Издательская группа провинции Цзилинь»]. 2008. 1260 с.
32. Социальные процессы в КНР. М.: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока, Центр научной информации и документации, 2006. 99 с.

REFERENCES

1. Duman, L.I. Pozhalovaniye zemelnykh vladeny v Drevnem Kitaye (epokha In, XIV–XI vv. do n.e.). [Granting of Land Ownership in Ancient China (Yin Dynasty, 14th – 11th Centuries BC)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye [Society and State in China]*. Moscow: “Science”, 1981. С. 3–21. (In Russian).
2. Shijing II 诗经 II. Shijing II. Han-E duizhao 汉俄对照 [in Chinese and Russian]. Beijing: Beijing shifan daxue chubanshe 北京:北京师范大学出版社 [Beijing: Beijing Normal University Press]. 2016. 733 p. (In Chinese).
3. Laozi: Han-Han dui zhao. 老子:汉韩对照 [Laozi: in Chinese and Korean]. Yanji: Yanbian Renmin chubanshe 延吉:延边人民出版社 [Yanji: People's Publishing House of the Yanbian Korean Autonomous Prefecture], 2007. 265 p. (In Chinese).
4. Zhuangzi. Lie-tzu. Translated from Chinese, introduction, notes by V.V. Malyavina. Moscow: Mysl, 1995. 440 p. (In Russian).
5. Zhao Tingyang. A Political World Philosophy in Terms of All-Under-Heaven Tian-xia). *Diogenes*. 2009. Vol. 56. Iss. 1. P. 5–18. <https://doi.org/10.1177/0392192109102149>.
6. Zhao Tingyang 赵汀阳. Yizhong kenengde zhihui minzhu 一种可能的智慧民主 [A Possible Rational Form of Democracy]. *Zhongguo shehui kexue 中国社会科学 [Social Sciences of the People's Republic of China]*. 2021. No. 4. P. 4–23. (In Chinese).
7. Zhao Tingyang Tianxia system for a future world and peace in the future. Interview with Zhao Tingyang, Professor of Philosophy at the Chinese Academy of Social Sciences. Interviewed by Tian Ye. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024. Vol. 24. No. 3. P. 397–402. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-397-402>. EDN: [ZLICSG](#).
8. Hobbes, T. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1964. 583 p. (In Russian).
9. Marcuse, G. Odnomernyy chelovek. Issledovaniye ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow: REFL-book, 1994. 368 p. (In Russian).

10. Claeyss, G. Utopia and Utopism: History of the Concepts' Understanding. *Practices & Interpretations: a Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*. 2018. Vol. 3. No. 3. P. 148–160. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>. EDN: JXHZZJ.
11. Kobzev, A.I. *Filosofiya kitayskogo neokonfutsianstva* [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow: Eastern Literature, 2002. 606 p. (In Russian). EDN: ZRABPV.
12. Maliavin, V.V. “All-Under-Heaven” or “Asia”? On Utopian Premises of Modern Politics in the Far-Eastern Region. *Far Eastern Affairs*. 2021. No. 1. P. 130–146. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120013886-5>. EDN: GSCWOB.
13. Martynov, D.E. The Confucian Ideal of the Great Unity: Reinterpretation and the Problem of Translation. *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Humanities Series*. 2011. Vol. 153. Book 1. P. 78–88. (In Russian). EDN: NTSZTZ.
14. Martynov, D.E. Van Tao, Kan Yuvey i kontseptsiya «velikogo yedineniya»: proyekt globalizatsii po-kitayski [Wang Tao, Kang Youwei, and the Concept of the “Great Unity”: A Chinese-Style Globalization Project]. *Bolshaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. 2022. Vol. 5. No. 1. P. 221–225. (In Russian). EDN: HKBVFR.
15. Usmanova, I.R., Martynov, D.E., Martynova, Y.A. Formation of the Great Unity (Datong) Concept by Kang Youwei and E. Bellamy's Utopia “Looking Backward”. *International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS)*. July 2016 Special Issue. P. 97–103.
16. Dao i daosizm v Kitaye [Tao and Taoism in China]. Moscow: “Science”, 1982. 287 p. (In Russian).
17. Vasiliev, L.S. Etika i ritual v traktate «Li Tszi» [Ethics and Ritual in the Treatise «Li Ji»]. *Etika i ritual v traditsionnom Kitaye: sbornik statey* [Ethics and Ritual in Traditional China: A Collection of Articles]. Moscow: “Science”, 1988. P. 173–201. Available at <https://book.ivran.ru/sites/31/files/etikairitualvtraditsionnomkitae1988.pdf> (accessed: 16.01.2026). (In Russian).
18. Torchinov, E.A. *Daosizm: opyt istoriko-religioznogo opisaniya* [Taoism: an Attempt at Historical and Religious Description]. St. Petersburg: “Lan” Publishing House, 1998. 448 p. (In Russian).
19. Cheng Guangyun 程广云. Tianxia yujing neid Zhongguo xushi – ping Zhao Tingyanand “tianxia tisi” strength 天下语境内的中国叙事——评赵汀阳的“天下体系”系列 [Chinese Narrative in the Context of “Tianxia” – An Assessment of Zhao Tingyan’s “Tianxia System”]. *Zhongguo shehui kexue pingjia* 中国社会科学评价 [Analysis of the Social Sciences of the PRC]. 2021. No. 2. P. 19–29. (In Chinese).
20. Jiang Xiyuan 江西元. Zhongguo shijie haishi shijie Zhongguo 中国的世界还是世界的中国 [The Chinese World or the World of China]. Beijing: Shishi chubanshe 北京:时事出版社 [Beijing: Actual Events Publishing House]. 2009. 303 p. (In Chinese).
21. Margolies, D., Cao, Q. *Utopia and Modernity in China. Contradictions in Transition*. London: Pluto Press, 2022. 157 p.
22. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: tezisy i doklady XI nauchnoy konferentsii Ch. II*. [Society and State in China: Theses and Papers of the XI Scientific Conference. Part II]. Moscow: Nauka, Main Editorial Board of Eastern Literature, 1980. 230 p. (In Russian).
23. Xi Jinping. *O likvidatsii bednosti* [On the Elimination of Poverty]. 1st ed. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 2020. 281 p. (In Russian).
24. *Politicheskaya entsiklopediya* [Political Encyclopedia]: in 2 vol. Vol. 2. National social-scientific fund; hands project G. Yu. Semigin; scientific-ed. advice: prev. Council G. Yu. Semigin. Moscow: “Mysl”, 1999. 750 p. (In Russian).
25. Boyarkina, A.V. Zhao Tingyang’s «All-under-Heaven» (天下): Utopia and Reality. *Russia and China: History and Prospects for Cooperation*. Proc. of the XIV Int. Res.-Pract. Conf. (Blagoveshchensk, Heihe. May 30 – June 2, 2024). Blagoveshchensk, 2024. Iss. 3. No. 14. P. 424–428. (In Russian). EDN: FVFLLI.
26. *Drevnekitayskaya filosofiya* [Ancient Chinese Philosophy]. A Collection of Texts in 2 vol. Vol. 1. Moscow: “Mysl”, 1972. 363 p. (In Russian).
27. Martynov, D.E. The Daoist Utopia Tai Ping: Some Political and Ethical Aspects. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*. 2006. Vol. 148. Book 4. P. 106–119. (In Russian). EDN: HZOBVV.

28. Ionov, A.Yu. Vvedeniye v daosskoye ucheniye «Kanona velikogo spokoystviya» [Introduction to the Taoist Teaching of the Canon of Great Tranquility]. *Chelovek i kultura Vostoka. Issledovaniya i perevody* [Man and Culture of the East. Research and Translations]. 2012. Vol. 1. No. 3. P. 153–163. (In Russian). EDN: [SQVSZV](#).
29. Xiandai Hanyu Qidian 现代汉语词典 [Dictionary of Modern Chinese]. Beijing: Shanwu yinshuguan 北京:商务印书馆 [Beijing: Business Press Publishing House]. 1978. 1567 p. (In Chinese).
30. Keidun, I.B. The Confucian Treatise Li Ji on Marriage Ritual in Ancient China. *Society and state in China*. 2016. Vol. XLVI. No. 1. P. 155–162. (In Russian). EDN: [XSBJNZ](#).
31. Jiuyong chengyu da cidian: shuangse 九用成语大词典:双色 [The Great Dictionary of Jiuyong Idioms]. Changchun: Jilin jiaoyu chubanshe 长春:吉林教育出版社 [Changchun: Jilin Provincial Publishing Group]. 2008. 1260 p. (In Chinese).
32. Sotsialnyye protsessy v KNR [Social Processes in the People's Republic of China]. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Far Eastern Studies, Center for Scientific Information and Documentation, 2006. 99 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Бояркина Анна Владимировна – доктор политических наук, доцент кафедры китаеведения Восточного института (Школы); Дальневосточный федеральный университет.

E-mail: aboyarkina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9819-8171

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Boyarkina Anna V. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Chinese Studies, Oriental Institute (School); Far Eastern Federal University.

E-mail: aboyarkina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9819-8171

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026.
Одобрена после рецензирования 12.03.2026.
Принята 13.03.2026.

Received 30.01.2026.
Approved after reviewing 12.03.2026.
Accepted 13.03.2026.

research article / научная статья

УДК: 141.82

EDN: [ZURTGA](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.4](#)

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Retrospective Study of Marxism in Contemporary Russia

Sergey N. Pogodin

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
pogodin_sn@spbstu.ru

Jingcheng Li

Shenzhen University, ShenZhen, People's Republic of China
jc.li@szu.edu.cn

Abstract

Introduction. The spread of Marxism in Russia was shaped by a complex set of socio-economic factors, above all the development of capitalist production based on the exploitation of wage labor, the growth of the proletariat, and the intensification of contradictions between the proletariat and the bourgeoisie. An important role was also played by the formation of class self-consciousness among the working class, manifested in the struggle for its own interests and the creation of professional organizations. A substantial contribution to the scientific and practical development of Marxism was made by V. I. Lenin, who regarded it not only as a theoretical doctrine but also as a political current serving as an instrument for achieving concrete political goals. During the Soviet period, Marxist thought acquired an institutionalized form and became widely disseminated. After the collapse of the USSR, a phase of critical reassessment of Marxism began in the former Soviet republics. In contemporary Russia, two mutually exclusive tendencies can be identified: on the one hand, a consistent critique of Marxism; on the other, the continued recognition of its relevance as a theoretical and political doctrine.

Materials and methods. The source base of the study can be conventionally divided into two groups: works aimed at criticizing Marxism and studies proposing its renewed interpretation in the context of contemporary Russia. The methodological framework of the research is based on the institutional approach, as well as historical-critical and historical-comparative methods.

Results. The analysis reveals two opposing directions in the interpretation of Marxism in Russia. Criticism of Marxism is represented, first, by a right-wing discourse articulated by liberal and anti-communist authors, and second, by a left-wing strand formed by supporters of the communist idea. Studies oriented toward the rethinking of Marxism may also be divided into two types: “critical Marxism,” developed by theoretical continuators of the Marxist tradition, and “eclectic Marxism,” characteristic of works produced by representatives of the Communist Party of the Russian Federation.

Conclusion. In contemporary Russia, Marxism has not disappeared. It continues to exist as a political movement, as an ideological doctrine, and as an object of scholarly analysis. The polarity of assessments of Karl Marx's ideas—from their rejection as outdated to their recognition as relevant—

indicates that Marxism continues to generate sustained interest within Russian social and academic discourse.

Keywords: Karl Marx; V.I. Lenin; Marxism; critique of Russian Marxism; development of Marxism in Russia

Funding: This work was supported by the Shenzhen University Social Sciences 2035 Program (No. ZYQN2416) and the Shenzhen University Young Faculty Research Start-up Fund (No. 000001032057).

For citation: Pogodin, S.N., Li Jingcheng. Retrospective Study of Marxism in Contemporary Russia. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 63–74. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.4>. EDN: ZURTGA.

© Pogodin, S.N., Li Jingcheng, 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Ретроспективное изучение марксизма в современной России

Погодин Сергей Николаевич

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
pogodin_sn@spbstu.ru

Ли Цзинчэн

Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай
✉ jc.li@szu.edu.cn

Аннотация

Введение. Распространение марксизма в России было обусловлено совокупностью сложных социально-экономических факторов, прежде всего развитием капиталистического производства, основанного на эксплуатации наёмного труда, ростом численности пролетариата и обострением его противоречий с буржуазией. Важную роль сыграло и формирование классового самосознания рабочего класса, выразившееся в борьбе за собственные интересы и создании профессиональных организаций. Существенный вклад в научное и практическое развитие марксизма внёс В. И. Ленин, который рассматривал его не только как теоретическое учение, но и как политическое течение, выступающее инструментом достижения конкретных политических целей. В советский период марксистская мысль получила институциональное оформление и широкое распространение. После распада СССР в бывших союзных республиках начался этап критики марксизма. В современной России прослеживаются две взаимоисключающие тенденции: с одной стороны, последовательная критика марксизма, с другой – сохранение его актуальности как теоретического и политического учения.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования условно можно разделить на две группы: работы, направленные на критику марксизма, и исследования, предлагающие его новое осмысление в условиях современной России. В качестве методологической основы использованы институциональный подход, а также историко-критический и историко-сравнительный методы.

Результаты. Анализ выявил два противоположных направления в интерпретации марксизма в России. Критика марксизма представлена, во-первых, правым дискурсом либеральных авторов, во-вторых, левым направлением, сформированным сторонниками коммунистической идеи. Исследования, ориентированные на переосмысление марксизма, также делятся на два типа: «критический марксизм», развиваемый теоретическими продолжателями марксистской традиции, и «эkleктический марксизм», характерный для работ представителей КИРФ.

Заключение. В современной России марксизм не утратил своего присутствия: он сохраняется как политическое движение, как идеологическое учение и как объект научного

анализа. Полярность оценок идей Карла Маркса, от их отрицания как устаревших до признания их актуальности, свидетельствует о том, что марксизм по-прежнему вызывает устойчивый интерес в российском общественном и академическом дискурсе.

Ключевые слова: Карл Маркс; В.И. Ленин; марксизм; критика российского марксизма; развитие марксизма в России

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Программ Общественных наук 2035 Шэньчжэньского университета (№. ZYQN2416) и Стартового фонда исследований молодых преподавателей Шэньчжэньского университета (№ 000001032057).

Для цитирования: Погодин С.Н., Ли Цзинчэн. Ретроспективное изучение марксизма в современной России // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 63–74. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.4>. EDN: ZURTGA.

© Погодин С.Н., Ли Цзинчэн, 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

The emergence of the first Marxist organizations in Russia dates back to the 1880s. The rapid spread of Marxism was closely connected with the complex socio-economic conditions that had taken shape in the country, including the growth of capitalist production based on the exploitation of wage labor, the significant expansion of the proletariat, and the intensification of contradictions between the bourgeoisie and the proletariat. Equally important was the growing awareness of the role of the proletariat in the struggle for its own interests, as well as the establishment of workers' professional organizations. The first Marxist groups in Russia were founded by Dmitry (Dimitar) Blagoev (1856–1924) [1] and P. V. Tochissky (1864–1918) [2]. A qualitatively new stage in the dissemination of Marxist ideas is associated with the activities of G. V. Plekhanov (1856–1918) [3], who argued that the working class itself should take the initiative in the development of the communist movement.

The scientific and practical development of Marxism is inseparably linked to the name of V. I. Lenin (1870–1924) [4]. In his understanding, Marxism was a political current that functioned as an instrument for achieving specific political goals. Within Marxist philosophy, Lenin placed primary emphasis on the dialectical law of the unity and struggle of opposites. A new stage in the interpretation of Marxism in Russia/the USSR is associated with the name of I. V. Stalin (1878–1953) [5]. His understanding of Marxism differed substantially from both the classical tradition and Lenin's interpretation. Stalinist Marxism was characterized by dogmatism and schematic thinking, which to a certain extent hindered the development of culture and science.

The development of Marxist thought became particularly widespread in the USSR during the 1960s–1980s, when research centers were active and many scholars were deeply engaged in the study of Marxism. During this period, analytical works on Marxism by V. A. Vazyulin [6] and E. V. Ilyenkov [7] appeared; these studies have not lost their scholarly significance to this day. After the collapse of the Soviet Union, the former ideology and model of development were subjected to systematic re-evaluation. In a number of former Soviet republics, the early stage of transformation was accompanied by a wave of criticism of Marxism. In some interpretations, the economic stagnation of the Soviet period was

attributed to the theoretical foundations of Marxism and to problems in its practical implementation [8].

At present, the Russian intellectual sphere is experiencing an intense contestation over the fate of Marxism: on the one hand, there are critical interpretations that regard it as an outdated ideology; on the other hand, there are constructive reassessments that affirm its analytical value for understanding contemporary socio-economic processes. This situation of oppositional coexistence constitutes the logical starting point for examining the actual position of Marxism within contemporary Russian intellectual and political discourse.

This article focuses on the critical reflection on and creative reinterpretation of Marxism within contemporary Russian scholarship. The study aims, through a typological analysis, to identify the principal theoretical approaches used to evaluate Marxism and to explore the mechanisms that sustain its continued presence in academic debates. The article addresses three key questions. First, what are the central arguments of contemporary Russian critiques of Marxism? Second, what are the main directions in which scholars are reconstructing Marxist theory? Third, what social and intellectual conditions explain why Marxism continues to attract sustained academic attention in present-day Russia?

Materials and Methods

The materials used in this article can be conventionally divided into two groups. The first group consists of works devoted to the critique of Marxism in contemporary Russia, reflected in the studies of E. T. Gaidar and V. A. Mau [9], V. K. Kudrov [10], V. Ryzhkov [11], E. V. Pashintseva [12], D. A. Davydov [13], and I. A. Inshakov [14]. The second group includes works focused on a renewed interpretation of Marxism in modern Russia. This group comprises studies by A. V. Buzgalin and A. I. Kolganov [15], V. M. Mezhuev [16], A. S. Kazenkov [17], M. F. Chernysh [18], N. V. Asonov [19], A. I. Kolganov [20], E. V. Zolotukhina-Abolina and V. E. Zolotukhin [21], as well as V. V. Evglevsky [22].

The methodological foundation of the study is based on the institutional approach, which makes it possible to examine the evolution of social institutions. The application of the historical-critical method enabled a critical analysis of Marxist sources and their interpretations. The use of the historical-comparative method made it possible to identify the regularities and distinctive features of contemporary Marxism.

Findings

Critique of Marxism in Contemporary Russia

In the article by E. V. Pashintseva [12], criticism directed at Marxism is analyzed, and two main critical theses are identified. First, the revolutionary events in Russia are described as having occurred “not according to Marx,” since the country was not economically prepared for such transformations and should have awaited similar developments in more advanced industrial states. Second, it is argued that the Bolsheviks who came to power imposed a Marxist ideology alien to Russia [12, p. 48]. Criticism of Marxism is thus closely linked to the Soviet-period interpretation of Karl Marx’s doctrine. A similar understanding is presented in the work of E. T. Gaidar and V. A. Mau [9], who argue that in Russian society at the end of the 1990s and the beginning of the twenty-first century a strongly negative attitude toward Marxism prevailed. They note that “a natural reaction of rejection occurs. The Russian intelligentsia of middle age does not wish to think about Marxism. Young

people raised in the post-Soviet period are not interested in Marxism” [9]. This assertion, however, is evidently to some extent arbitrary; it represents a specific product of the period of socio-economic transformation in Russia and can hardly be generalized as a dominant consensus of an entire historical stage.

The article by V. K. Kudrov [10] offers a critical examination of the fundamental foundations of Marxist economic theory and compares them with the realities of XX century life. Particular attention is paid to the labor theory of value, surplus value, the laws of capitalist accumulation, and the concepts of absolute and relative impoverishment of the proletariat. The author concludes that Marx’s theory is utopian and untenable, and argues for the creation of a new economic theory capable of responding to the challenges of the XXI century.

The works of contemporary Russian scholars D. A. Davydov [13] and I. A. Inshakov [14] address the critique of Marxism in foreign political science. Davydov advances the idea of a “crisis dead end” for Marxism, claiming that it has ceased to develop and entered a period of stagnation; this thesis is supported by references to Western scholars. In assessing this position, it can be noted that the article has a certain value, but primarily as a critique of neo-Marxism and Western Marxist approaches, rather than of Marxism as such. In the article by I. A. Inshakov, the thesis is advanced that Karl Marx combined “utopian” and “scientific” approaches in his thinking. A critique of this position is offered by N. Lopatin, whose conclusions appear persuasive: “At the same time, the author fails to take into account the historical, scientific, and socio-political context. For him, Marxism is a spherical horse in a vacuum: it seems to exist, but is separated from everything and does not develop. As a result, the author ‘criticizes’ Marxism of the mid—if not the late—nineteenth century, which is very convenient”¹.

Studies of Marxism in Contemporary Russia

At present, contemporary interpretations of Marxism are experiencing a renaissance in the social sciences [18]. In modern Russian political literature, works defending Marxism have appeared. Among them is the monograph by V. M. Mezhuev, *Marx against Marxism: Essays on an Unpopular Topic* [16]. This work analyzes the discrepancies between Karl Marx’s doctrine and its interpretations by “Soviet Marxists.” The author examines in detail Marx’s understanding of history, culture, and society, while demonstrating fundamental divergences between Marx’s own views and those of the “scholars” who judged him from “Soviet positions.” Mezhuev notes that “a return to Marx is as inevitable as our transition to a capitalist-type market economy” [16, p. 7].

The authors of the article «Dialectics in the Contemporary Era: The Relevance of the Ideas of Hegel and Marx» likewise conclude that “Marxism continues to remain an important foundation for the analysis of power and systems of social inequality. Serious inequalities generated under conditions of globalization once again draw attention to the materialist interpretation of history and the need for social transformation” [24, p. 711].

A. I. Kolganov argues that “the scientific legacy of K. Marx contains a number of long-term historical forecasts that have received brilliant confirmation in our time. The

¹ Лопатин Н. Академическая критика марксизма: как в вузах разбирают «соломенное чучело»: [сайт]. URL: <https://vk.com/@lopatin2024-akademicheskaya-kritika-marksizma-kak-v-vuzah-razbiraut-solo> (дата обращения: 10.01.2026).

development of Marx's ideas in contemporary Marxism provides a solid theoretical basis for understanding the fundamental contradictions of modernity" [20].

In Russia, Marxism exists in a wide variety of currents. Russian political scientist L. V. Smorgunov [25] identifies two principal directions: the first, "critical Marxism," represented primarily by the works of A. V. Buzgalin and A. I. Kolganov; and the second, "eclectic Marxism," developed in the writings of G. A. Zyuganov. "Critical Marxists consider themselves the most consistent continuators of Marxist doctrine and claim to provide an adequate expression of the 'left-wing' socialist and communist movement in Russia," Smorgunov notes [26, p. 128].

"Critical Marxism" is grounded in Karl Marx's dialectical method, which makes it possible to critically analyze contemporary socio-economic conditions. It sets as its goal the elaboration of a transition from modern capitalism to the ideals of socialism and communism. From the perspective of critical Marxism, objective prerequisites for such a transition already exist in contemporary society. These include, first, the presence of the creative potential of human labor as a decisive factor of modern progress; second, the replacement of the previously dominant rational actor, homo economicus, by a new type of personality, homo creator, characterized by creative potential and the ability to transform the world; third, the transformation of the biosphere – from being viewed merely as a source of raw materials – into a cultural value, whose reproduction has become a central function of progress; and fourth, the vast cultural wealth created by humanity, which contributes to further social development [27].

According to Smorgunov, a weakly developed aspect of "critical Marxism" is the practical organization of the transition from capitalism to socialism. He concludes that it "represents a marginal current that exerts no serious influence on political discourse in society, on social science research agendas, or on political practice" [27, p. 114].

"Eclectic Marxism," by contrast, represents an association of scholars seeking to remain faithful to Marxism while simultaneously taking into account new processes and phenomena such as globalization, informatization, and democratization. This direction is pragmatic in character and aims to expand its social base [27]. From the perspective of eclectic Marxism, global capitalism itself constitutes the condition for a transition to socialism, as it creates the material foundation for a just social order. According to Smorgunov, "the two most important approaches through which contemporary Russian communist ideologues and politicians attempt to enrich Marxism are geopolitics and the theory of civilizations" [25]. In his view, eclectic Marxism turns to ideas of nationalism, using this ideology against capitalist globalization [25]. Supporters of eclectic Marxism, however, reject this interpretation, arguing that it is precisely the creative synthesis of Marxist methodology with the intellectual heritage of Russian thinkers that will serve as the foundation for the emergence of a modern domestic socialism [27].

The principal ideologue of "eclectic Marxism" is the leader of the Communist Party of the Russian Federation, G. A. Zyuganov. A comprehensive analysis of his statements from different periods reveals a certain degree of inconsistency. At the same time, his discourse clearly reflects the core ideas of Marxism, particularly the historical inevitability of capitalism's demise. Zyuganov states: "The fundamental discoveries of Marx and Engels have demonstrated that capitalism – whose dead-end stage is today's globalization – is

historically doomed. By multiplying poverty and hardship, it simultaneously increases the number of those in whom protest against this exploitative and unjust system grows, a protest that ultimately leads to its collapse [23].”

Other Directions of Marxist Research in Russia

According to contemporary Russian scholars who develop the intellectual legacy of Karl Marx, future research in Russia is likely to proceed along several major directions, including philosophy, the dialectics of cognition, methodology, economics, and social theory.

In the philosophical system developed by Karl Marx, central attention is devoted to the human being as a fundamentally practical entity oriented toward transforming the world in order to realize human needs [28, p. 6]. Russian scholars regard this thesis as foundational for the further development of Marxism, as it is grounded in the principles of systemic analysis, scientific rigor, and the methodology of materialist dialectics. These principles, in their view, provide potential pathways out of the spiritual and intellectual crisis currently affecting philosophical thought [28, p. 19].

A defining feature of the twenty-first century is the process of globalization, which has exacerbated inequalities between countries and within societies, while also generating ecological crises. Under these conditions, Marxist dialectics emerges as a crucial analytical instrument for examining transformations in social, economic, and ecological systems. From the perspective of Russian Marxists, the application of Karl Marx’s dialectical method to the realities of the twenty-first century serves as an important factor stimulating social movements that struggle for justice and equality [24].

According to A. V. Buzgalin, Professor at the Faculty of Philosophy of Moscow State University, Marxist methodology and theory acquire particular significance in contemporary conditions because they “help address the tasks of researching global problems of humanity, including the social forms and consequences of the new technological revolution and the profoundly transformed economic system” [29, p. 32]. In the field of economics, Marxism is also seen as possessing certain advantages, since the economic realities of the twenty-first century are marked by crisis phenomena in economic theory itself. Russian researchers argue that a way out of this crisis can only be found through Marxism. Karl Marx’s studies of economic development were based on dialectical, methodological, and theoretical principles elaborated earlier in philosophical and economic thought [30].

V. V. Mironov, Dean of the Faculty of Philosophy at Moscow State University and Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, notes that “even today it is possible to identify a number of ideas within Marx’s conceptual framework that can serve as the basis for the construction of developed social theories. Above all, this includes a complex of philosophical-anthropological ideas related to the understanding of the human being as a creature that transforms the world” [31]. In developing the concept of human essence, Karl Marx integrated human social activity into a unified process of self-transformation, as well as the transformation of society and nature [32].

A review of contemporary Russian academic literature indicates that discussions of Marxism have evolved along two principal trajectories. The first is critical reassessment – some scholars tend to associate Marxist theory with the historical experience of the Soviet Union and, on this basis, subject it to critical evaluation, raising fundamental doubts about its

explanatory power in the current economic and social spheres. The second is creative transformation, when researchers emphasize that Marxism still retains considerable theoretical capacity for interpreting contemporary socio-political and economic changes and attempt to adapt and reconstruct its methodological principles under new historical conditions. Thus, Marxism in contemporary Russia demonstrates a dual character—it is both an object of reflection and critique and a theoretical framework that continues to be actively developed. It is precisely this coexistence of critical reconsideration and constructive reinterpretation that sustains Marxism's enduring vitality and scholarly attention within Russian academic discourse.

Discussion and Conclusion

As a result of the study, two mutually exclusive directions in the study of Marxism in Russia were analyzed: the first is the critique of Marxism, and the second is a positive attitude toward Marxism. An analysis of works devoted to the critique of Marxism reveals two main tendencies. The first is criticism from the right, represented by the writings of liberal authors. The second is criticism from the left, articulated by supporters of the communist idea.

In contemporary Russia, Marxism has not disappeared following the intensive critical campaign of the 1990s. It continues to exist in politics as a political movement, in ideology as a theoretical doctrine, and in scholarship as an object of academic inquiry. Russian scholars' assessments of Karl Marx's ideas are sharply polarized. Analysis of studies devoted to Marxism in modern Russia also reveals two main directions. The first, "critical Marxism," is represented by works produced by continuators of the Marxist tradition. The second, "eclectic Marxism," is reflected in the writings of representatives of the Communist Party of the Russian Federation. Some researchers argue that Marxism was created in the nineteenth century and can no longer be relevant to contemporary Russian realities. Others, by contrast, consider it relevant under present conditions and become its active proponents. These opposing views indicate that Marxism continues to generate a certain degree of interest within Russian society today.

The diversity of interpretations of Marxism in Russia points to an ongoing creative search for alternatives to contemporary society. As noted, "the creation of a modern theory of socialism that corresponds to the tendencies of the development of world civilization under conditions of increasing globalization constitutes the most important task of the philosophy of creative Marxism" [33].

Partial propositions of Karl Marx may appear inconsistent with the present-day realities of Russia. Nevertheless, Marxist theory in the field of economics remains an important school of theoretical and methodological thought for humanity as a whole. Marxist philosophy retains its relevance in many respects even today. Under current conditions, Marxist philosophical research, grounded in the principles of systemic analysis and materialist dialectics, creates the prerequisites for overcoming the spiritual crisis confronting contemporary philosophical thought worldwide. Of particular importance is the dialectical approach, which facilitates a critical reflection on contemporary reality. It stimulates the search for new alternative paths of development and serves as a foundation for the elaboration of new concepts aimed at creating better conditions for human existence.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мицуров В.В. Общественно-политические взгляды группы Д. Благоева («Партии русских социал-демократов», 1883–1887 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград: Институт истории СССР, 1989. 16 с.
2. Лисовский Н.К. П.В. Точиский – один из организаторов первых марксистских кружков в России. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. 62 с.
3. Бэрон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма / пер. с англ. М.П. Дубянской, науч. ред. Т.И. Филимонова. СПб.: Изд-во «РНБ», 1998. 494 с. EDN: [YWOQJF](#).
4. Zhu Jidong. Lenin's Contribution to the Development of Marxist Ideology. To the 150th Anniversary of Lenin's Birth // Scientific journal "Discourse-P". 2020. Vol. 17. No. 4 (41). P. 86–97. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10406>. EDN: [JWHEYB](#).
5. Суходеев В.В. И.В. Сталин: истый марксист-ленинец. Москва, 2013. 196 с.
6. Вазюлин В.А. Логика «Капитала». К. Маркса М.: Изд-во Московского университета, 1968. 295 с.
7. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
8. Поломошнов А.Ф. Критика коммунизма и марксизма в российском гуманитарном дискурсе // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2019. № 2–2 (32). С. 75–83. EDN: [EGYIWK](#).
9. Гайдар Е.Т., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 4–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-5-4-27>. EDN: [PJFJHJ](#).
10. Кудров В.М. К современной научной оценке экономической теории Маркса – Энгельса – Ленина (десять пунктов для размышления) // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 111–130. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-12-111-130>. EDN: [PJEWHH](#).
11. Рыжков В. К критике марксизма // Экономическая наука в современной России. 2007. № 1 (36). С. 155–158. EDN: [IJTZAD](#).
12. Пашинцев Е.В. Классический марксизм и современная Россия // Свободная мысль. 2021. № 4 (1688) С. 47–60. EDN: [RVQQEN](#).
13. Давыдов Д.А. Марксизм в плену у интерсекциональности // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 125–136. <https://doi.org/10.31857/S013216250024629-4>. EDN: [TSHFSF](#).
14. Иншаков И.А. Соотношение научных и утопических элементов в политическом мышлении Карла Маркса // Политическая наука. 2023. № 3. С. 213–229. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.10>. EDN: [IBUIEQ](#).
15. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы). М.: Изд-во URSS, 2005. 55 с. EDN: [QQPTWB](#).
16. Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с. EDN: [XVUSHF](#).
17. Казеннов А.С. Марксизм в России: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 87 с.
18. Черныш М.Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах // Социологические исследования. 2018. № 5 (409). С. 15–25. <https://doi.org/10.7868/S0132162518050021>. EDN: [XQHYOT](#).
19. Асонов Н.В. Учение Маркса как руководство к действию // Власть. 2018. Т. 26. № 6. С. 187–191. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5911>. EDN: [VBFTJO](#).
20. Колганов А.И. Маркс – XXI: пределы и потенциал социальной философии. Критические ремарки // Вопросы философии 2018. № 6. С. 180–193. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060158>. EDN: [XQKKAХ](#).
21. Золотухина-Аболина Е.В., Золотухин В.Е. Марксизм XX века: современные интерпретации // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1 (93). С. 45–50. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-45-50>. EDN: [YWNUFR](#).
22. Евглевский В.В. Исторический фундамент марксистской теории // Наука. Искусство. Культура. 2022. Вып. 4 (36). С. 93–103. EDN: [FIGUXH](#).
23. Зюганов Г.А. К дню рождения Карла Маркса. 04.05.2018 // Костромское областное отделение Коммунистической партии Российской Федерации. [эл. доступ]. URL: <https://zakprf44.ru/news/k-dnyu-rozhdeniya-karla-marksa> (дата обращения: 10.01.2026).

24. Бородулин И.А., Жумаев А.Т., Телякаева А.Ф. Диалектика в современную эпоху: актуальность идей Гегеля и Маркса // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 5 (86). С. 700–715. EDN: [AEDXDI](#).
25. Сморгун Л.В. Либерализм и марксизм постсоветской эпохи // Вече. 2015. № 7. С. 66–97.
26. Сморгун Л.В. Идеиное содержание постсоветского марксизма // Вестник аналитики. 2004. № 3 (17). С. 124–137.
27. Поломошнов А.Ф. Реинкарнация марксизма. Пос. Персиановский: Донской государственный аграрный университет, 2019. 170 с. EDN: [HESEHB](#).
28. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Значение философии К. Маркса сегодня // Философия и общество. 2008. № 3 (51). С. 5–19. EDN: [JTLQDV](#).
29. Бузгалин А.В. Маркс – XXI: реактуализация философского наследия (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вестник московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 20–34. EDN: [YPLZRJ](#).
30. Дятел Е.П. Обоснование диалектики экономического развития в «Капитале» Карла Маркса // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 711–724. <https://doi.org/10.17059/2018-3-3>. EDN: [XYYBXN](#).
31. Миронов В.В. Маркс и Россия: сложности взаимного восприятия // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 119–130. <https://doi.org/10.31857/S004287440000233-1>. EDN: [YLETRR](#).
32. Устинов О.А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4 (28). С. 14–21. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-4-14-21>. EDN: [XEKYUT](#).
33. Шевченко В.Н. Советская модель социалистического общества: причины поражения // Альтернативы. [эл. доступ]. URL: <https://www.alternativy.ru/ru/content/sovetskaya-model-socialisticheskogo-obshchestva-prichiny-porazheniya> (дата обращения 10.07.2025).

REFERENCES

1. Mitsurov, V.V. Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady gruppy D. Blagoyeva («Partii russkikh sotsial-demokratov», 1883–1887 gg.) [Socio-Political Views of the D. Blagoev Group (“Party of Russian Social Democrats”, 1883–1887)]: Author's abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences. Leningrad: Institute of History of the USSR, 1989. 16 p. (In Russian).
2. Lisovskiy, N.K. P.V. P.V. Tochisskiy – odin iz organizatorov pervykh marksistskikh kruzhkov v Rossii [Tochissky – One of the Organizers of the First Marxist Circles in Russia]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1963. 62 p. (In Russian).
3. Baron, S.Kh. Plekhanov – osnovopolozhnik russkogo marksizma [G.V. Plekhanov: The Founder of Russian Marxism]. Saint Petersburg: Russian National Library Press, 1998. 494 p. (In Russian). EDN: [YWOQJF](#).
4. Zhu Jidong. Lenin's Contribution to the Development of Marxist Ideology. To the 150th Anniversary of Lenin's Birth. *Scientific journal “Discourse-P”*. 2020. Vol. 17. No. 4 (41). P. 86–97. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10406>. EDN: [JWHEYB](#).
5. Sukhodeev, V.V. I.V. Stalin: istyy marksist-leninets [I.V. Stalin: A True Marxist-Leninist]. Moscow, 2013. 196 p. (In Russian).
6. Vazyulin, V.A. Logika «Kapitala». K. Marksa [The Logic of Karl Marx's “Capital”]. Moscow: Moscow University Press, 1968. 295 p. (In Russian).
7. Pyenkov, E.V. Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii [Dialectical Logic: Essays on History and Theory]. Moscow: Politizdat, 1974. 271 p. (In Russian).
8. Polomoshnov, A.F. Criticism of Communism and Marxism in Russian Humanitarian Discourse. *Bulletin of Don State Agrarian University*. 2019. No. 2–2 (32). P. 75–83. (In Russian). C. EDN: [EGYIWK](#).
9. Gaidar, E.T., Mau, V. Marxism: Between the Scientific Theory and “Secular Religion” (Liberal Apologia). *Voprosy Ekonomiki*. 2004. No. 5. P. 4–27. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-5-4-27>. EDN: [PJFHIJ](#).
10. Kudrov, V.K. Modern Scientific Assessment of the Economic Theory of Marx – Engels – Lenin (Ten Items for Reflection). *Voprosy Ekonomiki*. 2004. No. 12. P. 111–130. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-12-111-130>. EDN: [PJEWHH](#).

11. Ryzhkov, V. K kritike marksizma [On the Criticism of Marxism]. *Economic Science of Contemporary Russia*. 2007. No. 1 (36). P. 155–158. (In Russian). EDN: [IJTZAD](#).
12. Pashintsev, E.V. Classical Marxism and Modern Russia. *Free Thought*. 2021. No. 4 (1688). P. 47–60. (In Russian). EDN: [RVQQEN](#).
13. Davydov, D.A. Marxism Captived to Intersectionality. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023. No. 2. P. 125–136. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250024629-4>. EDN: [TSHFSF](#).
14. Inshakov, I.A. Interrelation of Scientific and Utopian Elements in the Political Thinking of Karl Marx. *Political Science*. 2023. No. 3. P. 213–229. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.10>. EDN: [IBUIEQ](#).
15. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. Postsovetskiy marksizm v Rossii: otvety na vyzovy XXI veka (tezisy k formirovaniyu nauchnoy shkoly) [Post-Soviet Marxism in Russia: Responses to the Challenges of the 21st Century (Theses for the Formation of a Scientific School)]. Moscow: URSS Publishing House, 2005. 55 p. (In Russian). EDN: [QQPTWB](#).
16. Mezhuiev, V.M. Marks protiv marksizma. Stati na nepopulyarnuyu temu [Marx against Marxism: Articles on an Unpopular Topic]. Moscow: Cultural Revolution Press, 2007. 176 p. (In Russian). EDN: [XVUSHF](#).
17. Kazennov, A.S. Marksizm v Rossii: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye [Marxism in Russia: Past, Present, Future]. Saint Petersburg: Polytechnic University Press, 2017. 87 p. (In Russian).
18. Chernysh, M.F. Contemporary Marxism in the Global and Russian Context. *Sociological Studies*. 2018. No. 5 (409). P. 15–25. (In Russian). <https://doi.org/10.7868/S0132162518050021>. EDN: [XQHYOT](#).
19. Asonov, N.V. The Doctrine of Marx as a Guide for Action. *The Authority*. 2018. Vol. 26. No. 6. P. 187–191. (In Russian) <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5911>. EDN: [VBFTJO](#).
20. Kolganov, A.I. Marx – XXI: Limits and Potential of Social Philosophy. Critical Remarks. *Voprosy Filosofii*. 2018. No. 6. P. 180–193. (In Russian). <https://doi.org/10.7868/S0042874418060158>. EDN: [XQKKAX](#).
21. Zolotukhina-Abolina, E.V., Zolotukhin, V.E. Marxism of the 20th Century: Modern Interpretations. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2018. No. 1 (93). P. 45–50. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-45-50>. EDN: [YWNUFR](#).
22. Evglevskiy, V.V. The Historical Foundations of Marxist Theory. *Science. Art. Culture*. 2022. Iss. 4 (36). P. 93–103. (In Russian). EDN: [YWNUFR](#).
23. Zyuganov, G.A. K dnyu rozhdeniya Karla Marksa [On the Birthday of Karl Marx]. 04.05.2018. *Kostroma Regional Branch of the Communist Party of the Russian Federation*. Available at: <https://zakprf44.ru/news/k-dnyu-rozhdeniya-karla-marksa> (accessed: 10.01.2026). (In Russian).
24. Borodulin, I.A., Zhumaev, A.T., Telyakaeva, A.F. Dialectics in the Modern Era: The Relevance of the Ideas of Hegel and Marx. *Science Bulletin*. 2025. Vol. 2. No. 5 (86). P. 700–715. (In Russian). EDN: [AEDXDI](#).
25. Smorgunov, L.V. Liberalizm i marksizm postsovetskoy epokhi [Liberalism and Marxism in the Post-Soviet Era]. *Veche*. 2015. No. 7. P. 66–97. (In Russian).
26. Smorgunov, L.V. Ideynoye sodержaniye postsovetskogo marksizma [Ideological Content of Post-Soviet Marxism]. *Vestnik Analitiki*. 2004. No. 3 (17). P. 124–137. (In Russian).
27. Polomoshnov, A.F. Reinkarnatsiya marksizma [The Reincarnation of Marxism]. Township Persianovsky: Don State Agrarian University, 2019. 170 p. (In Russian). EDN: [HESEHB](#).
28. Lyubutin, K.N., Kondrashov, P.N. Znacheniyе filosofii K. Marksa segodnya [The Significance of Marx’s Philosophy Today]. *Philosophy and Society*. 2008. No. 3 (51). P. 5–19. (In Russian). EDN: [JTLQDV](#).
29. Buzgalin, A.V. Marx-XXI: Reactualisation of the Philosophical Heritage (to the 200th anniversary of the Birthday of Karl Marx). *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2018. No. 5. P. 20–34. (In Russian). EDN: [YPLZRJ](#).
30. Dyatel, E.P. Theoretical Foundation of Dialectics of Economic Development in Karl Marx’s Capital. *Economy of Region*. 2018. Vol. 14. Iss. 3. P. 711–724. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2018-3-3>. EDN: [XYBYXN](#).
31. Mironov, V.V. Marx and Russia: The Difficulties of Mutual Perception. *Voprosy Filosofii*. 2018. No. 7. P. 119–130. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440000233-1>. EDN: [YLETRR](#).

32. Ustinov, O.A. The Concept of Human in the Philosophy of Karl Marx: The Experience of Reconstruction. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 2016. No. 4 (28). P. 14–21. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-4-14-21>. EDN: XEKYYT.

33. Shevchenko, V.N. Sovetskaya model sotsialisticheskogo obshchestva: prichiny porazheniya [The Soviet Model of Socialist Society: Causes of Its Defeat]. *Alternatives*. Available at: <https://www.alternativy.ru/ru/content/sovetskaya-model-socialisticheskogo-obshchestva-prichiny-porazheniya> (accessed: 10.07.2025). (In Russian).

Information about authors / Сведения об авторах

Pogodin Sergey N. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academic Director, Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-0095-8986

Li Jingcheng – Corresponding Author, PhD., Assistant Professor, Director of the Centre for Russian and Central Asian Studies at the College of International Studies; Shenzhen University.

E-mail: jc.li@szu.edu.cn

ORCID: 0000-0003-1764-3873

The authors declare that there is no conflict of interest.

Погодин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-0095-8986

Ли Цзинчэн – корреспондирующий автор, кандидат политических наук, ассистент-профессор, директор Центра российских и центральноазиатских исследований Института международных исследований; Шэньчжэньский университет.

E-mail: jc.li@szu.edu.cn

ORCID: 0000-0003-1764-3873

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.12.2025.

Одобрена после рецензирования 26.02.2026.

Принята 07.03.2026.

Received 28.12.2025.

Approved after reviewing 26.02.2026.

Accepted 07.03.2026.

научная статья / research article

УДК: 93/94

EDN: [BEMPGG](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.5](#)

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](#)

Публичная наука и антирелигиозная пропаганда в раннесоветский период

Сидорчук Илья Викторович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 sidorchuk_iv@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Публичная наука (public science) и традиции обращения к ней начали формироваться в России еще в дореволюционный период. В условиях раннесоветского общества она стала использоваться для решения тех задач культстроительства, которые новая власть полагала наиболее неотложными и принципиальными для построения социалистического общества. В том числе речь шла и об антирелигиозной пропаганде, успех которой большинством ответственных за ее организацию и проведение виделся возможным только при условии распространения научных знаний.

Методы и материалы. При подготовке статьи использовался ряд специально-исторических методов, в частности, сравнительно-исторический, историко-типологический и историко-генетический. Обращено внимание на работы в области социальной истории науки и антропологии техники. В качестве основных материалов исследования привлекались опубликованные и архивные источники, связанные с организацией антирелигиозной работы (периодические издания, программы работы атеистических кружков и антирелигиозных университетов, отчеты о проведении праздников, инструкции и материалы обследования раннесоветских пространств публичной науки таких как: клубы, красные уголки, дома культуры и пр.)

Результаты. Продемонстрировано, что организаторы антирелигиозной пропаганды активно обращались к практикам публичной науки, органично интегрируя их в различные формы культработы. В частности, речь идет о лекциях, беседах и вечерах, устройства экскурсий, праздников. Научно-популярными материалами была наполнена атеистическая периодика, а издания, концентрировавшие внимание на технической пропаганде и различных аспектах строительства нового быта, в свою очередь, обращались к антирелигиозной повестке.

Заключение. При всей дискуссионности вопроса о степени успеха большевистской борьбы с религией, представляется позволительным утверждать, что она способствовала росту скептического отношения к церкви и ее девальвации в глазах определенной части населения. Свою роль в этом сыграла и политико-просветительская деятельность, осуществлявшаяся через практики публичной науки, что помогало сделать ее более эффективной. Она способствовала формированию образа церкви как пережитка «темного прошлого», в котором властвовали суеверия и невежество. Кроме этого, при всех справедливых претензиях к методам проведения антирелигиозной агитации, благодаря публичной науке как ее

составляющей в обществе продвигались базовые знания о точных и естественных науках, технооптимизм, а также распространялись ценные сведения, касающиеся гигиены и охраны здоровья.

Ключевые слова: публичная наука; антирелигиозная пропаганда; советское общество; история досуга; история науки

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/> и гранта Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 25-28-20042.

Для цитирования: Сидорчук И.В. Публичная наука и антирелигиозная пропаганда в раннесоветский период // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 75–88. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.5>. EDN: BEMPGG.

© Сидорчук И.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Public Science and Anti-Religious Propaganda in the Early Soviet Period

Ilia V. Sidorchuk

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 sidorchuk_iv@spbstu.ru

Abstract

Introduction. Public science and the traditions of addressing it began to take shape in Russia back in the pre-revolutionary period. In the early Soviet society, it began to be used to solve those tasks that the new government considered the most urgent and fundamental for building a socialist society. This included anti-religious propaganda, the success of which was seen by most of those responsible for its organization and conduct only if scientific knowledge was disseminated.

Methods and materials. During the preparation of the article, a number of special historical methods were used, in particular, comparative historical, historical-typological and historical-genetic. In addition, attention was drawn to works in the field of the social history of science and the anthropology of technology, for example, one of the founders of actor-network theory, J. Lo, who introduced the concept of “heterogeneous engineering” for a comprehensive understanding of technological systems. The main research materials used were published and archival sources related to the organization of anti-religious work. We are talking about periodicals, work programs of atheist circles and anti-religious universities, reports on holidays, instructions and survey materials for such early Soviet spaces of public science as clubs, red corners, cultural centers, etc.

Results. It is demonstrated that the organizers of anti-religious propaganda actively turned to the practices of public science, organically integrating them into various forms of cultural work. In particular, we are talking about lectures, talks and evenings, organization of excursions, holidays. Atheistic periodicals were filled with popular scientific materials, and publications that focused on technical propaganda and various aspects of building a new way of life, in turn, addressed the anti-religious agenda.

Conclusion. Despite the debatable question of the degree of success of the Bolshevik struggle against religion, it seems permissible to assert that it contributed to the growth of skepticism towards the church and its devaluation in the eyes of a certain part of the population. Political and educational activities carried out through the practices of public science also played a role in this, which helped to make it more effective. She helped shape the image of the church as a relic of a "dark past" dominated by superstition and ignorance. In addition, despite all the fair claims to the methods of conducting anti-religious agitation, thanks to public science as its component, basic knowledge about exact and natural sciences, techno-optimism, and valuable information related to hygiene and health protection were promoted in society.

Keywords: public science; anti-religious propaganda; Soviet society; history of leisure; history of science

Funding: The study was implemented with the financial support of the RSF, project No. 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/>, and a grant from the St. Petersburg Science Foundation No. 25-28-20042.

For citation: Sidorchuk, I.V. Public Science and Anti-Religious Propaganda in the Early Soviet Period. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 75–88. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.5>. EDN: BEMPGG.

© Sidorchuk, I.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Традиции популяризации научных знаний и практики освоения учеными публичной науки (*public science*) во многом перекочевали в советское время из дореволюционной эпохи. Большевицкая власть дала новый и своеобразный импульс подобным начинаниям, которые теперь носили зачастую принудительный, а не инициативный характер [1, с. 325, 331; 2, с. 424–425; 3, с. 162]. Отказ от идей «чистой науки» и намеренная (и часто искусственная) привязка задач к провозглашенному лозунгу «Науку и культуру – в массы!» помогали ученым добиваться лояльности и поддержки со стороны властей. Успех той или иной инициативы, как в технических, так и гуманитарных науках, на первых порах зависел не столько от их идеологической близости идеалам новой власти, сколько от конкретной прикладной пользы от их реализации, практического характера, нацеленности на решение актуальных задач «государственного строительства» [4, с. 415].

Публичность как спасала ученого в новых условиях, так и могла принести награду в виде славы и репутации. Подобно Л. Пастеру, успешно создавшему себе образ спасителя Франции через завоевание интересов различных групп и убеждение их в принципиальной актуальности своих открытий [5, с. 10], советские ученые легитимизировали свою ценность не только через одобрение власти, но и масс.

Пропаганда науки и техники являлась одной из неотъемлемых составляющих массово-просветительной работы, на которую мобилизовали профессиональное ученое сообщество. Это привело к появлению сложной, но функционирующей конструкции из различных центров, занимавшихся ее организацией. Именно на них ложилась задача ее институционализации – выработки форм, видов и механизмов ритуализации практик получения знаний, порядка и степени прескриптивности их проведения.

В историографии подчеркивается, что одной из принципиальных для новой власти функций распространения научно-популярных знаний было «замещение религиозного мировоззрения упрощенной версией научного, материалистического мировоззрения» [3, с. 163]. В частности, в литературе, посвященной различным аспектам данного вопроса, эта мысль подробно раскрыта на примере школьного образования [6; 7, с. 145–247], а также деятельности различных организаций, занимавшихся антирелигиозной пропагандой, в частности кружков, школ и курсов [8; 9]. Отдельного внимания вопрос связи антирелигиозной пропаганды и раннесоветской публичной науки затронут в монографии Дж. Эндрюса, где особое внимание обращено на взаимосвязь популяризации науки в СССР с дореволюционными практиками, особенно в области естественно-научных знаний, а также борьбу между сторонниками различных форм антирелигиозной работы в 1920–1930-е гг. [10, p. 106–117].

В предлагаемом исследовании приводится попытка взглянуть на осуществлявшуюся кампанию по борьбе с религией и церковью в контексте распространения научно-популярных знаний в массах. С этой целью продемонстрированы пути ее реализации через комплекс практик публичной науки, значение антирелигиозной составляющей в культурно-просветительской работе, механизмы и приемы, использовавшиеся для противопоставления научного знания религиозному.

Материалы и методы

В рамках работы над проблемой использовался ряд специально-исторических методов. В частности, сравнительно-исторический метод позволил изучить вопрос развития публичной науки и антирелигиозной пропаганды в контексте советской культурной революции. Историко-типологический метод использовался для классификации практик культурно-просветительской работы в раннесоветский период. Историко-генетический метод позволил проследить процесс развития изучаемого явления. При рассмотрении специфики распространения технических и естественно-научных знаний для формирования материалистического мировоззрения целесообразным стало внимание к достижениям социальной истории науки и антропологии техники. Например, речь идет о выводах одного из создателей акторно-сетевой теории Дж. Ло, который ввел понятие «гетерогенная инженерия» для комплексного понимания технологических систем. Она предполагает «ассоциирование и канализацию разнородных сущностей и сил, как человеческих, так и нечеловеческих», что дает возможность изучать как в существовании системы участвуют различные факторы, включая социальные и технические [11].

Спектр опубликованных источников, использованных при подготовке статьи, представлен текстами партийных лидеров и активистов борьбы с религией, периодической печатью, включая как антирелигиозные журналы («Атеист», «Безбожник», «Безбожник у станка» и пр.), так и целый ряд научно-популярных изданий, где печатались материалы, связанные с рассматриваемым вопросом. Архивные источники, использованные в работе, в основном содержат данные, которые в той или иной степени связаны с работой пространств публичной науки, организацией культурно-просветительской работы и антирелигиозной пропаганды как ее неотъемлемой части. Например, речь идет об отчетах по культработе, отложившихся в фондах профсоюзных организаций, отчетах различных клубов и кружков, сведениях о деятельности образовательных учреждений.

Результаты

Среди организаторов и активистов существовало два основных подхода к антирелигиозной борьбе. Первый предполагал более агрессивную и грубую агитацию, высмеивание, подчас оскорбление верующих и церкви. Этим, в частности, известен журнал «Безбожник у станка», выходивший под редакцией М. М. Костеловской. Она исходила из того, что привлечение науки к антирелигиозной борьбе – это «буржуазный» подход, и он может быть опасен, так как позволит вере человека адаптироваться к знанию о научных открытиях [10, p. 110]. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода, может быть за исключением 1929/30 г., победа в

спорах преимущественно оказывалась в руках сторонников распространения научной информации как одного из ведущих элементов антирелигиозной политики.

В частности, этого взгляда придерживались Е. М. Ярославский и Н. И. Бухарин. Последний указывал на необходимость помнить, что «есть разница между антирелигиозной пропагандой и хулиганством»¹. Практика работы на местах также вела скорее к более вдумчивому подходу. Например, в инструктивном письме от 29 декабря 1924 г., адресованном всем волостным и городским отделам народного образования Троцкого (Гатчинского) уезда Ленинградской губернии, об участии школы в проводимой комсомолом и партией антирелигиозной пропаганде указывалось: «Выявление безбожия проводится посредством антипоповских вечеров, частушек, инсценировок, носит бесшабашный уклон, с целью “разыграть” попов, богов, чертей и т. п. С таким методом антирелигиозной пропаганды необходимо решительно бороться, так как проводя так антирелигиозную пропаганду, мы, с одной стороны, не углубим и не обоснуем научно безверие школьника, не докажем пытливому уму ребенка чушь религиозных утверждений, разбивая их научными знаниями; [с другой стороны,] озлобим против себя родителей учащихся (раньше всего крестьян), оттолкнем от себя колеблющийся слой ребят, идущий к нам, но находящийся под влиянием семьи. Итак, антирелигиозная пропаганда в школе должна носить популярно-научный характер, без показного шума, без оскорбления чувств верующих бесшабашным антипоповством»².

Такие установки вели к повсеместному проникновению практик публичной науки в различные формы культурной работы, связанные с антирелигиозной пропагандой. Одной из самых простых и распространенных были лекции и беседы, устраивавшиеся в рабочих клубах, домах культуры, красных уголках, домах отдыха и иных пространствах, предназначенных для культурного досуга³. Их тематика корректировалась под проводившиеся празднества и кампании, поэтому максимального числа лекции на антирелигиозные темы достигали в период Рождества и Пасхи⁴. Речь шла не только о развенчании классовой сущности религии или роли церкви в противостоянии рабочему движению, но и о знаниях в области естественных и точных наук. Организаторам культурной работы говорилось, что «нужны темы из области естествознания и исторического материализма для пропаганды положительных

¹ Учительство и комсомол: доклад на Всесоюзном съезде учителей. [М.], 1925. С. 15.

² Инструктивное письмо об участии школы в антирелигиозной пропаганде, проводимой комсомолом и партией (всем волостным и городским отделам Троцкого уезда) от 29 декабря 1924 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 695. Л. 6.

³ В отдел пропаганды и агитации Обкома ВКП(б). Докладная записка // Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 3. Д. 300. Л. 18; Отчет клуба «Володарский металлист» завода им. Ленина, 1933 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-598К. Оп. 1-2. Д. 4181. Л. 15; Альбом учета проведенных вечеров, лекций, докладов и концертов, 1937 г. Дома коммунистического воспитания молодежи Октябрьского района // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 62. Л. 9; Культурная работа с 1 мая по 31 сентября 1930 г. (по первичной организации ВКП(б) советских учреждений г. Петергофа // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 2. Л. 63–63 об.

⁴ Протокол № 2 заседания Губ. Клубной Комиссии РЛКСМ от 19 марта 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 1; Дохман-Гармиза Г. К вопросу об антирелигиозной пропаганде в клубе // Коммунистическое просвещение. 1922. № 4–5. С. 71.

знаний, и воспитания материалистического мировоззрения. Например: “Происхождение земли и вселенной”, “История земли”, “Происхождение животных и человека”⁵. Причем в источниках регулярно встречается упоминание о том, что такая информация была интересна рабочим слушателям: «Несомненно близки рабочему естественнонаучные темы, прежде всего, его интересуют вопросы мироздания, происхождение жизни и человека. По этим темам антирелигиозник должен быть основательно подкован. Даже при проведении бесед на другие темы задаются вопросы на эти темы»⁶.

Соответствующие требования предъявлялись к антирелигиозному активу, пропагандистам, «толкачам» антирелигиозной повестки в массы. От них требовалось умение дать «разъяснение происхождения и сущности природных явлений в свете законов физики, химии и биологии». А для повышения эффективности в работе мог применяться иллюстративный метод. Например, в кружке безбожников вневойсковиков при Курганском Окрвоенкомате при проработке темы «Развитие жизни на земле» сначала были рассмотрены коллекции «Граниты, их роль в природе и значение для техники» и «Разрушение гранита и образование слоистых горных пород, зуб мамонта и др.», а знакомство с различными типами современных животных производилось на спиртовых препаратах⁷.

Получившие распространение «комсомольские» и «красные» празднования Пасхи и Рождества, в первую очередь, включали в себя различные представления и инсценировки⁸. Это позволяло добиться привлечения внимания, победить в конкуренции за посетителя церковь, куда шли в том числе и ради красивого праздничного зрелища. Однако зачастую такие мероприятия включали в себя и практики публичной науки. Например, в пасхальную ночь 1929 г. во Дворце им. Загорского в Москве, помимо музыки и спектакля, было выступление с лекцией на антирелигиозную тематику профессора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада В. В. Дермана, встреченное, если верить журнальной заметке, с колоссальным интересом⁹. Согласно плану проведения кампании «комсомольской пасхи» в 1923 г., разосланному всем губкомам, в рамках кампании требовалось показывать несовместимость религии с наукой, в том числе и через рассказ о преследовании со стороны духовенства таких ученых как Галилей, Бруно и Дарвин¹⁰. Инсценировки про расправу инквизиции над учеными, при всей их упрощенности и предвзятости¹¹, все же не могли не включать в себя информацию о

⁵ Крылов С. На борьбу с сектантством // Клуб и революция. 1929. № 5. С. 38.

⁶ Пуреховский Б. Антирелигиозная пропаганда на заводе // Просвещение на Урале. 1930. № 5. С. 83.

⁷ Русинова. Подготовим антирелигиозный актив (Из практики шефства над Красной Армией) // Просвещение на Урале. 1930. № 5. С. 85.

⁸ Протокол № 2 заседания Губ. Клубной Комиссии РЛКСМ от 19 марта 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 1; Рождество в клубах // Рабочий зритель. 1925. № 1. С. 17; Габэ Я. Припадок Папы Римского // Малые формы клубного зрелища. 1930. № 15. С. 28–35.

⁹ А. Д. В пасхальную ночь // Культурный фронт. 1929. № 9. С. 30.

¹⁰ Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 178–179.

¹¹ Захаров и Ефимов. «Рождество» на «Треугольнике» // Листок рабкора. 1923. № 4. 22 декабря. С. 2.

самих ученых и их открытиях, поэтому представляется вполне возможным отнести их к примерам публичной науки.

Темы происхождения мира и земли, видов и жизни на планете входили в программы антирелигиозных кружков [8, с. 18]¹². Е. М. Ярославский в предисловии к подготовленному для них в 1928 г. учебнику писал: «...мы не думаем, что можно заменить одним классовым чутьем необходимость известного количества элементарных знаний по вопросам, интересующим массы верующих»¹³. Как следствие, в книге содержались материалы, дающие общую картину вселенной, информацию о жизни звезд, геологической истории земли, сведения об обнаружении останков первобытных людей¹⁴. Активно использовавшиеся в культработе экскурсии также были направлены в том числе и на антирелигиозную пропаганду. Например, темой экскурсии в Коломенское была «Царь у себя в поместье и роль церкви в управлении государством»¹⁵, а в отдел Древнего Египта Эрмитажа – «Умирающие и воскрешающие боги»¹⁶.

В конце 1920-х гг. появилась такая новая форма учебных заведений, как рабочие антирелигиозные университеты. Их цель состояла в подготовке достаточного числа кадров для усиления борьбы с религиозными пережитками и пропагандистской работы на местах [12, с. 77]. Обращение к их программам показывает, что они включали в себя курс физики, математики, химии, биологии, мироведения с вниманием к таким вопросам, как строение вселенной (включая посещение планетария), образование земной коры и атмосферы¹⁷. В объяснительной записке к смете Ленинградского антирелигиозного рабочего университета на 1930/31 уч. год для обеспечения наглядными пособиями рекомендовалось посещение различных музеев города – Горного, Зоологического, Живой природы (зоопарка), Эрмитажа и др.¹⁸ Университеты также могли издавать научно-популярные книги, например посвященные истории Земли¹⁹.

Обращение к антирелигиозной периодике эпохи показывает, что она неизменно включала в себя актуальные новости развития науки и техники. Это объясняется в том числе и тем, что в росте технической грамотности власть видела один из залогов распространения материалистического мировоззрения. Как заметил в 1926 г. С. М. Киров, «...нам надо будет отучить мужика молиться Николаю чудотворцу и пахать сохой времен святого Владимира. Нам надо сделать так, чтобы он действительно, не на словах, а на деле, приобщился к электрификации и прочим таким

¹² Рабочий антирелигиозный университет им. И. И. Степанова-Скворцова. Отчет за 1930–31 уч. год. Л., 1931. С. 1.

¹³ Учебник для рабочих антирелигиозных кружков / Под ред. А. Лукачевского. М., 1928.

¹⁴ Там же. С. 6, 20–58.

¹⁵ Куда устраивать экскурсии // Культурный фронт. 1929. № 13. С. 23.

¹⁶ Черепнина Т. Н. Как и куда организовать экскурсии. Л., 1928. С. 58, 79, 96, 102–103.

¹⁷ Рабочий антирелигиозный университет им. И. И. Степанова-Скворцова. отчет за 1930–31 уч. год. Л., 1931. С. 19; Антирелигиозный рабочий университет. Сборник программ. М., 1932. С. 82–88; Рабочий антирелигиозный университет. Сборник программ и материалов на 1930–31 учебный год. М., 1930.

¹⁸ Объяснительная записка к смете Ленинградского Антирелигиозного Рабочего Университета на 1930/31 учебный год // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 153. Д. 185. Л. 53 об.

¹⁹ Розанов А. Н. Земля и ее история. М., 1929.

вещам, которые пока еще фигурируют у нас везде только в виде диковинок, а нам надо их действительно внедрить в наше сельское хозяйство самым органическим способом»²⁰. Соответственно проекты, направленные на индустриальное развитие страны, в частности электрификация, понимались и как путь борьбы с суевериями²¹. Большие надежды связывались с радиофикацией. Так, Л. Троцкий заявлял, что если в Америке радио используется для религиозной пропаганды и распространения суеверий, то в СССР оно должно способствовать продвижению культуры²².

Разумеется, в специализированных антирелигиозных изданиях вся информация подавалась для доказательства абсурдности религиозного взгляда на природные явления или зарождение жизни. Например, цель рассказа об острове Пасхи заключалась в демонстрации того, что его каменные гиганты «являются памятником рождения религии из чувства страха и живым доказательством бесплодности религии»²³. Тем не менее, из этого текста читатель мог узнать об истории открытия острова и об одном из самых загадочных памятников человеческой цивилизации. То же можно сказать и о значительном числе других публикаций. Кроме этого, в атеистической периодике выходили работы известных ученых, которые можно использовать в антирелигиозной пропаганде, но при этом сложно отрицать их значение для развития человеческой мысли. Например, в журнале «Атеист» была напечатана «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера²⁴ и «Будущее одной иллюзии» З. Фрейда²⁵.

Представляется, что областью, где связь антирелигиозной пропаганды и публичной науки могла иметь наиболее позитивные для общества последствия, была медицина, представления о которой среди значительной массы населения находились на примитивном уровне. Распространение знаний о гигиене становилось частью борьбы за новый быт и одновременно светское мышление, так как ряд принятых религиозных практик и ритуалов объективно требовал переосмысления. Например, речь могла идти об опасности передачи различных заболеваний через поцелуй иконы, руки священника и пр. Особенно часто в этой связи упоминался сифилис²⁶, распространение которого действительно приобрело в раннесоветский период угрожающие масштабы. Так, мог приводиться рассказ о пастухе, который заразился из-за целования креста после больной женщины, а предшествовали этой грустной истории такие слова: «Все вы слышали про болезнь – сифилис! Сифилисом можно заболеть через посуду, через поцелуи... Вот и расскажу вам один случай из жизни»²⁷.

В научно-популярных работах, подготовленных врачами, утверждалось, что из-за игнорирования санитарных мер всякая религия способствует распространению

²⁰ Киров С. М. Мы вышли на широкую дорогу социалистического строительства // Киров С. М. Избранные статьи и речи. Л., 1939. С. 239.

²¹ Л. Ан. Электрификация страны – решительный удар по религиозному мракобесию // Безбожник. 1931. № 1. С. 8.

²² Тов. Троцкий у радиолюбителей // Ленинградская правда. 1926. № 50. 2 марта. С. 2.

²³ Рожицын В. Тайна острова Пасхи // Безбожник. 1926. № 8. С. 4–6.

²⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Атеист. 1928. № 30. С. 43–72.

²⁵ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Атеист. 1928. № 32. С. 58–96.

²⁶ Напр.: Глязер С., Копицкий Н. Досуг безбожника. М., 1930. С. 47.

²⁷ Петелин Г. Зараза // Безбожник. 1926. № 2. С. 1–3. С. 2.

болезни: «"Прикладывание" ко кресту, к плащанице, к иконам, лобызание "благочестивых", но отнюдь не чистых, батюшкиных рук – все это может служить и служит источником прямой передачи заразных болезней». Кроме этого, сообщалось об опасности скопления народа во время богослужений и пасхального «христосования» в период эпидемий. Отмечалось, что не только способствуют появлению, но и мешают лечению болезней практики, когда из-за суеверий не прибегают к помощи официальной медицины, заменяя ее верой в сглаз, заговоренные вещи и пр.²⁸ К этому добавлялось упоминание религиозного помешательства, могущего наступить во время постов из-за ограничений в еде²⁹. При этом материалы, посвященные правильному здоровому питанию, могли и не содержать критику религиозных традиций, но четко транслировали мысль о возможном вреде жестких ограничений в еде для здоровья³⁰.

Как и в случае с физикой и естествознанием, всячески приветствовалась наглядность. Например, для доказательства того, что «святая вода», вопреки распространенной вере, все-таки портится, в микроскоп рассматривались микробы в ней³¹. При этом декларировалось, что характер подобных мероприятий должен быть естественно-научным и глубоко-пропагандистским³².

Прекрасный повод для антирелигиозного просвещения давали традиции потребления алкоголя в церковные праздники. Пропаганда активно эксплуатировала мысль о неразрывной связи веры и пьянства. Один из главных борцов с алкоголизмом, В. М. Бехтерев, в работе «Алкоголизм и борьба с ним» отстаивал тезис о том, что церковные праздники являются причиной пьянства³³. Похожие соображения высказывались в большинстве научно-популярных изданий про алкоголизм – церковь обвинялась в его распространении, оправдании потребления спиртного, а также поддержке спаивания народа в дореволюционный период. Таким образом, успешная антиалкогольная борьба виделась ее активистам возможной только при условии осуществления параллельно с антирелигиозной³⁴.

В раннесоветских условиях проводилась попытка смещения религии в область девиации, а исполнения церковных обрядов и празднеств, равно как и посещение церкви или молитвы, в область девиантного досуга. При этом церковь как институт объявлялась символом не только тяжелого и трагичного наследия прошлого, ответственным за спаивание и угнетение трудящихся масс, но и интеллектуальной убогости. Борьбой с невежеством могло аргументироваться и закрытие церквей, их переделка под клубы: «Рабочие требуют закрытия гнезда темноты и невежества. На Покровке и до настоящих дней процветают пьянство, торговля водкой, проституция, разврат и хулиганство. Только рабочий клуб оздоровит этот район. Это еще раз

²⁸ Сегал А., д-р. Религия и болезни // За новый быт. 1929. № 9-10. С. 18–19. С. 18.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ Гинцберг Д. Как питаться (продолжение) // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1928. № 7. С. 7.

³¹ Горский Б. В Нижне-Тагильской Совпартшколе // Рабочий журнал. 1924. № 2. С. 20.

³² Протокол № 2 заседания Губ. Клубной Комиссии РЛКСМ от 19 марта 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 1.

³³ Бехтерев В. М. Алкоголизм и борьба с ним. Л., 1927. С. 31.

³⁴ Евгениев Б., д-р мед. «Зеленый змий». Пьянство и алкоголизм. Пг., 1923. С. 8–9.

заверяет нас в том, что основное ядро рабочих нашего завода порвало всякую связь с религией»³⁵. Поэт С. Городецкий на страницах «Рабочей газеты» в 1923 г. предлагал такую частушку: «Звонит даром колокольня, / Церковь целый день пуста, / Намолились мы довольно, / Пора книжки почитать»³⁶. Весьма показателен и лозунг «Не в церковь, а в музеи и театры»³⁷, дававший четкое представление о том, где стоит искать культурный и развивающий отдых.

В рамках работы по дискредитации церкви власть стремилась трансформировать и образ верующего, низводя религиозного человека в разряд аутсайдера, добровольного изгоя в новом обществе, где ориентируются на разум и достижения научного прогресса, а не веру. Соответствующим конструировался и образ священника (как православного, так и нет). Он должен был являться ограниченным и необразованным мракобесом и ретроградом. Например, в постановочных агит-судах ему могла отводиться роль не только противника коллективизации, но и техники в целом, полагавшим, в частности, что «воздушный флот – выдумка дьявола»³⁸.

Выводы

Вопрос о степени набожности советского населения, равно как и успехах антиклерикальной политики власти, является весьма дискуссионным. Отход от религиозности, как насильственный, так и вполне естественный в рамках начавшейся еще до 1917 г. секуляризации сознания, действительно имел место быть [13, с. 47–48; 14, с. 136]. Одновременно в период 1920-х гг. религия постепенно уходила из публичной сферы в частную [15, с. 138–139], а исполнение религиозных обрядов могло являться не столько проявлением религиозности, сколько следствием сохранения бытовых традиций [13, с. 50]. Сообщения об успехах борьбы с «религиозным дурманом» сочетались с информацией о все еще сохранявшейся популярности церковных праздников [16, с. 184; 17]³⁹.

В первой половине 1920-х гг. издания были полны рекламы товаров к ним – салютов, куличей и т. п.⁴⁰ По сообщению председателя культкомиссии одного из предприятий, в Калуге в 1929 г. много молодых рабочих пело в церковном хоре, а «в пасхальные праздники большинство рабочих отказалось работать»⁴¹. Из Иркутска в 1931 г. поступали тревожные сигналы о том, что «если не будут приняты сейчас же энергичные меры, то прогулы в дни “пасхи” могут возрасти»⁴². В ряде регионов миряне активно сопротивлялись изъятию церковных ценностей [18]. Были случаи, когда люди отказывались принимать участие в антирелигиозной пропаганде, например, в 1929 г. в Колпино оркестр не стал выступать на антирелигиозном вечере⁴³. Иконы с горящими лампадами стояли не только дома, но и на работе⁴⁴.

³⁵ А. И. Быть на чеку // Стапель. 1929. № 28 (40). 24 декабря. С. 2.

³⁶ Городецкий С. Накануне рождества // Рабочая газета. 1923. № 4. 6 января. С. 1.

³⁷ Культура и трезвость. 1929. № 8. С. 9.

³⁸ Николаев А. Авио-агитсуд. М., 1925.

³⁹ Ижорский. У Николы Колпинского // Ленинградский металлист. 1929. № 13-14. С. 22.

⁴⁰ См., напр.: Зрелища. 1923. № 30.

⁴¹ Бернардов С. Культурная работа в Калуге // Культурный фронт. 1929. № 18. С. 44.

⁴² Кумовство и пьянство // Восточно-Сибирская правда. 1931. № 81. 10 апреля. С. 4.

⁴³ Гаппоев. Случай с Колпином – грозное предостережение // Ленинградский металлист. 1929. № 27. С. 22.

В период первой пятилетки, характеризующийся массовым притоком сельского населения в города, процент верующих мог даже расти: именно вчерашние крестьяне, в подавляющем большинстве верующие люди, составляли основную часть прихожан [19, с. 150]. Снижение антирелигиозного прессинга относится ко второй половине 1930-х гг., когда «маркирование всего, связанного с верой, как социальной аномалии, стало ослабевать» [15, с. 141].

Определенным ориентиром, способным помочь дать ответ на вопрос об успехе антирелигиозной работы власти, обычно считают результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г. Они показали, что более 55 миллионов человек в СССР причисляли себя к верующим, из которых более 41 миллиона – к православным [20, с. 99]. Если сравнивать эти показатели с дореволюционными, то успех секуляризации общества очевиден, особенно учитывая более низкий уровень религиозности среди молодежи [20, с. 102]. С другой стороны, эти цифры можно интерпретировать и как провал антирелигиозной кампании – огромное число граждан, несмотря на усилия власти, сохраняло преданность вере, а также не боялось об этом открыто заявлять. В любом случае, можно говорить о том, что религия, церковные праздники, обряды и традиции не исчезли из быта советского населения, независимо от отношения, которое каждый испытывал к ним.

Антирелигиозная пропаганда 1920–1930-х гг., проходившая параллельно с жестокой репрессивной политикой в отношении церкви, безусловно не могла не сыграть свою роль в деклерикализации общества. При этом практики публичной науки, которые активно и подчас весьма творчески использовали активисты антирелигиозной борьбы, могли выполнять конструктивную роль. Так, они способствовали расширению знаний о точных и естественных науках, распространению светского мировоззрения, базовых представлений в области гигиены и охраны здоровья, пониманию ценности научного познания, и, наконец отказу от неуместных в условиях быстрого технологического развития суеверий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 471 с. EDN: [CZBBMA](#).
2. Российские университеты XVIII–XXI веков: Разрывы и преемственность / под ред. М. В. Грибовского. Томск: Томского государственного университета, 2025. 456 с. EDN: [QSMUIO](#).
3. Абрамов Р.Н. Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // Время, вперед! Культурная политика в СССР / Под ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 161–177. EDN: [WXWNHH](#).
4. Долгова Е.А. «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. С. 405–416. EDN: [YSEIDW](#).
5. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.
6. Синельников С.П. «Орудие царско-помещичьего и буржуазного гнёта»: основы антирелигиозного образования в советской школе в 1927–1929 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 3. С. 110–120. EDN: [MTIBTF](#).

⁴⁴ Безбожница. А германским рабочим собираете? // Листок рабкора. 1923. № 1. 24 ноября. С. 3.

7. Шмаков А.А., Абидулин А.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-х годах. Основные формы и методы // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 243–253. <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2024-3-243-253>. EDN: OHQPBR.
8. Фолиева Т.А. Антирелигиозные кружки как начальная ступень системы образования союза безбожников // Религиоведческие исследования. 2022. № 1 (25). С. 10–24. <https://doi.org/10.23761/rrs2022-25.10-24>. EDN: HIMWLH.
9. Злобин А.Н. Эволюция культов советских вождей в Центрально-Черноземной области в 1928–1934 гг. // Вопросы истории. 2021. № 9. Ч. 2. С. 82–94. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi37>. EDN: YXCEDZ.
10. Andrews J.T. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station: Texas A&M University Press, 2003. XII, 234 p.
11. Ло Дж. Технология и гетерогенная инженерия: случай португальской экспансии // Логос. 2018. Т. 28. № 5 (126). С. 169–202. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-169-199>. EDN: YLMZPJ.
12. Метель О.В. Изучение религиозной проблематики в стенах Коммунистической академии: от кабинета религиозной идеологии к антирелигиозной секции // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 69. С. 71–86. <https://doi.org/10.15382/sturI201769.71-86>. EDN: YHCMWH.
13. Булавин М.В. Религиозность и секуляризация в среде рабочего класса Среднего Урала в период 1920–1930-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 10. Вып. 10. С. 47–51. EDN: OJWOZF.
14. Шнайдер В.Г., Койчув А.Д. Лютеранская община Армавира в 1880–1930 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2019. № 4 (249). С. 132–138. EDN: JXLJYN.
15. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с. EDN: RYEBBF.
16. Храмов С.В. Становление и развитие протестантских общин города Саранска в советский период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. II. С. 183–190. EDN: TKSWDR.
17. Фолиева Т.А. Деконверсия в воспоминаниях обычных советских женщин // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2019. № 1. С. 61–70. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.05>. EDN: ZAYNGX.
18. Яковлева А.П. Роль мирян в борьбе за церковь в 1920–1930-е гг. (на примере русского Севера) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2019. № 29. С. 90–97. EDN: WSNWWU.
19. Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с. EDN: YDDDYX.
20. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

REFERENCE

1. Dolgova, E.A. Rozhdeniye sovetskoy nauki: uchenyye v 1920–1930-ye gg. [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s and 1930s]. Moscow: RGGU Publishing House, 2020. 471 p. (In Russian). EDN: CZBBMA.
2. Rossiyskiye universitety XVIII–XXI vekov: Razryvy i preymstvennost [Russian Universities of the XVIII–XXI Centuries: Gaps and Continuity]. Edited by M. V. Gribovsky. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2025. 456 p. (In Russian). EDN: QSMUIO.
3. Abramov, R.N. Populyarizatsiya nauki v SSSR kak element kulturnoy politiki [Popularization of Science in the USSR as an Element of Cultural Policy]. *Time, forward! Cultural policy in the USSR*. Edited by I.V. Glushchenko, V.A. Kurenyy. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. P. 161–177. (In Russian). EDN: WXWNHH.
4. Dolgova, E.A. “Project-Based Science”: Scientists and State Management of Science in the Post-Revolutionary Years. *The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social*

Transformations. A collection of scientific papers. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2017. P. 405–416. (In Russian). EDN: [YSEIDW](#).

5. Latour, B. Daye mne laboratoriyu, i ya perevernu mir [Give Me a Laboratory, and I will Turn the World Upside Down]. *Logos*. 2002. No. 5–6 (35). P. 1–32. (In Russian).

6. Sinelnikov, S.P. “The Instrument of Tsarist Landowner and Bourgeois Oppression”: The Foundations of Anti-Religious Education in Soviet Schools in 1927–1929. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*. 2010. No. 3. P. 110–120. (In Russian). EDN: [MTIBTF](#).

7. Shmakov, A.A., Abidulin, A.M. Anti-Religious Propaganda in the USSR in the 1920s and 1930s. Basic Forms and Methods. *Bulletin of the Chuvash University*. 2024. No. 3. P. 243–253. (In Russian). <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2024-3-243-253>. EDN: [OHQPBR](#).

8. Folieva, T.A. Antireligious Circles as the Initial Stage of the Education System of the Union of Atheists. *Religious Studies*. 2022. No. 1 (25). P. 10–24. (In Russian). <https://doi.org/10.23761/rrs2022-25.10-24>. EDN: [HIMWLH](#).

9. Zlobin, A.N. The Evolution of the Cults of Soviet Leaders in the Central Chernozem Region in 1928–1934. *Questions of History*. 2021. No. 9. Part 2. P. 82–94. (In Russian). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi37>. EDN: [YXCEDZ](#).

10. Andrews, J.T. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station: Texas A&M University Press, 2003. XII, 234 p.

11. Lo, J. Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of Portuguese Expansion. *Logos*. 2018. Vol. 28. No. 5 (126). P. 169–202. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-169-199>. EDN: [YLMZPJ](#).

12. Metel, O.V. The Study of the History of Religions in the Communist Academy: From the Cabinet Religious Ideology to Anti-Religious Section. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies*. 2017. Iss. 69. P. 71–86. (In Russian). <https://doi.org/10.15382/sturI201769.71-86>. EDN: [YHCMWH](#).

13. Bulavin, M.V. Religiosity and Secularization Among the Working Class of the Middle Urals in the Period of the 1920s and 1930s. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2011. Vol. 10. Iss. 10. P. 47–51. (In Russian). EDN: [OJWOZF](#).

14. Schneider, V.G., Koichuev, A.D. The Lutheran Community of Armavir in 1880–1930. *Bulletin of the Adygea State University. Series I*. 2019. № 4 (249). P. 132–138. (In Russian). EDN: [JXLJYN](#).

15. Lebina, N.B. Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody [Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. The Years 1920–1930]. St. Petersburg: Summer Garden, 1999. 320 p. (In Russian). EDN: [RYEBBF](#).

16. Khramov, S.V. Formation and Development of the Protestant Communities in Saransk in the Soviet Period. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015. No. 4 (54). Part II. P. 183–190. (In Russian). EDN: [TKSWDR](#).

17. Folieva, T.A. Deconversion in the Memories of Common Soviet Women. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2019. No. 1. P. 61–70. (In Russian). <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.05>. EDN: [ZAYNGX](#).

18. Yakovleva, A.P. Rol miryan v borbe za tserkov v 1920–1930-ye gg. (na primere russkogo Severa) [The Role of the Laity in the Struggle for the Church in the 1920s and 1930s. (on the Example of the Russian North)]. *Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities]*. 2019. No. 29. P. 90–97. (In Russian). EDN: [WSNWWU](#).

19. Khatanzeyskaya, E.V. Sovetskiy gorod v ekstremalnoy povsednevnosti: Arkhangel'sk v epokhu industrializatsii i Vtoroy mirovoy voyny 1929–1945 gg. [The Soviet City in Extreme Everyday Life: Arkhangel'sk in the Era of Industrialization and World War II, 1929–1945]. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. 311 p. (In Russian). EDN: [WSNWWU](#).

20. Zhiromskaya, V.B., Kiselyov, I.N., Polyakov, Yu.A. Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 goda [Half a Century Classified as “Secret”: The All-Union Population Census of 1937]. Moscow: Science Publishing House, 1996. 152 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Сидорчук Илья Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-9760-2443

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Sidorchuk Ilya V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-9760-2443

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026.

Одобрена после рецензирования 18.04.2026.

Принята 20.04.2026.

Received 14.04.2026.

Approved after reviewing 18.04.2026.

Accepted 20.04.2026.

научная статья / research article

УДК: 93/94

EDN: [EVXCYG](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.6](#)

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Профессионализация женщин-судебных медиков в Российской империи: опыт Женского медицинского института (1901–1917 гг.)

Корнева Валерия Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 museum_pspbgnu@mail.ru

Аннотация

Введение. В связи с нехваткой квалифицированных медицинских кадров в конце XIX в. в Российской империи остро встал вопрос о создании высшей школы для подготовки женщин-врачей. С открытием Петербургского Женского медицинского института в 1897 г. и предоставлением женщинам доступа к высшему медицинскому образованию, они активно включились в процессы профессионализации и специализации медицинской науки в Российской империи. Исследование посвящено проблеме участия женщин-врачей в сфере судебной медицины в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Особое внимание уделено Женскому медицинскому институту – крупнейшему высшему учебному заведению по подготовке женщин-врачей, и его выпускницам.

Методы и материалы. Применяются общенаучные методы анализа, синтеза и логического обобщения, принципы историзма и объективности, историко-генетический метод. Методологическую основу дополняют подходы гендерных исследований и просопографический метод. Источниковую базу составляют материалы медицинского и судебного законодательства Российской империи, специализированная медицинская периодика, диссертационные работы первых женщин-врачей, а также неопубликованные архивные документы из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Российского государственного исторического архива.

Результаты. Проанализированы нормативно-правовые акты, регламентировавшие профессиональные права женщин-врачей, а также особенности преподавания судебной медицины в ЖМИ. На примере биографий первых женщин-судебных медиков: А.М. Смысловой и М.М. Солунсковой, реконструируются траектории научной и профессиональной карьеры женщин-врачей в одной из наиболее «мужских» областей медицины.

Заключение. Предлагается вывод о том, что подготовка женщин-врачей на кафедре судебной медицины ЖМИ и относительная гибкости медицинского законодательства создало в Российской империи уникальные условия для включения женщин в судебно-медицинскую профессию, несмотря на сохранявшиеся гендерные и правовые ограничения. Результаты исследования могут быть полезны историкам медицины, высшей школы и права, а также специалистам в области гендерной истории.

Ключевые слова: женщины-врачи; женщины-судебные медики; судебная медицина; Женский медицинский институт; история медицины; медицинское образование

Финансирование: Работа подготовлена при поддержке НИР СПбГУ «Корпоративная память универсантов: источники и механизм формирования» (Pure ID: 142028043).

Для цитирования: Корнева В.А. Профессионализация женщин-судебных медиков в Российской империи: опыт Женского медицинского института (1901–1917 гг.) // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 89–105. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.6>. EDN: [EVXCYG](https://www.edn.ru/entry/142028043).

© Корнева В.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Professionalization of Women Forensic Physicians in the Russian Empire: The Experience of the Women’s Medical Institute (1901–1917)

Valeriia A. Korneva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 museum_pspbgmu@mail.ru

Abstract

Introduction. In the late nineteenth century, the Russian Empire faced an acute shortage of qualified medical personnel, which brought to the forefront the issue of establishing higher educational institutions for the training of women physicians. With the opening of the St. Petersburg Women’s Medical Institute in 1897 and the granting of women access to higher medical education, women became actively involved in the processes of professionalization and specialization within medical science in the Russian Empire. The study examines the participation of women physicians in the field of forensic medicine in the Russian Empire in the late nineteenth and early twentieth centuries. Particular attention is paid to the Women’s Medical Institute – the largest institution for the training of women physicians – and to the careers of its graduates.

Methods and Materials. The study applied the general scientific methods of analysis, synthesis, and logical generalization, as well as the principles of historicism and objectivity and the historical-genetic method. The methodological framework is further informed by approaches from gender studies and the prosopographical method. The source base includes medical and forensic legislation of the Russian Empire, specialized medical periodicals, dissertation works by the first women physicians, and unpublished archival materials from the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the Russian State Historical Archive.

Results. Legal and regulatory acts governing the professional rights of women physicians are analyzed, together with the specific features of the teaching of forensic medicine at the Women’s Medical Institute. Drawing on the biographies of the first female forensic medical experts, A. M. Smyslova and M. M. Solunskova, the paper presents the results of research reconstructing the trajectories of the scientific and professional careers of women physicians in one of the most traditionally male-dominated fields of medicine.

Conclusion. The study concludes that the combination of the institutionalization of forensic medicine within the Women’s Medical Institute and the relative flexibility of medical legislation created unique conditions in the Russian Empire for women’s entry into the forensic medical profession, despite the persistence of gender-based and legal restrictions. The results of this study may be of interest to scholars in the fields of the history of medicine, higher education, and law, as well as to specialists in gender history.

Keywords: women physicians; women forensic physicians; forensic medicine; Women’s Medical Institute; history of medicine; medical education

Funding: This article was funded by the Saint Petersburg State University research project “Corporate Memory of University Members: Sources and Mechanisms of Formation.” (Pure ID: 142028043).

For citation: Korneva, V.A. The Professionalization of Women Forensic Physicians in the Russian Empire: The Experience of the Women's Medical Institute (1901–1917). *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 89–105. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.6>. EDN: EVXCYG.

© Korneva, V.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Конец XIX – начало XX в. стали периодом интенсивного разделения медицины на самостоятельные дисциплины и формирования новых специальностей. С открытием Женского медицинского института (далее – ЖМИ) в 1897 г. и предоставлением женщинам доступа к высшему медицинскому образованию, они активно включились в процессы профессионализации и специализации медицинской науки в Российской империи.

Для одних женщин медицина становилась основой для построения профессиональной карьеры, тогда как для других она служила отправной точкой для дальнейшего образования, работы «с народом» или личной самореализации. На рубеже веков профессия врача открывала женщинам доступ к самому широкому кругу социальных проблем [1, p.179.].

Вопрос участия женщин в судебно-медицинской практике Российской империи, а также факторов, обусловивших их появление в данной специальности, в историографии остается практически не изученным.

В отечественной историографии интерес к судьбам женщин-судебных медиков первоначально проявили практикующие врачи. Особое значение имеют работы В.Ю. Назарова, сотрудника Санкт-Петербургского бюро судебно-медицинской экспертизы. В двух статьях, посвящённых женщинам-судебным медикам Петербурга, автор ввёл в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные материалы и актуализировал имена представительниц этой области медицины: А.М. Смысловой, М.М. Солунской, В.А. Бонч-Бруевич, Е.А. Пречистенской [2; 3]. В.Ю. Назаровым была предпринята попытка реконструкции их биографий, что позволяет считать его одним из основоположников изучения данной проблематики.

Следующее направление историографии представлено коммеморативными публикациями, подготовленными к памятным датам Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова¹ и кафедры судебной медицины [4; 5; 6]. Группу историографических материалов по данной теме можно условно назвать «юбилейными» публикациями. Первую серьёзную попытку написать историю 1-й ЛМИ² предпринимает директор института И.Д. Страшун. Две работы под его редакцией, написанные к полувековому юбилею 1 ЛМИ, определили направление дальнейших исследований по данной теме, не теряя актуальности и по сей день [4; 5].

С 2000-х гг. история Женского медицинского института (далее – ЖМИ) становится объектом внимания профессиональных историков. Существенный вклад в разработку историографии сделан И. В. Зиминим и А. А. Журавлёвым, благодаря их

¹ ПСПбГМУ им. И. П. Павлова – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова.

² 1 ЛМИ – 1-й Ленинградский медицинский институт.

работам история ЖМИ была включена в более широкий контекст исследований по истории высшего медицинского образования в России [7; 8].

Таким образом, формирование нарратива о первых женщинах-судебных медиках изначально происходило преимущественно в среде представителей медицинской профессии. Вследствие этого историография носит характер профессионального историописания и сосредоточена главным образом на персоналиях и корпоративной памяти. Вместе с тем необходимо отметить, что в указанных работах женщины-судебные медики не выступали объектом специального анализа. Как правило, исследователи ограничивались лишь упоминанием того, что А.М. Смылова состояла на кафедре судебной медицины ЖМИ.

В фокусе нашего внимания были поставлены следующие исследовательские вопросы. Что двигало интеллигентными женщинами рубежа веков, избравшими профессию судебных медиков? Какое место в процессе профессиональной эмансипации женщин-медиков занимала судебная медицина? Какие препятствия юридического, культурного и психологического толка им приходилось преодолевать? В чем были аргументы (этические и правовые) противников и сторонников приобщения женщин-медиков к этой профессии? Наконец, как фактически строилось обучение и проходила начальная профессионализация первых женщин судебных медиков?

Методы и материалы

В исследовании используется метод историзма и объективности. Кроме того, применяется просопографический метод, основанный на анализе биографий первых женщин-врачей, с целью выявления общих образовательных стратегий и карьерных траекторий, присущих женщинам-судебным медикам. Используется также сравнительно-исторический метод, позволяющий соотнести процессы включения женщин в судебно-медицинскую профессию с общими тенденциями развития медицинской науки и врачебной корпорации Российской империи. Гендерный подход позволяет нам выявить специфику процесса конструирования их профессиональной идентичности.

В исследовании активно используются ранее неопубликованные материалы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Задействованы нормативные документы Министерства внутренних дел из фондов Российского государственного исторического архива. Привлекаются личные дела слушательниц ЖМИ, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Особый интерес представляют *curriculum vitae*, в которых абитуриентки подробно описывали свой жизненный путь, образование и мотивы выбора профессии врача.

К опубликованным источникам относятся законодательные акты Российской империи, регламентирующие медицинское право. Рассматриваются материалы медицинской периодики начала XX века, отражающие общественные представления о женщинах-врачах в России. К специфическим источникам относятся докторские диссертации женщин-врачей, которые позволяют проследить особенности их научной работы, реконструировать профессиональные связи, а также выявить этические представления о медицинской практике и границы участия женщин в судебно-медицинских исследованиях. Типовые годовые отчёты института дают возможность

реконструировать повседневные учебные практики и особенности преподавания судебной медицины в ЖМИ.

В Европе (прежде всего в Германии, Франции, Италии и России) XIX век стал периодом подъёма как научной, так и практической судебной медицины. К этому времени в большинстве европейских государств преподавание судебной медицины становится обязательным как на медицинских, так и на юридических факультетах. Медицинские факультеты активно привлекались к решению практических задач судебно-медицинской экспертизы, выполняя функции высшей экспертной инстанции. В этот период оформляется институт судебных врачей и создаются судебно-химические лаборатории, что стало важнейшим этапом в развитии дисциплины [9, с. 6].

Впервые доступ к высшему медицинскому образованию женщины получили с открытием Курсов ученых акушерок при Медико-хирургической академии в 1872 г. в Санкт-Петербурге. Уже в 1876 г. успешность «эксперимента» была признана, срок обучения продлили с четырех до пяти лет, а программа приравнялась к университетской, за исключением курсов судебной медицины и медицинской полиции. Курсы были переименованы из Акушерских в Женские врачебные, перенесены на базу Николаевского военного госпиталя и находились там вплоть до своего закрытия в 1887 г. [7, с. 61–65].

Несмотря на общественные предубеждения, на Женских медицинских курсах всё же имелось практическое знакомство с трупами в анатомичке, а частично – и с элементами судебно-медицинской экспертизы [8, 153 с.]. Однако изучались только те разделы судебной медицины, которые относились к акушерству и заболеваниям женщин и детей.³

В качестве «сведущих лиц» для осмотра и освидетельствования мест и жертв преступлений мог приглашаться самый широкий круг мужчин (врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и другие эксперты⁴), однако выпускницы женских врачебных курсов не допускались к судебно-медицинской практике, они были лишены даже такой привилегии как диплом об окончании курсов. Женщины-врачи освобождались от ответственности по ст.114 п. XIII Врачебного устава и ст. 325 и ст. 326 главы IV Устава уголовного судопроизводства, что подразумевало под собой освобождение от присутствия по запросу судебных учреждений для медицинской экспертизы.⁵

Когда в высших кругах была поднята тема воссоздания учебного заведения для женщин-врачей вместо закрытых курсов, эти острые вопросы вновь начали звучать.⁶ При разработке «Положения» для нового учебного заведения, комиссия экспертов

³ Женские врачебные курсы (Петербург). Материалы по Женским врачебным курсам. СПб., 1879. С. 18.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 2 / изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 139.

⁵ Дело высочайше учрежденного Комитета для составления проекта положения об институте ученых акушерок, а также учебных планов и программ для этого заведения. Часть 1 // РГИА. Ф.733. Оп.191. Д.616. Л.12.

⁶ Дембо Г.И. История женского медицинского образования в России до ЖМИ. [Машинопись]. 1930-е гг. // Музей ПСПбГМУ им. ак. И.П. Павлова. КП №1245. Ф.Д. Инв. № 668. С. 40.

предлагала не включать в программу преподавание судебной медицины.⁷ Однако в итоге обсуждения все же было принято иное решение, согласно «Положению» ЖМИ от 1895 г., кафедра учреждалась, но не сразу, а по достижению слушательницами института пятого года обучения. «Положение» устанавливало право выпускниц ЖМИ быть приглашенными в качестве помощниц судебного врача при проведении судебно-медицинских освидетельствований женщин и детей.⁸ Таким образом, хотя компетенциями в области судебной медицины владели уже выпускницы курсов, первыми право на практическую работу в этой сфере смогли получить лишь выпускницы ЖМИ.

Важным шагом стало Высочайшее повеление 1898 г., по которому женщины-врачи, наконец, были юридически приравнены к мужчинам-врачам за исключением права производства в чины, ношения мундира и орденов.⁹ Принятие нового «Положения» ЖМИ в 1904 г. существенно расширило профессиональные права женщин-врачей. Выпускницы получили возможность защищать диссертации и получать докторские степени. Это создало условия как для включения слушательниц в научные исследования в области судебной медицины, так и для их практической деятельности в качестве полноправных экспертов в судебно-медицинских экспертизах. В 1905 г. в ст. 44 Врачебного устава были внесены правки, подтверждающие эти права женщин-врачей.

В 1897 г. состоялся первый набор слушательниц, а в 1901 г., на пятом году существования института, в ЖМИ была учреждена кафедра судебной медицины. Ее первым профессором стал Николай Петрович Ивановский (1843–1912) [4, с. 48], а первыми младшими преподавателями кафедры – Василий Андреевич Таранухин (прозектор, с 1906 г. приват-доцент) и Анна Михайловна Смысллова (помощник прозектора, с 1912 г. прозектор).¹⁰ Следует отметить, что должность прозектора, предполагавшая наличие степени доктора медицины, занимала во врачебно-служебной иерархии второе место после профессорской и стояла выше ассистентской позиции [3, с. 60].

Преподавание на кафедре с момента основания ее слагалось из чтения профессором систематического курса судебной медицины, лабораторных занятий и судебно-медицинских вскрытий под руководством профессора и ассистентов [5, с. 186]. После ухода на пенсию Н.П. Ивановского Совет пригласил на его место Сергея Петровича Шуенинова.¹¹ С.П. Шуенинов (1861–1921) сын купца из Саратова, окончил естественное отделение Петербургского университета в 1886 г. со степенью

⁷ Дело об учреждении в Санкт-Петербурге высшего учебного заведения для медицинского образования женщин. Часть 1// РГИА. Ф. 733 Оп. 191 Д. 510. Л.87.

⁸ Сравнительное изложение проекта положения о С.-Петербургском женском медицинском институте и Высочайше утвержденного, 1 июня 1895 г., положения о сем институте, с позднейшими изменениями и дополнениями [прил. к ст. 2679 (прим. 4) уст. уч. зав., по прод. 1902 г.] / (составлено Государственной Канцелярией). [Санкт-Петербург: б. и., 1903]. С. 12

⁹ Высочайшее утвержденное 9 марта 1898 г. мнение Государственного Совета. О даровании прав государственной службы женщинам-врачам // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Июнь. 1898 г. С. 1.

¹⁰ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского женского медицинского института за 1907–1908 уч. год. СПб., 1910. С. 24.

¹¹ Дело о профессорах, приват-доцентах и преподавателях Санкт-Петербургского женского медицинского института и о замещении вакантных кафедр//РГИА. Ф.733. Оп. 154. Д. 680. Л.7.

кандидата естественных наук [10, с. 2] и Медико-хирургическую академию в 1890 г. [11, с. 2]

После вступления С.П. Шуенинова в должность экстраординарного профессора, учебная деятельность Кабинета судебной медицины приобрела системный характер и включала несколько направлений. Теоретический курс лекций по судебной медицине (2 часа в неделю) читался профессором для слушательниц 7-го и 8-го семестров. Демонстративный курс техники судебно-медицинских вскрытий трупов (2 часа в неделю) также вёл профессор С.П. Шуенинов. На лекциях была введена демонстрация анатомических препаратов как из музея кафедры, так и свежих, со вскрытий. Лекции иллюстрировались демонстрацией соответствующих микроскопических препаратов. Лекции по отделу детоубийства сопровождалась демонстрацией вскрытия трупа новорожденного перед всем курсом в аудитории с производством легочной и желудочно-кишечной проб.¹²

Практические занятия по судебно-медицинским исследованиям кровяных и семенных пятен, волос и тканей проводились два раза в неделю по 3 часа и осуществлялись ассистентами. Кроме того, ассистенты вели практические занятия по судебной химии, включавшие самостоятельное выполнение качественных реакций на органические и неорганические яды, решение простых судебно-химических задач и демонстрацию основных приборов, применяемых в судебно-химических исследованиях; группа слушательниц из 30 человек работала ежедневно в течение недели.¹³

Важной частью учебного процесса являлись судебно-медицинские вскрытия трупов, доставляемых кафедре по распоряжению градоначальника через полицейских врачей. В каждом вскрытии участвовали около десяти слушательниц: двое выполняли наружный осмотр, двое вскрывали грудную полость, двое – брюшную, двое – черепную, а двое составляли протокол вскрытия в двух экземплярах (для полиции и для кабинета). Все вскрытия проводились под руководством прозектора и его помощника. После вскрытия составлялся судебно-медицинский акт, который представлялся каждой слушательницей ассистенту с самостоятельным изложением мнения о причине смерти для совместного обсуждения. По существовавшим планам преподавания судебной медицины главная задача практических занятий сводилась к тому, чтобы научить слушательниц судебной экспертизе по исследованию трупов. Экспертиза живых лиц не проводилась. Только в 1925 г. студентам была предоставлена возможность группами в 10 человек посещать отделение судебно-медицинской экспертизы при Облздравотделе, где они знакомились с приемами освидетельствования различных повреждений у живых лиц и участвовали в составлении актов освидетельствования [5, с. 186].

Вскоре был пересмотрен весь порядок практических занятий: ежедневные занятия по токсикологии отменили, а практику сократили до двух трёхчасовых занятий в неделю для слушательниц 4-го курса. Судебно-медицинские вскрытия проводились на 4–5 курсах: на 4-м – в форме технических вскрытий под руководством

¹² Ленинградский медицинский институт к XXX – летию деятельности. (1897–1927): [Доклады-речи на юбилейном заседании и обзор учебной деятельности института]. Л., 1928. С. 61.

¹³ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского женского медицинского института за 1908/09, 1909/10, 1910/11 и 1911/12 уч. годы. СПб., 1913 [обл. 1914]. С. 173–175.

ассистентов, на 5-м – как зачётные, под руководством профессора. К зачётному вскрытию слушательницы допускались лишь после специальной подготовки и проверки у секционного стола, в результате каждая слушательница выполняла два вскрытия. Этот порядок сохранялся до 1925 г.¹⁴

Особой гордостью кафедры была ее химическая лаборатория. В Кабинете судебной медицины изготавливалась реактивная судебно-медицинская сыворотка (по Уленгуту), рассылавшаяся по запросам врачебных отделений, фармацевтов и аптек по всей стране.¹⁵

Вопреки всем трудностям ЖМИ удалось готовить высокопрофессиональных врачей, в том числе в области судебной медицины. Упомянутая выше А.М. Смылова вполне обосновано считается первой женщиной-судебным медиком Российской империи. Она стала первой выпускницей ЖМИ, начавшей работать на кафедре судебной медицины. Анна Михайловна Смылова, урожденная Номикос, мещанка, дочь греческого подданного, родилась в г. Таганроге в 1876 г. Среднее образование получила в Ростове в Екатеринославской женской гимназии, которую окончила в 1893 г. с золотой медалью.

В своём жизнеописании Анна Михайловна подробно рассказывает о собственном пути к медицине. В детстве она была мечтательным и романтичным ребёнком, увлечённым литературой и сказками Ханса Кристиана Андерсена. В гимназические годы А.М. Смылова впервые сталкивается с личной трагедией: умирает её мать, а вскоре заболевает и сама Анна Михайловна. Для восстановления здоровья она на некоторое время переезжает к греческим родственникам в Ялту, где окончательно утверждается в решении во что бы то ни стало получить высшее образование. Примечательно, что в юности Анна Михайловна вовсе не задумывалась ни о выборе судебной медицины, ни даже о медицинской профессии в целом, ее стремление было связано, прежде всего, с получением высшего образования. Гораздо больший интерес у девушки вызывали литература и филология. Будучи рожденной в патриархальной греческой семье, она столкнулась с сопротивлением со стороны прагматичного отца-торговца, который видел в ней будущую домохозяйку, а не женщину-врача. Лишь с большим трудом ей удалось добиться его согласия на продолжение образования.¹⁶

В 1895 г. она уезжает в Москву и поступает на Московские Педагогические курсы, которые окончила в 1896 г. В 1897 г. поступила на Историко-филологическое отделение Петербургских Высших женских курсов. В марте 1898 г. сдала экзамен на аттестат зрелости по латинскому языку при VI Петербургской мужской классической гимназии. В 1898 г. А.М. Смылова поступила в ЖМИ, который окончила в 1903 г. со степенью врача с отличием. В период обучения, по-видимому, стремясь освободиться от отцовского контроля, Анна Михайловна вступает в брак с инженером-технологом Вениамином Александровичем Смыловым. Супруги поселились неподалёку от института, на Большой Монетной улице.

¹⁴ Ленинградский медицинский институт к XXX-летию деятельности. (1897–1927): [Доклады-речи на юбилейном заседании и обзор учебной деятельности института]. Л., 1928. С. 61.

¹⁵ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского женского медицинского института за 1908/09, 1909/10, 1910/11 и 1911/12 уч. годы. СПб., 1913 [обл. 1914]. С. 175.

¹⁶ Номикос-Смылова Анна Михайловна // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 8786. Л.6–7.

С 1903 по 1907 гг. она работала в качестве ординатора в факультетской терапевтической клинике профессора М.М. Волкова при ЖМИ. С 1904 г. начала свою карьеру на кафедре судебной медицины ЖМИ. С 1907 г. А.М. Смыслова также работала преподавательницей гигиены и естествоведения в Патриотическом и Елизаветинском женских институтах. В течение 1905–1907 гг. сдала при ЖМИ докторские экзамены и в 1909 г. защитила докторскую диссертацию. В 1912 г. Анна Михайловна все-таки окончила Историко-филологическое отделение Бестужевских курсов по группе русской филологии (подгруппа литературы).¹⁷

В своей диссертации Анна Михайловна на обширном трупном материале подробно анализировала различные случаи смерти, наступившей в результате переохлаждения. Работа была выполнена под руководством профессора И.П. Ивановского (судебная медицина), а рецензентами выступили Н.Ф. Виноградов (патологическая анатомия) и П.М. Альбицкий (патофизиология) [12, с. 1].

Для лиц, намеревавшихся сдавать докторские экзамены, обязательным требованием являлось составление судебно-медицинского акта. Такой акт сохранился в личном деле А.М. Смысловой. В 1905 г. акт был выполнен группой слушательниц, в которую входила и Анна Михайловна. В присутствии прозектора В.А. Таранухина и представителя полиции было произведено судебно-медицинское вскрытие тела неустановленного младенца мужского пола. Осмотр начинался с наружного исследования, включавшего фиксацию видимых повреждений, определение массы и длины тела, а также подробное описание его состояния. Затем следовал внутренний осмотр с препарированием трупа.¹⁸ Этот этап работы, несомненно, трагичный по своему содержанию, требовал от исследователей предельной точности, профессиональной выдержки и максимального дистанцирования от каких-либо излишних эмоциональных реакций.

С 1912 г. А.М. Смыслова была назначена на должность прозектора с содержанием 1500 руб. в год: 1200 руб. жалование и по 150 руб. столовых и квартирных.¹⁹ Для работающей женщины на то время – достаточно солидная сумма.

По рекомендации профессора С. П. Шуенинова А.М. Смыслова была избрана и 20 мая 1914 г. утверждена в должности сверхштатного ассистента кафедры судебной медицины Клинического института Великой княгини Елены Павловны (ныне СЗГМУ им. И.И. Мечникова²⁰) без назначения денежного содержания. С 1916 г. она также начала преподавать судебную медицину в Психоневрологическом институте (ныне СЗГМУ им. И.И. Мечникова), где данная преподавательская деятельность уже оплачивалась. Тем самым история трёх кафедр судебной медицины Санкт-Петербурга: ПСПбГМУ им. И.П. Павлова и СЗГМУ им. И.И. Мечникова оказывается непосредственно связанной с именем А. М. Смысловой [3, с. 60].

Однако слабое здоровье, сопровождавшее её с молодости, не позволило Анне Михайловне пережить тяжёлые революционные годы. В мае 1918 г. она обратилась к

¹⁷ Список окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах в 1910–1911 и 1911–1912 учебных годах / изд. Общества вспомоществования окончившим курс наук на С.-Петербургских высших женских курсах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. С. 14.

¹⁸ Дело о службе доктора медицины А. М. Смысловой // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14560. Л.17.

¹⁹ Дело о службе доктора медицины А. М. Смысловой // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14560. Л.10.

²⁰ СПбГМА им. И.И. Мечникова – Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова.

директору ЖМИ с просьбой предоставить ей отпуск для грязелечения в Пятигорске в связи с перенесённой тяжёлой операцией по удалению аппендицита, осложнённой послеоперационным воспалением тазовой брюшины. Впоследствии профессор А.А. Лихачёв сообщил о её кончине в начале 1920-х гг.²¹

Первой женщиной-врачом Российской империи, защитившей диссертацию по судебной медицине, стала Мария Михайловна Солунскова. М.М. Солунскова, из потомственных дворян, дочь полковника, родилась в 1873 г. на хуторе под Новочеркасском.

Ещё в детстве Мария Михайловна, по ее словам, собирала лекарственные травы и «лечила» кукол вместе с матерью оказывала помощь деревенским жителям. Мать пользовалась большим доверием и любовью среди местных крестьян, которые обращались к ней за советом и помощью во время болезней. М.М. Солунская вспоминала: «И всех-то она умела успокоить и приласкать! Помогая ей, я присматривалась, и впоследствии чувство брезгливости и страха совершенно исчезли во мне; напротив того, я чувствовала такую жалость к этим беднякам, что даже находила некоторое наслаждение обмывать раны и слышать слова благодарности».²² Этот мемуарный фрагмент особенно интересен: он наглядно показывает, что контакт с телесностью, болью и страданием не только не вызывал у девочки «естественного» отвращения, но, напротив, способствовал формированию эмпатии и интереса к врачеванию.

Таким образом, «стыдливость» и «брезгливость» оказываются не врождёнными качествами полов, а в гораздо большей степени результатом воспитания и культурных ожиданий. Сильное впечатление на девочку произвели рассказы отца, отставного военного, о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., о человеческих страданиях и раненых, после чего она приняла твердое решение посвятить себя служению людям и стать сестрой милосердия. Ранняя смерть отца резко ухудшила материальное положение семьи, с семью детьми, и стала ударом для девушки. М.М. Солунская делится впечатлениями, что после этого события она стала «серьёзнее и задумчивее». Окончив Смольный институт с золотой медалью, Мария Михайловна вернулась домой. Финансовое положение семьи к этому времени несколько улучшилось, однако светская жизнь и балы совсем не привлекали юную девушку. Следует подчеркнуть, что в этот период М.М. Солунская переживает глубокий экзистенциальный кризис, который она сама формулирует следующим образом: «Я несколько раз задавалась себе вопросом: как жить? К чему стремиться? Я снова пересмотрела и проверила все свои понятия о мире, о человеке, об обществе, о нравственности, о науке...».²³ Окончательное решение связать свою жизнь с медициной пришло после возвращения на хутор: «и тогда-то опять, после долгих размышлений и испытаний, явилось у меня желание серьёзно заняться медициной. Я поняла, что мои и мамины знания недостаточны: нужен более научный, более серьёзный фундамент и большая

²¹ Ленинградский медицинский институт к XXX-летию деятельности. (1897–1927): [Доклады-речи на юбилейном заседании и обзор учебной деятельности института]. Л., 1928. С. 25.

²² Мария Михайловна Солунскова // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп.1. Д. 8603. Л.8.

²³ Там же.

уверенность в своих собственных силах, и я решила для исполнения своего плана поступить в Женский медицинский институт».²⁴

Таким образом, получение диплома врача и высшего образования воспринималось Марией Михайловной не только как путь к профессиональной самореализации, но и как средство обретения внутренней уверенности в себе и своих силах. В 1897 г. она поступила в ЖМИ, который окончила в 1902 г. со степенью лекаря с отличием. В течение 1904–1906 учебных гг. сдала при ЖМИ экзамены на степень доктора медицины. В продолжение 1903–1904 гг. Мария Михайловна работала в детской клинике Военно-медицинской академии. В течение 1906–1907 гг. состояла практиканткой при Императорском институте экспериментальной медицины в бактериологической лаборатории профессора Д.К. Заболотного.²⁵ С 1907 г. работала по судебной медицине в ЖМИ в лаборатории профессора Н.П. Ивановского [13, с. 34].

В 1908 г. М.М. Солунская защитила докторскую диссертацию на тему «К вопросу об отличии прижизненных повреждений от посмертных: изменения в лимфатических железах при травматических повреждениях». Работа была выполнена под руководством профессора И.П. Ивановского (судебная медицина), рецензентами выступили П.М. Альбицкий (патофизиология) и А.С. Догель (гистология). Данное исследование наглядно демонстрирует, каким образом женщина-врач могла заниматься научной работой в области судебной медицины в начале XX в. Оно позволяет проследить как механизмы получения экспериментального материала, так и разнообразие проблем и вызовов, с которыми сталкивались женщины-исследовательницы, прежде всего этического и социального характера. Речь идёт как о сложных моральных дилеммах, связанных с проведением экспериментальных исследований на животных, так и о необходимости поиска трупного материала в городских больницах, далеко не все из которых были готовы допускать женщин-врачей к работе в моргах. Следует отметить, что медицинский осмотр, вивисекция животных, хирургическое вмешательство или анатомическое препарирование трупа в начале XX в. осмыслялись как инвазивные, насильственные и, по существу, маскулинные практики [14, р. 107–108]. Петропавловская и Обуховская больницы относились к немногим учреждениям, где женщины-врачи могли вести подобную практику. Наконец, сама работа с изувеченными мужскими трупами представляла собой настоящее испытание для женщины начала XX в., особенно с учётом её социального происхождения и воспитания в традициях закрытых женских учебных заведений, таких как Смольный институт.

Свое исследование М.М. Солунскова выстроила из нескольких этапов. На первом этапе проводились экспериментальные исследования на животных. Морские свинки усыплялись с использованием хлороформа, далее наносились травматические повреждения костей, после чего животное умирало. Всего было выполнено десять подобных опытов. Затем осуществлялось микроскопическое исследование полученного материала и изготавливались гистологические препараты. Вторая часть работы основывалась на исследовании трупного материала. М.М. Солунскова изучала лимфатические железы лиц, скончавшихся в результате травматических повреждений. Забор материала осуществлялся из анатомических областей, соответствующих

²⁴ Мария Михайловна Солунскова // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп.1. Д. 8603. Л.9.

²⁵ Солунская Мария Михайловна // ЦГИА СПб. Ф.436. Оп. 4. Д. 3956. Л.1.

локализации травмы, при судебно-медицинских вскрытиях, проводившихся в Петропавловской больнице при кафедре судебной медицины, а также в Обуховской мужской больнице. Время нанесения травмы и время смерти узнавалось из скорбных листов и протоколов вскрытия.

Примечательно, что в выводах к диссертации М.М. Солунскова затронула ряд вопросов, непосредственно не связанных с основной темой исследования. Все они касались проблем детского возраста, что позволяет предположить устойчивый интерес исследовательницы к педиатрической проблематике, проявившийся уже на этапе её судебно-медицинской научной работы. Так она пишет, что в борьбе с детской смертностью необходимы не только санитарные условия, но и заботы о правильном физическом развитии детей; также в связи с важным социальным значением правильного кормления грудных детей, необходимо устройство отделений для грудных детей при клиниках, как это существует за границей. И наконец, для того чтобы иметь возможность следить за правильным физическим развитием и здоровьем детей, желательно чтобы в женских учебных заведениях работали женщины-врачи.²⁶

С 1909 по 1912 г. М.М. Солунскова работает младшим врачом в Смольном институте.²⁷ В 1915 г. устраивается на работу в качестве преподавательницы гигиены и естествоведения в Мариинский институт Благородных девиц.²⁸ В 1920–1930-е гг. М.М. Солунскова, вернувшись на родину в Новочеркасск, работала профессором бактериологии на кафедре микробиологии Донского ветеринарно-зоотехнического института.²⁹

Мария Михайловна сочетала интерес к судебной медицине с занятиями бактериологией, однако, по-видимому, работа детского врача – опыт, полученный ею ещё в детской клинике ВМА, – и социальная среда, в которой она оказалась, работая в Институте Императрицы Марии, оказались ближе её личным и профессиональным устремлениям. Её опыт «смолянки» и сформированное чувство принадлежности к сообществу выпускниц закрытых женских учебных заведений могли сыграть значимую роль в формировании её профессиональной идентичности и выборе дальнейшего карьерного пути.

Если участие женщин-врачей в научной работе по судебной медицине оставалось прерогативой единиц, то их работа в земствах была значительно шире. Большинство женщин-врачей можно было найти именно в земствах. Земский врач должен был уметь выполнять весь спектр медицинских манипуляций, и женщины справлялись с этой ролью наравне с мужчинами.

Однако отношение к женщинам-врачам варьировалось от земства к земству. Были места, где их принимали с подозрением или даже открыто противились их

²⁶ Солунскова М.М. К вопросу об отличии прижизненных повреждений от посмертных: Изменения в лимфат. железах при травмат. повреждениях: Дис. на степ. д-ра мед. М.М. Солунсковой / Из Лаб. судеб. медицины проф. Н.П. Ивановского. Санкт-Петербург: тип. Я. Трей, 1908. С. 31.

²⁷ Личное дело Солунсковой Марии Михайловны, младшего врача//ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп.1. Д. 17325. Л.1.

²⁸ Солунскова Мария Михайловна// ЦГИА СПб. Ф.414. Оп. 2. Д.440. Л.1.

²⁹ Наука и научные работники СССР: справочник / Акад. наук СССР; сост. Комис. «Наука и науч. работники СССР» под наблюдением и непосредств. рук. С. Ф. Ольденбурга, Е. Ф. Карского. Л., 1925–1934. Ч. 6 : Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. 1928. VIII, 810 с., [2] л. диагр., карт.:диагр. С. 719.

работе, но одновременно существовали земства, предоставлявшие женщинам стипендии для обучения в ЖМИ, рассчитывая, что после возвращения они продолжат там службу. Двойственность отражалась и на их роли в судебно-медицинской практике: возможности и полномочия женщин зависели от взглядов местной администрации и чиновников. Несмотря на формальное равенство прав с мужчинами-коллегами, женщины-врачи неизбежно сталкивались с дискриминацией.

В 1906 г. одна из крупнейших медицинских газет Российской империи «Русский врач» освещала эту проблему. Систематически исполнение судебно-медицинских обязанностей в отношении участков³⁰, заведомых женщинами-врачами, возлагалось местными чиновниками на ближайшего участкового врача-мужчину.

«Не пора ли пересмотреть и отменить в законодательном порядке узаконенное неправовое положение, исключаящее женщин-врачей из выполнения судебно-медицинских обязанностей? Ведь судебная медицина читается в Женском медицинском институте, и пенсионные права по службе предоставлены женщинам-врачам. Непонятным архаизмом и странной непоследовательностью кажется повторное запрещение женщинам-врачам выполнять судебно-медицинские обязанности»,³¹ резюмировал свою заметку анонимный автор.

В это время в Медицинский совет регулярно поступал ряд прошений с вопросом «Имеют ли право женщины-врачи проводить судебно-медицинские вскрытия?». Медицинский совет решил этот вопрос утвердительно.³²

Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация: официально женщины-врачи имели право на эту практику, но местные власти для подтверждения этого права вынуждены были обращаться в вышестоящие инстанции, чтобы придать дополнительную легитимность деятельности женщин-врачей, работавших в земствах.

В 1914 г. был опубликован «Циркуляр Министра Внутренних дел Губернаторам от 21 января 1914 г. № 83». В циркуляре сообщалось, что некоторые губернаторы обратились в Министерство внутренних дел с ходатайствами о разъяснении права лиц женского пола, имеющих степень лекаря, производить судебно-медицинскую экспертизу. Основанием к возбуждению таких ходатайств послужило то обстоятельство, что некоторые судебные следователи отказываются, в случае отсутствия у них врача, вызывать для производства судебно-медицинской экспертизы лиц женского пола, а приглашают из участковых сельских и земских врачей лишь мужчин. Поэтому нередки случаи, что врач, по вызову судебного следователя, выезжает из своего участка за 40–50 верст в местность, где уже есть практикующая женщина-врач.

Министерство внутренних дел, принимая во внимание, что в силу ст. 44 Врачебного устава от 1905 г. лица женского пола, имеющие звание лекаря, пользуются всеми правами на медицинскую практику, предоставляемыми этим званием, а следовательно и правами на самостоятельное производство судебно-

³⁰ Врачебный участок – основная организационная единица земской медицины в Российской империи, представлявшая собой территориально выделенную часть уезда, находившуюся в ведении органов земского самоуправления. В ее основу была положена стационарная медицинская помощь с амбулаторным приемом и лечебницей обслуживаемый земским врачом, фельдшером, акушеркой.

³¹ Русский врач, 1906. Март. № 24. С.752.

³² По вопросу имеют ли право женщины-врачи проводить судебно-медицинские вскрытия по требованию подлежащих властей // РГИА. Ф. 1294. Оп.10. Внутр.оп.1. Д.323. Л. 1-2.

медицинской экспертизы, просило Министерство юстиции в целях устранения затруднений, возникающих вследствие отказа судебных следователей приглашать в качестве судебных врачей женщин, подготовить судебным следователям соответствующие разъяснения по этому вопросу. Однако Министерство юстиции в данной ситуации заняло позицию, неблагоприятную для женщин-врачей. Министр юстиции уведомил министра внутренних дел, что, разделяя соображения Министерства внутренних дел о праве женщин-врачей на самостоятельное производство судебно-медицинских экспертиз, всё же исходя из точных оснований ст. 336 и 337 Устава уголовного судопроизводства, осмотры и освидетельствования в порядке статей 336-352 и 353 того же Устава должны производиться уездными, городскими или полицейскими врачами. До тех пор, пока женщины, имеющие диплом на звание лекаря, не будут назначаться на должность уездного, городского или полицейского врача, судебные следователи не могут вызывать их для судебно-медицинских экспертиз, минуя эти категории врачей. Лишь в тех случаях, если указанные врачи по болезни или по другой уважительной причине не могут явиться, только тогда следователь может приглашать женщин-врачей, наравне с другими военными, гражданскими или вольнопрактикующими врачами.³³

Результаты

Дискуссия о правовом статусе женщин-врачей и их допуске к судебно-медицинской экспертизе так и не была окончательно разрешена вплоть до 1917 г. Женщины в сфере судебной медицины прошли сложный путь: от первых, во многом символических шагов в анатомических театрах и возможности работать лишь с телами женщин и детей до фактического участия в судебно-медицинской экспертизе наравне с мужчинами. При этом их юридическое положение на протяжении всей истории Российской империи оставалось двойственным. Формально законодательство не содержало прямого запрета на участие женщин-врачей в судебно-медицинской практике, однако на деле противники женского врачебного труда систематически находили основания для ограничения этих прав, апеллируя к пробелам и неоднозначностям правового регулирования.

Парадоксальным образом именно эта правовая неопределённость открывала женщинам возможность участия в судебно-медицинской практике. В отличие от женщин-юристов, фактически исключённых из сферы уголовного судопроизводства, женщины-врачи получили возможность войти в профессиональное пространство, непосредственно связанное с уголовным правом. Существенную роль в этом процессе сыграло совпадение сразу нескольких факторов: институциональное оформление судебной медицины в виде кафедры при ЖМИ и специфика медицинского законодательства. В отсутствие любого из этих элементов – образовательной практики или относительной правовой гибкости – включение женщин в судебно-медицинскую профессию оказалось бы невозможным.

Вместе с тем, в рассматриваемый период гендерная идентичность женщин-врачей систематически доминировала над их профессиональной ролью. Участие женщин-врачей в судебно-медицинской практике стало принципиально важным

³³ Циркуляр Министра Внутренних дел Губернаторам от 21 января 1914 г. №83 // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Март. 1914 г. С. 55–56.

этапом в формировании их профессиональной идентичности, поскольку открывало для них доступ к одной из наиболее маскулинизированных областей медицины. Судебная медицина, связанная с работой с трупным материалом, насильственной смертью и уголовным правом, традиционно воспринималась как «неженская» сфера, и включение в нее женщин означало выход за пределы допустимых для них профессиональных ролей.

Таким образом, Российская империя стала одной из первых европейских держав, где женщины в начале XX в. получили возможность заниматься судебной медициной.

Заключение

На этапе создания Женских медицинских курсов в интеллигентной среде российского общества велись острые дискуссии, вокруг вопроса о допущении женщин к работе с трупами, а также к осмотру мужчин-пациентов. Противники курсов считали подобные занятия для дам неприличными и непозволительными. Позднее с такой же проблемой столкнется и Женский медицинский институт.

Возражения противников женского медицинского образования сводились к утверждению, что в сфере медицины женщина способна выполнять лишь ограниченный круг функций, и, следовательно, будет «неполноценным врачом». Мотивы подобных доводов были типичны для своего времени. Так, ставился вопрос: «Может ли женщина по нашим законам подлежать ответственности в той же мере, что и мужчина?». Высказывались сомнения в том, можно ли ожидать от женщины во врачебной практике, в судебно-медицинских исследованиях и при выдаче различного рода медицинских свидетельств той же осмотрительности, добросовестности и независимости от «увлечений» и «посторонних порывов», что и от мужчины.³⁴

Практические потребности государства в квалифицированных врачебных кадрах взяли верх над всеми общественными предрассудками. В ЖМИ была организована постановка преподавания ничем не уступавшая программам медицинских факультетов университетов. Сформировалась новая когорта женщин-врачей, которые, несмотря на риски, связанные с заразными болезнями и нелёгкие условия повседневной врачебной практики, активно включались в профессиональную деятельность. Данный опыт стал важным фактором трансформации представлений о допустимых границах женского труда в медицине и расширяя спектр доступных им профессиональных траекторий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. DenBeste M. Gender and Russian Health Care, 1880–1905: Professionalism and Practice // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective / Ed. by S. Grant. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 165–190. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44171-9_8.
2. Назаров В.Ю. Судебные медики-женщины дореволюционного Санкт-Петербурга // Медицинская экспертиза и право. 2011. № 6. С. 50–52. EDN: OKIFTX.
3. Назаров В.Ю. Анна Михайловна Смыслова – первый отечественный судебный медик-женщина // Судебно-медицинская экспертиза. 2011. Т. 54. № 5. С. 58–60. EDN: PHOLLB.
4. Биографический словарь профессоров 1-го Ленинградского, бывшего Женского, медицинского института им. акад. И. П. Павлова за 50 лет, 1897–1947 / под ред. Ю.Ю. Джанелидзе и С.Я. Фрейдлина. Л.: Медгиз, Ленинградское отделение, 1947. 155 с.

³⁴ Музей ПСПбГМУ им. ак. И.П. Павлова. КП №1245. Ф.Д. Инв. № 668. Дембо Г.И. История женского медицинского образования в России до ЖМИ. [Машинопись]. 1930-е гг. С. 40.

5. 50 лет Первого Ленинградского медицинского института им. акад. И. П. Павлова / под ред. Н.И. Озерецкого. Л.: Медгиз, 1947. 186 с.
6. Бабаханян Р.В., Круть М.И. Кафедра судебной медицины и правоведения СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова // Судебная медицина Санкт-Петербурга (История и организация). СПб., 1999. С. 51–58.
7. Зимин И.В. Журавлёв АА. СПбГМУ имени академика И.П. Павлова: этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). СПб.: Издательство СПбГМУ. 2012. 388 с.
8. Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). СПб.: Издательство СПбГМУ, 2004. 367 с. EDN: [QLFOJT](#).
9. Черваков В.Ф. История судебной медицины и судебно-медицинской экспертизы: лекция для студентов 5-го курса. 1-й Моск. ордена Ленина мед. ин-т им. И. М. Сеченова, каф. судебной медицины. М., 1956. 22 с.
10. Шуенинов С.П. Об утомлении мышц при тетаническом сокращении. Экспериментальное исследование. Кандидатская диссертация. Из Физиологической лаборатории Санкт-Петербургского университета. 1888. 23 с. – идентифицировать не удалось.
11. Шуенинов С.П. К вопросу о строении и образовании хилезных кист в кишечнике человека: Патологоанатомические исследования. Диссертация на степень доктора медицины С.П. Шуенинова. Из Пражского немецкого патологоанатомического института проф. Chiari. Санкт-Петербург: т-во “Печатня С.П. Яковлева”. 57 с. – год? идентифицировать не удалось.
12. Смылова А.М. К вопросу о распознавании смерти от замерзания: микроскопические изменения в легких при действии низкой температуры: дис. ... д-ра медицины. Из Лаборатории судебной медицины СПб женского медицинского института. Санкт-Петербург: печ. Графического института Э.П. Лушкевица, 1909. 77 с.
13. Солунскова М.М. К вопросу об отличии прижизненных повреждений от посмертных: изменения в лимфатических железах при травматических повреждениях: дис. ... д-ра медицины. Лаборатории судебной медицины проф. Н.П. Ивановского. Санкт-Петербург: тип. Я. Трей, 1908. 36 с.
14. Bashford A. Purity and Pollution: Gender, Embodiment and Victorian Medicine. London: Palgrave Macmillan, 1998. XVII, 188 p. <https://doi.org/10.1057/9780230501249>.

REFERENCES

1. DenBeste, M. Gender and Russian Health Care, 1880–1905: Professionalism and Practice. *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective*. Ed. by S. Grant. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 165–190. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44171-9_8.
2. Nazarov, V.Yu. Sudebnyye mediki-zhenshchiny dorevolutsionnogo Sankt-Peterburga [Female Forensic Medical Experts in Pre-Revolutionary St. Petersburg]. *Medical Expertise and Law*. 2011. No. 6. P. 50–52. (In Russian). EDN: [OKIFTX](#).
3. Nazarov, V.Yu. Anna Mikhailovna Smyslova – the First Russian Female Forensic Medical Expert. *Forensic Medical Expertise*. 2011. Vol. 54. No. 5. P. 58–60. (In Russian). EDN: [PHOLLB](#).
4. Biograficheskiy slovar professorov 1-go Leningradskogo, byvshego Zhenskogo, meditsinskogo instituta im. akad. I. P. Pavlova za 50 let, 1897–1947 [Biographical Dictionary of Professors of the 1st Leningrad, Former Women's, Medical Institute named after Academician I. P. Pavlov over 50 Years, 1897–1947]. Ed. by Yu.Yu. Dzhanlidze, S.Ya. Freydlina. Leningrad: Medgiz, Leningrad branch, 1947. 155 p. (In Russian).
5. 50 let Pervogo Leningradskogo meditsinskogo instituta im. akad. I.P. Pavlova [50th Anniversary of the First Leningrad Medical Institute named after Academician I. P. Pavlov]. Ed. by N.I. Ozeretskogo. Leningrad: Medgiz, 1947. 186 p. (In Russian).
6. Babakhanyan, R.V., Krut, M.I. Kafedra sudebnoy meditsiny i pravovedeniya SPbGMU im. akad. I.P. Pavlova [Department of Forensic Medicine and Law, St. Petersburg State Medical University named after Academician I.P. Pavlov]. *Sudebnaya meditsina Sankt-Peterburga: Istoriya i organizatsiya* [Forensic Medicine of St. Petersburg: History and Organization]. Saint Petersburg, 1999. P. 51–58. (In Russian).

7. Zimin, I.V. Zhuravlev, AA. SPbGMU imeni akademika I.P. Pavlova: etapy bolshogo puti. Vozniknoveniye zhenskogo meditsinskogo obrazovaniya v Rossii i sozdaniye Zhenskogo meditsinskogo instituta (XVIII – nachalo XX vv.) [Pavlov Saint Petersburg State Medical University: Milestones of a Long Journey. The Emergence of Women's Medical Education in Russia and the Establishment of the Women's Medical Institute (18th – early 20th centuries)]. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Medical University, 2012. 388 p. (In Russian).
8. Zimin, I.V. Podgotovka meditsinskikh kadrov v Rossii (XIX – nachalo XX vv.). [Training of medical personnel in Russia (19th – early 20th centuries)]. Saint Petersburg: Publishing House of Pavlov St. Petersburg Medical University, 2004. 367 p. (In Russian). EDN: [QLFOJT](#).
9. Chervakov, V.F. Istoriya sudebnoy meditsiny i sudebno-meditsinskoy ekspertizy [History of Forensic Medicine and Forensic Examination]: lektsiya dlya studentov 5-go kursa [Lecture for 5th-Year Students]. Moscow: I.M. Sechenov First Moscow Medical Institute, 1956. 22 p. (In Russian).
10. Shuyeninov, S.P. Ob utomlenii myshts pri tetanicheskom sokrashchenii. Eksperimentalnoye issledovaniye [On Muscle Fatigue During Tetanic Contraction. An Experimental Study]. Candidate's dissertation. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 1888. 23 p. (In Russian).
11. Shuyeninov, S.P. K voprosu o stroyenii i obrazovanii khileznykh kist v kishechnike cheloveka: Patologoanatomicheskiye issledovaniya: Dissertatsiya na stepen doktora meditsiny [On the Structure and Formation of Chylous Cysts in the Human Intestine: Pathological Studies. Dissertation for the Degree of Doctor of Medicine]. From the German Pathological Institute in Prague, Prof. Chiari. Saint Petersburg: Printing House of S. P. Yakovlev, n.d. 57 p. (In Russian).
12. Smyslova, A.M. K voprosu o raspoznavanii smerti ot zamerzaniya: mikroskopicheskiye izmeneniya v legkikh pri deystvii nizkoy temperatury [On the Issue of Recognizing Death from Freezing: Microscopic Changes in the Lungs when Exposed to Low Temperatures]. Diss. ... Doctor of Medicine. Saint Petersburg: Graphic Institute Press of E. P. Lushkevich, 1909. 77 p. (In Russian).
13. Solunskova, M.M. K voprosu ob otlichii prizhiznennykh povrezhdeniy ot posmertnykh: izmeneniya v limfaticeskikh zhelezakh pri travmaticheskikh povrezhdeniyakh [On the Issue of Distinguishing Intravital from Postmortem Injuries: Changes in the Lymph Nodes in Traumatic Injuries]: Diss. ... Doctor of Medicine. Saint Petersburg: Ya. Trey Printing House, 1908. 36 p. (In Russian).
14. Bashford, A. Purity and Pollution: Gender, Embodiment and Victorian Medicine. London: Palgrave Macmillan, 1998. XVII, 188 p. <https://doi.org/10.1057/9780230501249>.

Сведения об авторах / Information about authors

Корнева Валерия Андреевна – аспирант Института Истории, Санкт-Петербургский государственный университет; Заведующая Музеем, ПСПбГМУ им. ак. И.П. Павлова.

E-mail: museum_pspbgnu@mail.ru

ORCID: 0009-0001-5005-3966

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Korneva Valeriia A. – Graduate Student, Institute of History, Saint Petersburg University; Head of the Museum, Pavlov First Saint Petersburg Medical University.

E-mail: museum_pspbgnu@mail.ru

ORCID: 0009-0001-5005-3966

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2026.

Одобрена после рецензирования 04.03.2026.

Принята 09.03.2026.

Received 01.02.2026.

Approved after reviewing 04.03.2026.

Accepted 09.03.2026.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [FYHOZL](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.7](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Глобализм и суверенизм в дискуссиях на многосторонних международных переговорах (на примере Конвенции ООН против киберпреступности)

Болгов Радомир Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 rbolgov@yandex.ru

Аннотация

Введение. По мере распространения проблемы киберпреступности по всему миру, в контексте конфликтной динамики между ведущими державами, государства все чаще расходятся во мнениях по таким вопросам, как демократия, права человека, безопасность, национальные интересы и т. д. Конвенция ООН против киберпреступности, инициированная Россией и подписанная в октябре 2025 года, является первым примером создания глобальной нормативной базы в области информационной безопасности. Цель данного исследования – определить механизмы достижения компромисса в глобальном регулировании киберпреступности, несмотря на противоположные позиции государств-членов ООН, представляющих как либерально-глобалистский, так и суверенистский подходы.

Методы и материалы. На первом этапе было проведено тематическое кодирование стенограмм вступительных заявлений государств-членов ООН. На втором этапе был закодирован текст проекта Конвенции, после чего был проведен поиск маркеров, специфичных для либерального глобализма и суверенизма, на основе экспертных оценок шести преподавателей Санкт-Петербургского государственного университета. Цель заключалась в определении того, относятся ли определенные ключевые понятия к либерализму/глобализму или суверенизму. На третьем этапе были изучены тексты обсуждений предлагаемых поправок.

Результаты. Выявлено, что в ходе обсуждений ни одно государство не присоединилось к группе стран, представляющих противоположный подход. Несмотря на это, нормативная двусмысленность, допуская широкое толкование положений документа, помогла избежать столкновения непримиримых позиций. Исследование подтвердило, что влиятельные субъекты, как правило, гораздо более заметны и оставляют больше дискурсивных следов, тогда как страны, чья радикальная позиция не находит значительной международной поддержки, часто выступают за существенные изменения.

Обсуждение и заключение. Предложенный в данной статье подход может быть адаптирован к различным ситуациям международных переговоров для понимания того, как государства преодолевают разногласия и достигают компромиссов.

Ключевые слова: политический дискурс; дискуссия; международные переговоры; Организация Объединенных Наций; киберпреступность

Для цитирования: Болгов Р.В. Глобализм и суверенизм в дискуссиях на многосторонних международных переговорах (на примере Конвенции ООН против киберпреступности) // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 106–115. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.7>. EDN: FYHOZL.

© Болгов Р.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Globalism and Sovereignism in Multilateral International Negotiations (a Case of the United Nations Convention against Cybercrime)

Radomir V. Bolgov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 rbolgov@yandex.ru

Abstract

Introduction. As the cybercrime issue spreads globally, in the light of conflict dynamics between leading powers, states increasingly disagree on issues such as democracy, human rights, security, national interests, etc. The UN Convention against Cybercrime, initiated by Russia and signed in October 2025, is the first example of a global normative framework for information security. The purpose of this study is to identify mechanisms for achieving compromise in global cybercrime regulation, despite the opposing positions of the UN member states representing both liberal globalist and sovereigntist approaches.

Methods and Materials. In the first stage, thematic coding of the transcripts of opening statements by UN member states was conducted. In the second stage, the text of the draft Convention was coded, followed by a search for markers specific to liberal globalism and sovereigntism, based on expert assessments by six faculty members of St. Petersburg State University. The objective was to determine whether certain key concepts relate to liberal globalism or sovereigntism. In the third stage, the texts of the discussions on the proposed amendments were examined.

Results. The study revealed that during the discussions, no state joined the group of countries representing the opposite approach. Despite this, the normative ambiguity, by allowing for a broad interpretation of the document's provisions, helped avoid a clash of irreconcilable positions. The study also confirmed that influential actors tend to be much more visible and leave a greater discursive footprint, while countries whose radical positions lack significant international support often advocate for significant changes.

Discussion and Conclusion. The approach proposed in this article can be adapted to various international negotiation situations to understand how states overcome differences and reach compromises.

Keywords: Political Discourse; Debate; International Negotiations; United Nations; Cybercrime

For citation: Bolgov, R.V. Globalism and Sovereignism in Multilateral International Negotiations (a Case of the United Nations Convention against Cybercrime). *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 106–115. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.7>. EDN: FYHOZL.

© Bolgov, R.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Тематика регулирования киберпреступности в последнее время прочно утвердилась в глобальной повестке дня, учитывая непредсказуемые последствия для таких областей, как демократия, права человека, безопасность, суверенитет и т.д. [1]. Наиболее значительные попытки международного регулирования кибербезопасности предпринимаются в рамках международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН) и ее специализированные учреждения, в частности, Международный союз электросвязи. Кроме того, следует упомянуть такие организации, как Совет Европы, Европейский союз, Шанхайская организация сотрудничества, а также неформальные переговорные платформы, такие как G7 и БРИКС.

В то же время существующая конфликтная динамика в отношениях между ведущими державами [2] не дает оснований для оптимизма в отношении достижения глобальных соглашений [3]. Ведущие державы, видя трудности достижения такого рода соглашений на своих условиях, пытаются осуществлять регулирование вне международных платформ. В этом контексте Конвенция ООН против киберпреступности как инструмент установления международных стандартов стала одним из первых примеров глобального регулирования кибербезопасности. С 2017 года государства-члены ООН вели переговоры об общей структуре соглашения. При этом в научных и экспертных кругах данная проблематика обсуждалась еще как минимум за 10 лет до этого [4].

В 2019 году Генеральная Ассамблея приняла его в качестве резолюции 74/247. Был создан Специальный комитет по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, который начал процесс разработки и переговоров. На этом этапе переговоров государствам с либеральной ориентацией удавалось продвигать свою повестку, в частности, такие аспекты, как защита прав человека и гендерного равенства. Однако государства, ориентированные на суверенизм¹, стали успешнее продвигать свою тематику, делая упор на защиту суверенитета и безопасности, что вызывало критику со стороны государств, придерживающихся либерально-глобалистского подхода [5]. Несмотря на напряженные переговоры, государства приняли соглашение на Генеральной Ассамблее ООН в Ханое, (Вьетнам), в декабре 2024 г.

С нормативной точки зрения, несмотря на «не имеющий юридических обязательств» характер документа, сложность переговоров объясняется тем, что государства осознают, что это «мягкое право» в сфере регулирования киберпреступности. Это может привести к «жестким» нормативным обязательствам, которые создают глобальный прецедент и требуют соблюдения со стороны государств [6]. В ходе переговоров ни одно государство принципиально не изменило свою первоначальную позицию и не присоединилось к группе стран, представлявших противоположный подход. Напротив, все государства стояли на своем до последнего момента, и, несмотря на это, они пришли к компромиссу по данному вопросу. Это

¹ Суверенизм – политическая идеология, выступающая за полный суверенитет, политическую независимость нации с целью защиты национальных интересов, экономики и культуры от внешнего влияния. Она противопоставляется глобализму и наднациональным структурам.

стало возможным благодаря наличию в итоговом документе ряда сложных и многозначных формулировок.

Р. Саква рассматривает такие подходы, как либеральный интернационализм, который в настоящее время ассоциируется с Соединенными Штатами и их союзниками, и консервативный (суверенный) интернационализм, который ассоциируется с Россией, Китаем и их союзниками в рамках Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС [7]. Консервативная интернационалистская модель подчеркивает суверенное принятие решений национальными государствами, но также признает важность интернационализма, включая приверженность институтам ООН. Каждый из этих подходов имеет свою логику, но в различных моментах их нормативные принципы пересекаются друг с другом. Это позволяет выявлять как спорные моменты, так и области согласия, например, в защите многосторонних институтов глобального управления или в борьбе с изменением климата. Соответственно, это говорит о том, что международная система сегодня не столько хаотична, сколько находится «в процессе перехода от ранее гегемонистской структуры к более плюралистической, в которой может быть признана нормативная значимость других» [7, р. 8]. Однако до тех пор, пока один миропорядок не только претендует на универсальность, но и борется за сохранение своего первенства, хаос будет усиливаться.

Цель данного исследования – определить механизмы достижения компромисса в глобальном регулировании киберпреступности, несмотря на противоположные позиции государств-членов ООН, представляющих как либерально-глобалистский, так и суверенистский подходы. Разрыв в понимании проблемы, целей и средств выявляет различные многозначные механизмы, который мы, следуя В. Пульо и Ж.-Ф. Терьену [8], а также Ф. Коста-Буранелли [9], называем многозначными компромиссами, в рамках которых участники могут интерпретировать результаты переговоров в желаемом направлении. Этот подход проиллюстрирован в Таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Исследовательская концепция ценностей В. Пульо и Ж.-Ф. Терьена
V. Pouleau and J.-P. Therrien's Research Concept of Values

	Раскол в ценностях	Многозначные компромиссы
Какова проблема?	Плохое управление против системного неравенства	Глобальные меры реагирования на глобальные вызовы недостаточны
Какова цель?	Глобальное управление должно быть более эффективным и демократичным	Необходимо укреплять международное сотрудничество и верховенство права
Каким образом?	Тонкая настройка и структурная реформа многосторонней системы	Принципы Устава ООН должны соблюдаться

Источник: [8]

Как пишут В. Пульо и Ж.-Ф. Терьен, самая большая сложность в анализе ценностей заключается в организации разрозненных политических заявлений в ограниченный набор ценностей. Лучшее решение здесь – действовать индуктивно,

читая множество материалов из широкого круга источников до тех пор, пока не начнут проявляться сходства [8].

Глобальная политика неизменно строится вокруг противостояния нормативных позиций. В качестве примера приводятся межправительственные переговоры о приоритете суверенитета над демократией [8]. Важно отметить, что на глобальном уровне ценности не просто многочисленны или разнообразны – они также по своей природе конфликтны, а это означает, что их защита часто приводит к интенсивным дебатам и политическим столкновениям. Таким образом, глобальное управление, построенное на основе случайного сочетания ценностей, понимаемых как публично обсуждаемые политические идеалы данной группы людей, всегда является продуктом конкурирующих идеологий и принимает форму масштабных лоскутных одеял [8].

Мы согласны с подходом В. Пульо и Ж.-Ф. Терьена, согласно которому при анализе дискуссии о ценностях следует уделять равное внимание как доминирующим, так и более слабым участникам, с особым акцентом на отвергнутые идеи [8]. Такой подход позволяет концептуализировать и эмпирически проиллюстрировать многосторонние переговоры для достижения компромисса.

Согласно подходу, представленному в рамках прагматической социологии [10], для объяснения нормативных компромиссов в многосторонних переговорах необходимо выявить элементы нормативности в повседневной деятельности участников. Этот подход позволяет концептуализировать и эмпирически проиллюстрировать практики многосторонних переговоров, направленные на достижение компромисса. Кроме того, этот подход предлагает два механизма достижения компромисса. Первый механизм – это объединение различных нормативных позиций в рамках согласованного текста. Второй механизм – нормативная двусмысленность, т.е. придание спорным понятиям и терминам двусмысленности, что позволяет различным участникам переговорного процесса интерпретировать эти термины таким образом, чтобы это было приемлемо для каждой из сторон.

Исследовательский подход

Мы не утверждаем существование идеального типа либерально-глобалистской и суверенистической позиции в отношении регулирования киберпреступности, а скорее обобщаем эмпирический материал в соответствии с предложенной ниже методологией. При проведении численной оценки примеров единиц анализа, упомянутых в рассматриваемых текстах, следуя подходу, предложенному Н. Трегубовым [11], автор привлек к работе шесть экспертов-преподавателей Санкт-Петербургского университета. Цель заключалась в определении того, к какому подходу относятся определенные ключевые понятия – к либерализму/глобализму или суверенизму. В результате было получено шесть независимых экспертных оценок всех случаев использования субъектами соответствующих единиц анализа. 11 из 13 полученных коэффициентов корреляции превысили 0,6, что свидетельствует об удовлетворительном уровне консенсуса среди экспертов относительно оценки.

На первом этапе было проведено тематическое кодирование стенограмм вступительных заявлений государств-членов ООН. На втором этапе был закодирован текст проекта Конвенции, после чего на основе экспертных оценок был проведен

поиск маркеров, специфичных для либерального глобализма и суверенизма. На третьем этапе были изучены тексты обсуждений предлагаемых поправок.

Результаты

Большинство государств, как это часто бывает во вступительных заявлениях, подтвердили свою общую поддержку документа, указав лишь на незначительные различия в позициях. Общая критика проекта текста присутствовала лишь в заявлениях Ирана и Российской Федерации, но они также подали сигнал о готовности вести переговоры.

Первый общий момент обоих подходов заключается в том, что государства согласны, что появление киберпреступности требует защиты общих благ и возможностей для их получения. Либеральные позиции (Норвегия и Германия) были сосредоточены на защите индивидуальной свободы и угрозы неприкосновенности частной жизни. В свою очередь, суверенистские позиции (Россия) также подчеркивали важность защиты, но с упором на безопасность, автономию и суверенитет. В то же время государства, представляющие различные подходы (например, Нидерланды), подчеркивали, что преимущества сотрудничества в борьбе с киберпреступностью носят универсальный характер, поскольку способствуют реализации глобальной повестки дня в области устойчивого развития.

Второй общий момент заключается в том, что представители обоих подходов подчеркивали сообщество, но они понимали это по-разному. С либеральной точки зрения, сообщество – это человечество в целом. Более суверенистские позиции сосредоточены на сообществах, созданных вокруг государств и культур.

В-третьих, оба подхода делают акцент на этических ценностях. Либералы утверждают, что обсуждение должно быть сосредоточено на глобальных ценностях, а не на конкретике, и поэтому стремятся к глобальному консенсусу, основанному на минимальной этической системе, приемлемой для всего человечества, поскольку права человека универсальны (Швейцария). Однако сторонники суверенистского подхода не пренебрегают разработкой универсального подхода, но отмечают, что реагирование на киберпреступность требует учета местного контекста, уравновешенного международными нормами (Катар).

В-четвертых, представители обоих подходов определили дискриминацию и неравенство как недостатки, которые необходимо устранить. Государства, ориентированные на либерализм, подчеркнули приоритет продвижения гендерного равенства (Австрия). Однако государства, ориентированные на суверенитет, отмечали, что сексуальная ориентация и гендер являются спорными темами для государств-членов ООН, и что представления о них глубоко укоренены в национальных культурах (Алжир).

Проект Конвенции был подготовлен во время консультаций на заседание Специального комитета. Данный текст был отредактирован после получения комментариев от государств.

Общие данные об использовании ключевых понятий, относящихся к суверенитету и либеральному глобализму, в тексте проекта Конвенции представлены в Таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

**Ключевые понятия суверенизма и либерального глобализма,
представленные в проекте Конвенции***

Key Concepts of Sovereignism and Liberal Globalism Presented in the Draft Convention

Суверенизм	Количество упоминаний
Нация/Государство	65
Суверенитет	55
Безопасность	24
Партикуляризм	3
Национальное право	27
Либеральный глобализм	
Многосторонность	55
Универсальный	21
Глобальный	24
Мир	18
Человек права	63
Гендерное равенство	7
Конфиденциальность	22
Свобода	14

*составлено автором

С точки зрения структуры, контент-анализ проекта Конвенции показывает, как ключевые концепции, соответствующие либеральному и суверенистскому подходу, отражены в этом тексте. «Нация/государство» и «права человека» являются наиболее употребляемыми терминами. Проект документа допускал гибкую интерпретацию, объединяя универсальную систему ценностей, принципов и действий, призванную направлять государства в разработке соответствующих документов, политики или других инструментов, касающихся киберпреступности, без ущерба для существующего международного права.

На заключительном этапе переговоров состоялось интенсивное обсуждение поправок. Переговоры по проекту, проходившие в 2024 году, включали последовательное обсуждение каждого параграфа документа. Неизмененные пункты были одобрены без обсуждения, но в большинстве случаев предложенные поправки обсуждались. Для облегчения обсуждения государствам-членам было предложено представить поправки в Секретариат, который должен был рассмотреть их поправки к заявлениям на пленарном заседании. Представитель Секретариата зачитывал параграф с предложенными поправками, и Председатель запрашивал любые возражения, прежде чем подтвердить. Если возникали возражения против поправки, начиналось обсуждение. В общей сложности государства предложили около 500 поправок к проекту текста. Анализ наиболее спорных вопросов в ходе переговоров показывает, что исход обсуждения/принятия каждой поправки зависел от степени ее многозначности. Например, включение двух слов в первый параграф («всеобъемлющий», «многокультурный»), демонстрирующих как уважение к различным культурам, так и универсальность, было принято, поскольку различные государства признали это соответствующим принципам многогранности и учета особенностей. Представитель Германии пояснил: «Это важно для нас, даже если на

первый взгляд в этом нет содержания, но концепция мультикультурализма соответствует терминологии, используемой ООН».

В ходе этой дискуссии 12 государств приняли участие в коллективной разработке текста с целью его приведения к универсальному применению. Предложение Великобритании заменить в тексте «субъекты киберпреступности» на «государства-члены» было оспорено, поскольку Бразилия, Иран, Египет и Куба утверждали, что обязательства в отношении прав человека должны быть универсальными и не ограничиваться государствами-членами. Поэтому, для достижения компромисса группа стран (Германия, Польша и Мексика) предложила включить в текст как «субъекты киберпреступлений», так и «государства-члены», что допускает более широкое толкование, но также подчеркивает уникальную роль государств.

Что касается отклоненных поправок, в частности, Иран выдвинул ряд оговорок, которые поставили под сомнение проект документа, но они были отклонены. Некоторые поправки предусматривали включение отсылки к национальному законодательству о данных, а также добавление пункта об «экстерриториальном воздействии» в отношении частных компаний, действующих на международной арене; исключение из терминологии «защиты осведомителей», «гендерного разнообразия» и «приоритета прав человека».

Заключение

Принятие Конвенции стало первым примером глобального регулирования киберпреступности за последние годы. Несмотря на ее необязательный характер, документ был принят после интенсивных обсуждений и многочисленных поправок. Был достигнут компромисс, отражающий как либерально-глобалистские, так и суверенистские позиции. Нормативная двусмысленность, допускающая широкое толкование положений документа, помогла избежать столкновения непримиримых позиций. Теоретически, данное исследование подтвердило концепцию многозначных компромиссов [8]. Разрывы в ценностях выявляют различные двусмысленные механизмы. Достигнув подобия консенсуса по какому-либо вопросу, государства имеют возможность интерпретировать конечный результат этого процесса принятия решений по своему усмотрению. В то же время такая двусмысленность может привести к избирательному применению положений. Пример, рассмотренный в исследовании, демонстрирует потенциал «мягкого права», но переход к консенсусному «жесткому» глобальному регулированию в настоящее время представляется сложным. Время покажет, действительно ли этот глобальный документ приведет к появлению универсальной нормативной базы. До сих пор существует немного подобных успешных примеров достижения глобального компромисса. Гораздо больше примеров отсутствия консенсуса по ключевым вопросам международной повестки дня, в том числе касающимся регулирования информационно-коммуникационных технологий [12].

Исследование также подтвердило идеи В. Пульо и Ж.-Ф. Терьена о том, что влиятельные игроки, как правило, гораздо более заметны и оставляют больше дискурсивных следов (США, Китай, Россия), в то время как страны, чья радикальная позиция не находит значительной международной поддержки (например, Иран), часто

выступают за существенные изменения [8]. Однако наша работа не подтвердила их наблюдение о том, что проекты соглашений или коммюнике содержат фрагменты, которые впоследствии исключаются из итогового документа, что еще раз указывает на то, что окончательный результат представляет собой триумф одной позиции над рядом отвергнутых вариантов.

Предложенный в данной статье подход может быть адаптирован к различным ситуациям международных переговоров для понимания того, как государства преодолевают разногласия и достигают компромиссов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Feldstein, S. *The Rise of Digital Repression. How Technology Is Reshaping Power, Politics, and Resistance*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 336 p.
2. Bolgov, R., Chernov, I., Ivannikov, I., Katsy D. *Battle in Twitter: Comparative Analysis of Online Political Discourse (cases of Macron, Trump, Putin, and Medvedev)* // *Communications in Computer and Information Science*. 947. Springer, Cham, 2019. P. 374–383. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13283-5_28.
3. Болгов Р.В. Деятельность ООН в области информации и международные аспекты информационной безопасности России // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10. № 1. P. 59–69. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10004>. EDN: YTJNWX.
4. Vogel, J. *Towards a Global Convention against Cybercrime* // *First World Conference of Penal Law. Penal Law in the XXIst Century*. 18–23 November 2007. Guadalajara (Mexico). [эл. доступ]. URL: <https://www.penal.org/wp-content/uploads/2025/09/Guadalajara-Vogel.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Tropina, T. ‘This is Not a Human Rights Convention!’: The Perils of Overlooking Human Rights in the UN Cybercrime Treaty // *Journal of Cyber Policy*. 2024. Vol. 9. Iss. 2. P. 200–220. <https://doi.org/10.1080/23738871.2024.2419517>.
6. Shelton, D. *Soft Law* // *Routledge Handbook of International Law*. Edited by David Armstrong. London and New York: Routledge, 2008. P. 68–80.
7. Sakwa, R. *The International System and Models of Global Order* // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 8–31. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-8-31>. EDN: IAQMO.
8. Pouliot, V., Thérien, J.-P. *Global Policymaking: The Patchwork of Global Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 280 p.
9. Costa-Buranelli, F. “Do you Know What I Mean?” “Not exactly”: English School, Global International Society and the Polysemy of Institutions // *Global Discourse. An interdisciplinary journal of current affairs*. 2015. Vol. 5. Iss. 3. P. 499–514. <https://doi.org/10.1080/23269995.2015.1053195>.
10. Boltanski, L., Thévenot, L. *On Justification: Economies of Worth*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 400 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1zm2tzm>.
11. Трегубов Н.А. Артикуляция представлений о политической модернизации в риторике В.В. Путина и Д.А. Медведева: попытка сравнительного контент-анализа // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2010. № 3 (11). С. 69–81. EDN: LNOTWO.
12. Bolgov, R., Filatova, O., Yag'ya, V. *The United Nations and Russian Initiatives on International Information Security* // *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS 2018*. P. 31–38.

REFERENCES

1. Feldstein, S. *The Rise of Digital Repression. How Technology Is Reshaping Power, Politics, and Resistance*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 336 p.
2. Bolgov, R., Chernov, I., Ivannikov, I., Katsy D. *Battle in Twitter: Comparative Analysis of Online Political Discourse (cases of Macron, Trump, Putin, and Medvedev)*. *Communications in Computer and Information Science*. 947. Springer, Cham, 2019. P. 374–383. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13283-5_28.

3. Bolgov, R.V. UN Activities in the Field of Information and International Aspects of Information Security in Russia. *Comparative Politics*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 59–69. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10004>. EDN: YTJNWX.
4. Vogel, J. Towards a Global Convention against Cybercrime. *First World Conference of Penal Law. Penal Law in the XXIst Century*. 18–23 November 2007. Guadalajara (Mexico). Available at <https://www.penal.org/wp-content/uploads/2025/09/Guadalajara-Vogel.pdf> (accessed: 20.04.2026).
5. Tropina, T. ‘This is Not a Human Rights Convention!’: The Perils of Overlooking Human Rights in the UN Cybercrime Treaty. *Journal of Cyber Policy*. 2024. Vol. 9. Iss. 2. P. 200–220. <https://doi.org/10.1080/23738871.2024.2419517>.
6. Shelton, D. Soft Law. *Routledge Handbook of International Law*. Edited by David Armstrong. London and New York: Routledge, 2008. P. 68–80.
7. Sakwa, R. The International System and Models of Global Order. *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 8–31. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-8-31>. EDN: IAOQMO.
8. Pouliot, V., Thérien, J.-P. Global Policymaking: The Patchwork of Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 280 p.
9. Costa-Buranelli, F. “Do you Know What I Mean?” “Not exactly”: English School, Global International Society and the Polysemy of Institutions. *Global Discourse. An Interdisciplinary Journal of Current Affairs*. 2015. Vol. 5. Iss. 3. P. 499–514. <https://doi.org/10.1080/23269995.2015.1053195>.
10. Boltanski, L., Thévenot, L. On Justification: Economies of Worth. Princeton: Princeton University Press, 2006. 400 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1zm2tzm>.
11. Tregubov, N.A. Artikulyatsiya predstavleniy o politicheskoy modernizatsii v ritorike V.V. Putina i D.A. Medvedeva: popytka sravnitel'nogo kontent-analiza [Articulation of Ideas about Political Modernization in the Rhetoric of V.V. Putin and D.A. Medvedev: An Attempt at Comparative Content Analysis]. // *Bulletin of Perm University. Political science*. 2010. No. 3 (11). P. 69–81. (In Russian). EDN: LNOTWO.
12. Bolgov, R., Filatova, O., Yag'ya, V. The United Nations and Russian Initiatives on International Information Security. *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS 2018*. P. 31–38.

Сведения об авторах / Information about authors

Болгов Радомир Викторович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Bolgov Radomir V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of World Politics Department, Faculty of International Relations; Saint Petersburg State University.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026.
Одобрена после рецензирования 21.04.2026.
Принята 21.04.2026.

Received 20.04.2026.
Approved after reviewing 21.04.2026.
Accepted 21.04.2026.

научная статья / research article

УДК: 351/864.5

EDN: [HRJDPP](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.8](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Влияние специальной военной операции на состояние военно-технического сотрудничества Российской Федерации

Сидоров Анатолий Алексеевич
независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
 Vip.SAA58@mail.ru

Кефели Игорь Федорович
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия
geokefeli@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования связана с нарастающей напряжённостью в системе международных отношений, выдвигающей на первый план вопросы безопасности, «ядром» которых является военная мощь, а одним из инструментов ее наращивания – военно-техническое сотрудничество между странами. Цель исследования заключается в оценке влияния СВО на Украине на состояние военно-технического сотрудничества Российской Федерации. Достижение поставленной цели ставит ряд исследовательских вопросов: как повлиял боевой опыт специальной военной операции на Украине на изменение мирового рынка вооружений; какие политико-экономические изменения произошли в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации после февраля 2022 года; с какими вызовами и угрозами сталкивается в настоящее время система военно-технического сотрудничества Российской Федерации? Ответы на эти вопросы требуют проведения междисциплинарного анализа на «стыке» политической, экономической и военной науки.

Методы и материалы. В работе использовались общенаучные методы исследования, а также методы проблемного анализа, OSINT-анализа и SWOT-анализа. Комплекс материалов включает в себя теоретические работы, исследующие вопросы международной, региональной и национальной безопасности, аналитические материалы, содержащие открытые данные о географии, номенклатуре и стоимости военно-технических поставок, верифицированные методами OSINT-анализа, а также научно-исследовательские статьи по проблематике современных вооруженных конфликтов на евразийском пространстве.

Результаты. Боевой опыт специальной военной операции выявил широкое применение роботизированных платформ, высокоточных средств огневого поражения, современных средств разведки, связи и управления, в том числе на основе использования искусственного интеллекта, и отразился на изменении состояния мирового рынка вооружений. Фиксируется значительный рост мирового рынка вооружений и снижение на нем удельной доли России; утрата нашей страной доминирующего положения на традиционных экспортных рынках; переход к ситуативному военно-техническому сотрудничеству, определяющемуся

краткосрочными политическими и военными целями; нарастающее проникновение на постсоветское пространство зарубежных производителей вооружения; сокращение готовой к поставкам на внешние рынки российской продукции военного назначения. Проведенный в работе SWOT-анализ позволил выявить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы современного военно-технического сотрудничества России.

Заключение. Обоснованы направления развития военно-технического сотрудничества России в современных условиях. Перспективы исследования связаны с углубленным анализом межстрановых поставок, а также номенклатуры продукции военного назначения.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество; специальная военная операция; вооружение; военная техника; безопасность

Для цитирования: Сидоров А.А., Кефели И.Ф. Влияние специальной военной операции на состояние военно-технического сотрудничества Российской Федерации // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 116–130. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.8>. EDN: HRJDPP.

© Сидоров А.А., Кефели И.Ф. 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Impact of the Special Military Operation on the State of Military-Technical Cooperation of the Russian Federation

Anatoliy A. Sidorov

Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia
 Vip.SAA58@mail.ru

Igor F. Kefeli

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia
geokefeli@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this research topic is related to the growing tensions in the system of international relations, which are bringing to the forefront security issues, the core of which is military power, and one of the tools for its expansion is military-technical cooperation between countries. The purpose of the study is to assess the impact of the special military operation in Ukraine on the state of military-technical cooperation between the Russian Federation. Achieving this goal raises a number of research questions: how has the combat experience of the special military operation in Ukraine influenced changes in the global arms market; what political and economic changes have occurred in the field of military-technical cooperation between the Russian Federation since February 2022; what challenges and threats does the system of military-technical cooperation with the Russian Federation currently face? Answers to these questions require an interdisciplinary analysis at the intersection of political, economic, and military science.

Methods and materials. The study utilized general scientific research methods, as well as problem analysis, OSINT analysis, and SWOT analysis. The materials include theoretical papers examining issues of international, regional, and national security; analytical materials containing factual data on the geography, nomenclature, and cost of military-technical supplies verified by OSINT analysis; and research articles on contemporary armed conflicts in Eurasia.

Results. Combat experience during the special military operation revealed the widespread use of robotic platforms, high-precision weapons, and modern reconnaissance, communications, and control systems, including those based on artificial intelligence, and has affected the changing state of the global arms market. Significant growth in the global arms market and a decline in Russia's share are recorded; our country has lost its dominant position in traditional export markets; a

transition to ad hoc military-technical cooperation driven by short-term political and military objectives; the increasing penetration of foreign arms manufacturers into the post-Soviet space; and a reduction in the number of Russian military products ready for export. A SWOT analysis was conducted to identify the strengths, weaknesses, opportunities, and threats of Russia's current military-technical cooperation.

Conclusion. The study substantiates areas for the development of Russian military-technical cooperation in the current context. Future research prospects lie in an in-depth analysis of intercountry deliveries and the range of military products.

Keywords: military-technical cooperation; special military operation; weapons; military equipment; safety

For citation: Sidorov, A.A., Kefeli, I.F. The Impact of the Special Military Operation on the State of Military-Technical Cooperation of the Russian Federation. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 116–130. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.8>. EDN: HRJDPP.

© Sidorov, A.A., Kefeli, I.F., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Актуальность исследования связана с нарастающей напряжённостью в системе международных отношений, выдвигающей на первый план вопросы безопасности, «ядром» которых является военная мощь, а одним из инструментов ее наращивания – военно-техническое сотрудничество (далее – ВТС) между странами. Российское законодательство определяет военно-техническое сотрудничество как деятельность в области международных отношений, связанную с вывозом, ввозом, поставкой, закупкой, разработкой и производством продукции военного назначения (далее – ПВН) – то есть вооружения и военной техники (далее – ВиВТ), а также работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности и информации в военно-технической области, за исключением той, которая подлежит открытому опубликованию¹.

Военно-техническое сотрудничество формирует взаимозависимость и союзнические связи между страной-поставщиком ПВН и страной-реципиентом. Закупки ПВН заставляют страну-реципиента поддерживать многолетние связи с государством-экспортером. Поставленное ВиВТ требуют обслуживания техническими специалистами страны-экспортера, поставок боеприпасов, периодической модернизации и подготовки собственных специалистов, способных эксплуатировать поставленное ВиВТ. Поставка ПВН в зону вооруженных конфликтов является рекламой её тактико-технических характеристик, а также возможностью апробации в боевых условиях. Согласимся с мнением С. В. Чемезова о том, что военно-техническое сотрудничество является инструментом продвижения одновременно внешнеполитических, военно-стратегических и экономических интересов страны-поставщика, а также имеет важное значение для развития технологического потенциала оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) [1, с. 29]. Валютные поступления от экспортных поставок ПВН играют важную роль в обеспечении текущими заказами и инновационном развитии предприятий ОПК (например,

¹ Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19457/2daf50f586c69eac11512c1faa4309699b52ec9b/ (дата обращения: 28.02.2026).

российские поставки ВиВТ обеспечивают до 45% экспортных доходов от поставки машин и оборудования [2, с. 32]).

Вынужденное начало 24 февраля 2022 г. Российской Федерацией специальной военной операции (далее – СВО) привело к фундаментальным изменениям в системе международных отношений, в мировой и национальной экономике. В ответ на российскую СВО страны коллективного Запада ввели масштабные санкции (заморозили российские валютные резервы, отключили российские банки от глобальных платежных систем, объявили внешнеторговую блокаду российской экономики), а также развернули глобальную информационную кампанию по дискредитации России, «обнулению» ее исторических, культурных, спортивных и других достижений. Серьезное влияние СВО оказала также на изменение современных представлений о военном деле, а также на систему ВТС.

Цель исследования заключается в оценке влияния СВО на Украине на состояние военно-технического сотрудничества Российской Федерации. Достижение поставленной цели ставит ряд исследовательских вопросов. Во-первых, как повлиял боевой опыт специальной военной операции на Украине, наряду с другими современными вооруженными конфликтами, на изменение мирового рынка вооружений? Во-вторых, какие политико-экономические изменения произошли в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации после февраля 2022 г.? В-третьих, с какими вызовами и угрозами сталкивается в настоящее время система военно-технического сотрудничества Российской Федерации? Ответы на эти вопросы требует проведения междисциплинарного анализа на «стыке» политической, экономической и военной науки.

Материалы и методы

В основу исследования положен комплекс материалов, включающий в себя теоретические работы, исследующие вопросы международной, региональной и национальной безопасности, аналитические материалы, содержащие фактические данные о географии, номенклатуре и стоимости военно-технических поставок, верифицированные методами OSINT-анализа, а также научно-исследовательские статьи по проблематике современных вооруженных конфликтов на евразийском пространстве.

Теоретической основой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых по вопросам военно-технического сотрудничества, экономики оборонно-промышленного комплекса и международным отношениям. Проблемам военно-технического сотрудничества России в условиях специальной военной операции, в том числе на отдельных географических рынках, посвятили свои работы С.А. Астахов, В.И. Гончаренко, Н.Н. Швец [3], А.А. Жильченко, М.Н. Пасько [2], П.С. Селезнев, К.А. Татулян и К.Р. Гафурова [4]. Вопросы военной экономики и правового регулирования вопросов ВСТ рассматривались в работах С.В. Чемезова, С.С. Гореславского [1], А.И. Балашова [5], А.В. Габова, В.А. Лаптева [6], Ж.С. Манукяна [7] и Д.А. Репикова [8]. Влияние боевого опыта современных вооруженных конфликтов на изменение характера военно-технического сотрудничества Российской Федерации освещено в работах О.Н. Барабанова, Е.В. Наумовой [9], А.Д. Гаврилова,

И.В. Грудина, Д.Г. Майбурова, В.А. Новикова [10], С.И. Макаренко [11] и В.В. Трушина [12].

В работе использовались общенаучные методы исследования, а также методы проблемного анализа, OSINT-анализа и SWOT-анализа, позволившие комплексно оценить влияние боевого опыта специальной военной операции на Украине, а также связанных с ней международно-политических и экономических изменений, на состояние военно-технического сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами. Избранные методы исследования способствовали достижению поставленной цели и решению обозначенных исследовательских вопросов.

Результаты исследования и их обсуждение

Проводимая Вооруженными Силами Российской Федерации (далее – ВС РФ) специальная военная операция привела к серьезным изменениям в ходе боевых действий, которые военными специалистами оцениваются как революция в военном деле [10, с. 57], а сама специальная военная операция определяется В. В. Трушиным как «рубежная война», содержание которой не укладывается в существующие каноны военного дела [12, с. 12].

В отличие от предшествующих региональных вооруженных конфликтов низкой интенсивности, СВО на Украине явила собой противоборство двух высокотехнологических регулярных вооруженных сил. Широкое применение в ходе СВО беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), барражирующих дронов-камикадзе (далее – FPV-дронов), морских безэкипажных катеров (далее – БЭК), наземных роботизированных платформ, а также современного дальнего вооружения, средств разведки, связи и управления изменили способы ведения боевых действий. Активное использование противником БПЛА на линии боевого соприкосновения (далее – ЛБС) снизило мобильность пехотных подразделений, возможности использования ими бронетехники, развитие тактического успеха, материальную логистику и эвакуацию раненных.

Современные средства разведки позволяют сегодня оперативно обнаруживать концентрацию атакующих и в режиме реального времени корректировать действия средств огневого поражения, что делает достижение внезапности удара фактически невозможным. Применение управляемых снарядов и авиабомб с универсальными модулями планирования и коррекции, а также в кассетном и термобарическом снаряжении многократно повысило эффективность огневого поражения целей. Насыщенность противоборствующих сторон управляемыми переносными противотанковыми (ПТРК) и зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК), использование кассетных боеприпасов и FPV-дронов, «выбивает» с ЛБС танки и другие боевые бронированные машины (далее – ББМ), а также затрудняет применение боевых вертолетов и штурмовой авиации. Продвижение штурмовых групп сопровождается значительными потерями и вместо уничтожения противника зачастую приводит к его оттеснению [11, с. 26–28]. Воздушные бои характеризуются использованием авиации без захода в зону поражения средств противовоздушной обороны (далее – ПВО) противника, а ключевой особенностью противовоздушного боя является использование средств ПВО и противоракетной обороны (далее – ПРО) в большей степени не против авиации противника, а против БПЛА, крылатых и баллистических

ракет, высокоточных артиллерийских боеприпасов. Морской бой характеризуется применением БЭКов для уничтожения крупных надводных боевых кораблей, пунктов базирования флота и береговой инфраструктуры [12, с. 9].

Проведем междисциплинарный анализ влияния разнородных (военных, внешнеполитических, экономических и др.) факторов, порожденных (либо катализированных) СВО на Украине, на изменение ВТС России.

1. Рост мирового рынка вооружений, вызванный началом крупного вооруженного конфликта на Украине, перевооружением Европейского Союза, нарастанием военной опасности на Ближнем Востоке и в других регионах мира. По данным Центра анализа мировой торговли оружием (далее – ЦАМТО), в 2024 г. объем мирового экспорта обычных вооружений достиг самого высокого уровня с момента окончания «холодной войны» (111,615 млрд. долл.) [3, с. 337], увеличившись по сравнению с 2021 г. на 34,5%. Количественный рост мирового рынка ПВН сопровождался обновлением систем вооружения и изменением номенклатуры поставляемого странам-реципиентам в рамках ВТС ВиВТ. Так, в условиях СВО на Украине, США существенно нарастили поставки современного ВиВТ своим странам-союзникам для замены устаревших вооружений, переданных ими в качестве военной помощи киевскому режиму.

2. Снижение доли Российской Федерации на глобальном рынке ПВН.

До начала СВО на Украине в 2021 г. доля России на глобальном рынке вооружений оценивалась Стокгольмским международным институтом исследований проблем мира (далее – SIPRI) в 19% с ежегодной стоимостью поставок ВиВТ в 14–15 млрд. долл. и вторым местом в ТОП-10 мировых экспортеров оружия после США².

После двух лет СВО, к 2024 г. доля Россия на глобальном рынке вооружений снизилась, по оценкам ЦАМТО, до 12,32%. При этом Россия по-прежнему занимает 2-е место в ТОП-10 мировых экспортеров вооружения, уступая только США (37,92%) и значительно превосходя Францию (6,90%), Южную Корею, Италию (по 5,10%), Германию (4,86%), Швецию (3,81%), Израиль (3,73%), Норвегию (2,95%) и Китай (2,88%) [3, с. 337]. Альтернативные данные SIPRI оценивали в 2024 г. долю России на мировом рынке ПВН гораздо скромнее – в 6,2%, пропуская вперед не только США с долей в 43%, но и Францию – 8,4%, Германию – 7,6% и Китай – 7,2%. Такая существенная разница в оценках, фиксирующая, тем не менее, объективное сокращение российского экспорта ВиВТ после 2022 г., связывается с нетранспарентностью предоставляемых Россией данных – после принятия в 2017 г. закона США «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (англ. The Countering America's Adversaries Through Sanctions Act – CAATSA) российская сторона перестала раскрывать информацию по контрактам на поставку ВиВТ с целью сокрытия стран-получателей российских вооружений от вторичных санкций США и Евросоюза [3, с. 338].

² Ракеты, истребители и танки: какое оружие продает Россия и кто покупает его на миллиарды долларов? 11.11.2022 // Лента.ру: [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2022/11/11/arms_trade/ (дата обращения: 05.03.2026).

3. Утрата доминирующего положения на традиционных для России экспортных рынках ВиВТ. По мере освоения зарубежными получателями российского вооружения, страны-реципиенты переходят к импортозамещению.

Так после 2005 г. Китай прекратил крупные закупки ВиВТ в России, что привело в период 2007–2011 г. к значительному сокращению объемов российско-китайского ВТС. За предшествующие 13 лет Китай, находившийся под санкциями США и европейских стран из-за событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., сумел закрыть свои текущие потребности, закупив у России 180 истребителей Су-21, Су-30МКК и Су-30МК2, 1200 ракет «воздух-воздух», 300 авиационных двигателей АЛ-31ФН (для китайских истребителей «Цзянь-10»), 1000 управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М», крылатые ракеты ЗМ-80Э «Москит», ЗРК С-300П/МПУ-1, С-300П/ПМХ-2 и «Тор-М1», 12 дизель-электрических подводных лодок проектов 636 и 877ЭКМ, 4 эскадренных миноносца типа «Современный», а также лицензии на производство истребителей Су-27 и управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М» [13, с. 154]. Новый всплеск китайских заказов на российскую ПВН произошел только после 2011 г., когда Россия вывела на рынок вооружение нового поколения (многоцелевые истребители Су-35 и ЗРК С-400) [1, с. 31].

Индия, которая в 2013–2023 гг. была крупнейшим импортером российского ВиВТ, к началу СВО сократила долю закупок российской ПВН с 64% до 36%. В рамках запущенной в 2014 г. программы импортозамещения «Make in India» перед индийским ОПК поставлена задача повысить долю локализации ВиВТ с 10 до 50%. В настоящее время в рамках российско-индийского ВТС реализуются проекты по лицензионному производству истребителей Су-30МКИ, основных боевых танков Т-90С, авиадвигателей РД-33 для истребителей МиГ-29, вертолетов Ка-226Т и автоматов АК-203 [4, с. 50]. В 2020 г. Индия запланировала приобретение у России 21 самолета МиГ-29, 12 Су-30МКИ, 10 вертолетов Ка-31, ЗРК С-400 (завершение поставок было намечено на первую половину 2025 г.), однако, после начала СВО отказалась от части закупок, мотивировав отказ целями поддержки собственной программы импортозамещения [4, с. 54].

Зависимость от российских вооружений стремится снизить и Вьетнам, бывший в течение долгого времени значимым партнером России в Юго-Восточной Азии.

4. Переход Российской Федерации к ситуативному ВТС, определяющемуся краткосрочными политическими и военными целями. В условиях СВО на Украине Россия активизировала ВТС с Ираном, КНДР, Мьянмой, а также рядом африканских государств (Мали, Буркина-Фасо, ЦАР и др.).

В 2025 г. Россия поставила в Иран истребители Су-35, а также заключила соглашение на сумму 500 млн. евро на поставку до 2029 гг. 500 ПЗРК «Верба» и 2500 зенитных ракет 9М336³. По сообщениям западных СМИ Россия активно использует в зоне СВО иранские вооружения (БПЛА Shahed и баллистические ракеты малой дальности «Фатх-360»). Перспективы развития российско-иранского ВТС будут зависеть от итогов начавшейся 28 февраля 2026 г. военной операции Израиля и США против Исламской Республики Иран.

³ Россия и Иран заключили секретное соглашение на полмиллиарда евро. Что о нем известно? 23.02.2026 // Лента.ру: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2026/02/23/rossiya-i-iran-zaklyuchili-sekretnoe-soglashenie-na-polmilliarda-evro/> (дата обращения: 28.02.2026).

Для покрытия высокого расхода боеприпасов в зоне СВО и усиления контрбатарейной борьбы Россия с 2022 г. импортировала у КНДР свыше 9 млн. артиллерийских боеприпасов, баллистические ракеты KN-23 и KN-24 (аналог американской ATACMS) и более 200 тяжелых артиллерийских систем. Военнослужащие северокорейской армии (около 11 тыс. чел.) в 2024–2025 гг. приняли участие в освобождении территории Курской области от вторжения украинских войск, а в настоящее время приобретают опыт современного общевойскового боя. В обмен на поставки северокорейского вооружения и военных специалистов Россия передала КНДР минимум один ЗРК «Панцирь», а также ряд военных технологий⁴.

Ситуативный характер представляет собой наращивание ВТС между Россией и Мьянмой, которая после перехода власти в руки военных в 2021 г., находится во внешнеполитической изоляции. К 2023 г. доля России в импорте вооружений Мьянмы достигла 45%. На территории Мьянмы открыт сервисный центр по обслуживанию российской военной техники.

В Венесуэле после 2005 г. было поставлено большое количество российской авиационной техники и систем ПВО [1, с. 32]. К сожалению, захват 3 января 2026 г. американским спецназом президента Венесуэлы Н. Мадуро, в ходе которого произошло «ослепление» венесуэльской системы ПВО⁵, независимо от субъективных причин произошедшего, негативно отразился на репутации российского оружия и перспективах развития ВТС с новым венесуэльским руководством.

5. Активное проникновение иностранных производителей ВиВТ в страны постсоветского пространства, являющихся традиционной зоной стратегических интересов Российской Федерации.

Развитие ВТС с постсоветскими странами Центральной Азии определяется стремлением Китая обеспечить безопасность евразийского транспортного коридора в рамках проекта «Шелковый путь». Китай является одним из главных поставщиков оружия для Туркменистана (на его долю приходится около 27% туркменского военного импорта), туркменские военные проходят обучение в Китае. В Узбекистан и Казахстан идут поставки китайской военной и специальной техники: в 2014 г. Китай продал Узбекистану БПЛА Wing Loong-1, а в 2016–2018 гг. поставил Казахстану 2 БПЛА и многоцелевой транспортный самолет Shaanxi Y-8. Кыргызстану Китай в 2021 г. безвозмездно поставил автомобильную технику и другое военное имущество, а Таджикистану в 2016 г. выделил средства на модернизацию военной инфраструктуры в пограничных с Афганистаном районах [14, с. 295–297].

Отметим, что Россия пока, по-прежнему, занимает лидирующие позиции в сфере ВТС с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Военные специалисты этих стран проходят обучение в России. На территории Таджикистана и Кыргызстана функционируют российские военные базы, у Казахстана арендуются военно-космические полигоны. До начала СВО, Россия безвозмездно передала Таджикистану

⁴ Оружие, поставленное из КНДР в Россию. Новая глава «Стратегического альянса». 13.02.2026 // Военное обозрение: [сайт]. URL: <https://topwar.ru/277691-oruzhie-postavlennoe-iz-kndr-v-rossiju-novaja-glava-strategicheskogo-aljansa.html> (дата обращения: 28.02.2026).

⁵ «Дискомбулятор». Трамп назвал секретное оружие, которое США применили в Венесуэле. 24.01.2026 // Газета.ru: [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2026/01/24/22392841.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 01.03.2026).

более 40 единиц ВиВТ [15, с. 140–141]. В январе 2022 г. Коллективные миротворческие силы ОДКБ (3000 военнослужащих, из них более 2000 россиян) по просьбе президента Республики Казахстана К.-Ж. Токаева провели миротворческую операцию по восстановлению конституционного порядка на территории Казахстана⁶.

Военно-техническое сотрудничество на Южном Кавказе определяется существовавшим с начала 1990-х гг. армяно-азербайджанским конфликтом вокруг Карабаха, признанием Россией Южной Осетии и Абхазии и стремлением Грузии к вхождению в военный блок НАТО и в Евросоюз.

До начала 2020-х гг. Армения оставалась стратегическим союзником России в Закавказье, являясь одним из государств-основателей СНГ и членом ОДКБ. На территории армянского Гюмри дислоцирована 102-я российская военная база. Приход к власти в Армении в 2018 г. в результате «бархатной революции» Никола Пашиняна охладил российско-армянские отношения, следствием чего стала равноудаленная от участников карабахского конфликта позиция России во время второй карабахской войны 2020 г. и последующей военной операции Азербайджана в Нагорном Карабахе осенью 2023 года [7, с. 96]. Исход карабахского конфликта продемонстрировал военно-техническое отставание Вооруженных Сил Армении, особенно, в части БПЛА и ПВО [9, с. 42].

Союзнические отношения России с Арменией сочетались в 2006–2016 гг. с реализацией коммерческих поставок Россией ПВН в Азербайджан (к 2016 г. доля России в азербайджанском импорте вооружений составляла 22%, а суммарная стоимость поставленного ВиВТ достигла 5 млрд. долл.). Баку закупал у Москвы модернизированные вертолеты, танки, ББМ, ракетно-артиллерийские системы и системы ПВО, и другое вооружение⁷. Стремление азербайджанского руководства силовым путем решить карабахский вопрос привело к развитию альтернативных каналов ВТС Азербайджана с Турцией и другими странами. К 2020 г. Азербайджан закупил новые образцы турецкого вооружения (БПЛА Bayraktar-TB2 с управляемыми боеприпасами МАМ-L, планируемые авиабомбы КГК-83, бронемшины Cobra II и др.) и провел под руководством турецких инструкторов реорганизацию своей армии⁸.

Взаимоотношения с Грузией осложнялись существованием на ее территории межэтнических конфликтов в Южной Осетии и Абхазии, в которых Россия была вынуждена выступать миротворцем. Неспособная самостоятельно обеспечить суверенитет на всей своей территории Грузия, наряду с Украиной, Азербайджаном и Молдовой (так называемая группа ГУАМ), вошла в состав Организации за демократию и экономическое развитие, нацеленной на евроатлантическую интеграцию. Приход к власти в Грузии в 2003 г. М. Н. Саакашвили и активизация им попыток выдвинуть российских миротворцев из Южной Осетии и Абхазии привели в августе 2008 г. к 5-дневной грузино-российской войне, закончившейся признанием

⁶ Казахстанский экспресс: чем запомнится первая миротворческая миссия ОДКБ. 12.01.2022 // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1275713/anton-lavrov-andrei-fedorov-roman-kretcul/kazakhstanski-ekspress-chem-zapomnitsia-pervaia-mirotvorcheskaia-missiia-odkb> (дата обращения: 01.03.2026).

⁷ Какое оружие Азербайджан покупал у России. 25.09.2028 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5598195> (дата обращения: 02.03.2026).

⁸ Военные заказы и закупки Азербайджана в 2021–2023 гг. Данные SIPRI. 05.05.2024 // Интернет-газета «Hetq» («След»): [сайт]. URL: <https://hetq.am/ru/article/166236> (дата обращения: 02.03.2026).

Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, разрывом Грузией дипломатических отношений с Москвой и выходом из СНГ [16, с. 32].

Стратегическим фоном ВТС России на европейском направлении в настоящее время является укрепление военной безопасности Союзного государства России и Беларуси, продолжающийся курс на евроатлантическую интеграцию Молдовы и проводимая с 2022 г. специальная военная операция России по демилитаризации Украины.

В настоящее время Беларусь является практически единственной страной постсоветского пространства, с которой происходит последовательное развитие ВТС. Беларусь официально не приняла участие в СВО на Украине, но предоставила в феврале–марте 2022 г. свою территорию ВС РФ для наступательных операций на киевском направлении. В рамках укрепления военной безопасности Союзного государства, Россия поставила Минску истребители Су-30 СМ, вертолеты МИ-35, ЗРК С-400 «Триумф» и «Панцирь-С», а также разместила на территории Беларуси нестратегическое ядерное оружие и ракетный комплекс «Орешник». Оформлению единого оборонного пространства обеих стран способствовало включение в 2024 г. Беларуси в обновленную ядерную доктрину РФ⁹, а также принятие Концепции безопасности Союзного государства [17, с. 26].

Военно-техническое сотрудничество между Россией и Украиной, существовавшее до 2014 г., после государственного переворота в Киеве было полностью свернуто. Украина взяла курс на вступление в НАТО, возвращение добровольно вошедших в состав Российской Федерации Крыма и Севастополя, а также силовую реинтеграцию Донбасса. К началу 2022 г. Вооруженные Силы Украины (далее – ВСУ) перешли на штатную структуру, систему управления и стандарты армий стран НАТО. Получив за четыре года СВО массированную иностранную военно-техническую помощь, цифровые системы связи, космического интернета Starlink и разведывательную поддержку НАТО, ВСУ к началу 2026 г. превратились в одну из крупнейших и боеспособных армий.

Проведение СВО на Украине увеличило собственные потребности России в ВиВТ, сократив количество готовой к поставкам на внешние рынки ПВН. В условиях приоритета удовлетворения собственных потребностей ВС РФ очевидна, связанная с этим задержка реализации уже подписанных экспортных контрактов, и, как следствие, дальнейшее расширение иностранного военно-технического присутствия на постсоветском пространстве.

6. Специальная военная операция на Украине осложнила положение российского ОПК, хронические проблемы которого накапливались в предшествующие десятилетия. К началу СВО производственные фонды российского ОПК были изношены на 70%, а оборудование не старше 10 лет составляло менее 20%. По микроэлектронике, технологиям снижения заметности, современным броневым материалам, оптико-электронным системам, обеспечивающим применение высокоточного оружия, а также высокотехнологичному станочному оборудованию, Россия зависела от импортных поставок. На фоне дефицита квалифицированных

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 28.02.2026).

инженерно-конструкторских и рабочих кадров затраты на устранение дефектов при производстве и эксплуатации ВиВТ достигали 50% от общего объема затрат на их изготовление [5, с. 51]. Не в последнюю очередь, состоянием отечественного ОПК объясняется тот факт, что количество фактически не реализованных экспортных контрактов на поставку ВиВТ в 2013–2022 гг. достигало 50% [18, с. 3].

Санкционное давление на Россию со стороны коллективного Запада осложнило возможности закупки технологий и компонентов двойного назначения, порядок проведения валютных расчетов и возможности ВТС с иностранными государствами. Введение вторичных санкций против иностранных государств сделало «токсичным» ВТС с Россией и привело к росту отказов иностранных банков обслуживать российские внешнеторговые операции. Сохраняющаяся гегемония доллара, нерешенность проблемы проведения валютных трансакций по экспортным контрактам, ограниченная конвертируемость национальных валют ряда стран-партнеров снижают экономическую эффективность ВТС.

Развитие российского ВТС осложняется также низким качеством офсетного (послепродажного) обслуживания, почти полным отсутствием гибких инструментов для осуществления взаиморасчетов и кредитования [8, с. 138], а также неприспособленностью российского таможенного законодательства к задачам развития ВТС (существование таможенных пошлин при ввозе на территорию России ПВН для целей ремонта) [6, с.76].

Выполним SWOT-анализ состояния ВТС России в современных условиях. Трансформируем ранее выявленные факторы в четыре группы метрик: *S* – метрики сильных сторон, *W* – метрики слабых сторон, *O* – метрики возможностей и *T*– метрики угроз, и сведем результаты в таблицу.

Таблица 1 / Table 1

SWOT-анализ российского военно-технического сотрудничества
SWOT analysis of Russian military and technical cooperation

Сильные стороны (S):	Слабые стороны (W):
<i>S-1</i> положительный исторический опыт военно-технического сотрудничества с СССР и Россией;	<i>W-1</i> накопленные за предшествующий период хронические проблемы российского ОПК (изношенность основных фондов, исчерпание технологического задела прошлых лет, дефицит квалифицированных инженерно-конструкторских и рабочих кадров, высокие непроизводительные затраты на устранение дефектов);
<i>S-2</i> способность обеспечить «зонтик безопасности» отдельным стратегическим партнерам;	<i>W-2</i> критическая зависимость от импортных поставок комплектующих и высокотехнологичного станочного оборудования, требуемого для производства современного ВиВТ;
<i>S-3</i> конкурентоспособный уровень тактико-технических характеристик российского ВиВТ при значительно меньшей стоимости и пониженных требованиях к качеству обслуживания и условиям эксплуатации;	<i>W-3</i> сокращение готовой к поставкам на внешние рынки российской ПВН, востребованной в условиях СВО собственными вооруженными силами;
<i>S-4</i> развитие перспективных видов вооружений (в т. ч. гиперзвуковых средств огневого поражения, роботизированных комплексов, средств радиоэлектронной борьбы, систем боевого управления с использованием технологий искусственного интеллекта и др.)	<i>W-4</i> недостаточно отлаженная система сопровождения сделок, жесткость регуляторной базы, проблемы с проведением межстрановых расчетов

Возможности (О): <i>O-1</i> развитие производственных возможностей российского ОПК по итогам СВО на Украине; <i>O-2</i> рост конкурентоспособности российского ВиВТ, прошедшего апробацию в условиях современных высокоинтенсивных боевых действий; <i>O-3</i> готовность к заключению контрактов в национальных валютах, проведению бартерных схем и частичной локализации производства ВиВТ на территории страны-реципиента; <i>O-4</i> расширение реализуемых форм ВТС (контракты жизненного цикла, создание региональных центров по постпродажному обслуживанию ВиВТ, совместные НИОКР и пр.);	Угрозы (Т): <i>T-1</i> затягивание продолжительности и дальнейшая эскалация СВО на Украине, поглощающей военно-технические, экономические и кадровые ресурсы страны; <i>T-2</i> втягивание России в новые вооруженные конфликты (вокруг Калининградской области, на международных морских путях и др.); <i>T-3</i> силовая смена коллективным Западом политических режимов – стратегических союзников и партнеров России по ВТС; <i>T-4</i> введение новых санкционных ограничений на ВТС и торговое взаимодействие с Россией
---	--

Заключение

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Боевой опыт СВО на Украине, выявивший широкое применение БПЛА, иных роботизированных платформ и высокоточных средств огневого поражения, а также современных средств разведки, связи и управления, в том числе основанных на искусственном интеллекте, привел к изменению мирового рынка вооружений.

2. К числу политико-экономических изменений ВТС России после начала СВО можно отнести: значительный рост мирового рынка ПВН и снижение на нем удельной доли России; утрату доминирующего положения России на традиционных экспортных рынках ВиВТ; переход к ситуативному ВТС, определяющемуся краткосрочными политическими и военными целями; нарастающее проникновение на постсоветское пространство китайских, турецких, израильских, европейских и американских производителей ВиВТ на фоне сокращения готовой к поставкам на внешние рынки российской ПВН.

3. Проведенный в работе SWOT-анализ выявил сильные и слабые стороны, возможности и угрозы современного военно-технического сотрудничества России. По мнению автора, развитие производственных возможностей российского ОПК по итогам СВО, а также рост конкурентоспособности прошедшего апробацию в условиях современных высокоинтенсивных боевых действий российского ВиВТ, будут способствовать качественным изменениям ВТС России со странами Ближнего и Дальнего зарубежья. Востребованным всегда будет то оружие, которым побеждают, поэтому более точно оценить перспективы развития военно-технического сотрудничества России можно будет после полного завершения специальной военной операции на Украине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чемезов С.В., Гореславский С.С. Диверсификация российского экспорта вооружений: венесуэльский case study // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 29–34. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35>. EDN: ZZMKSV.

2. Жильченко А.А., Пасько М.Н. Стратегия военно-технического сотрудничества России со странами Арабского региона // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 2. С. 31–53. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-31-53>. EDN: RFLSNN.
3. Астахов С.А., Гончаренко В.И., Швец Н.Н. Военно-техническое сотрудничество России на современном этапе: проблемы и основные направления их решения // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 5. С. 335–341. <https://doi.org/10.33693/2541-8025-2025-21-5-335-341>. EDN: CEDIWV.
4. Селезнев П.С., Татулян К.А., Гафурова К.Р. Военно-техническое сотрудничество России и Индии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. № Т. 15. № 4. С. 49–56. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-4-49-56>. EDN: KBCXLG.
5. Балашов А.И. Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 34 (319). С. 46–55. EDN: UIPXHV.
6. Габов А.В., Лаптев В.А. Правовая природа и пределы применения неустойки в комиссионных правоотношениях в области военно-технического сотрудничества // Государство и право. 2022. № 9. С. 75–83. <https://doi.org/10.31857/S102694520022202-3>. EDN: KPECGA.
7. Манукян Ж.С. Договорно-правовая база военно-технического сотрудничества между Республикой Армения и Российской Федерацией // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3 (9). С. 88–99. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-88-99](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-88-99). EDN: ZZHNAW.
8. Репников Д.А. Эволюция военно-технического сотрудничества Российской Федерации в мировой экономике // Управление. 2022. Т. 10. № 4. С. 132–140. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-132-140>. EDN: VIERPE.
9. Барабанов О.Н., Наумова Е.В. Современный вооруженный конфликт: эволюция и влияние беспилотных летательных аппаратов // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 35–54. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.2.3>. EDN: MZFOLF.
10. Гаврилов А.Д., Грудинин И.В., Майбуров Д.Г., Новиков В.А. Два года специальной военной операции: некоторые итоги, вероятные перспективы // Вестник Академии военных наук. 2024. № 2 (87). С. 54–64. EDN: MWZAVS.
11. Макаренко С.И. Преодоление позиционного тупика в современных боевых действиях за счет массированного применения беспилотных летательных аппаратов // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2024. № 32. С. 25–42. EDN: AYOTVE.
12. Трушин В.В. Задачи военной науки в условиях специальной военной операции // Военная мысль. 2025. № 4. С. 8–18. EDN: YVHMOF.
13. Каменнов П.Б. Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (1). С. 149–160. <https://doi.org/10.31857/S013128120007137-1>. EDN: LAPJND.
14. Томберг И.Р. Военное и военно-техническое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в XXI веке // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 3. С. 289–300. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-289-300>. EDN: NUYAAZ.
15. Майтдинова Г.М., Шарапов О.М. Российско-таджикское военное и военно-техническое сотрудничество в двустороннем формате и в рамках ОДКБ // Известия Восточного института. 2022. № 3 (55). С. 135–143. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/135-143>. EDN: KCQJUZ.
16. Торопыгин А.В., Николаенко А.В. Центральная Азия и Кавказ как модель формирования Большого евразийского партнерства // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 4. С. 25–39. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.4.2>. EDN: ZALURZ.
17. Кефели И.Ф., Когут В.Г., Нурышев Г.Н. Перспективы укрепления геополитического контура Союзного государства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1 (51). С. 19–31. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-19-31>. EDN: JNENYU.
18. Хачатурян К.С., Бойко Н.В. Анализ современных трансформационных процессов в системе военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами // Военно-экономический вестник. 2021. № 1. С. 1–8. EDN: NJYAWG.

REFERENCES

1. Chemezov, S.V., Goreslavsky, S.S. Diversification of Russian Arms Exports: Venezuelan Case Study. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63. No. 2. P. 29–34 (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35>. EDN: ZZMKSV.
2. Zhilchenko, A.A., Pasko, M.N. Strategy of Russian Military Cooperation with the Countries of the Arab Region. *MGIMO Review of International Relations*. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 31–53. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-31-53>. EDN: RFLSNN.
3. Astakhov, S.A., Goncharenko, V.I., Shvets, N.N. Military-Technical Cooperation of Russia at the Present Stage: Problems and Main Directions of their Solution. *Problems of Economics and Legal Practice*. 2025. Vol. 21. No. 5. P. 335–341 (In Russian). <https://doi.org/10.33693/2541-8025-2025-21-5-335-341>. EDN: CEDIWV.
4. Seleznev, P.S., Tatulyan, K.A., Gafurova, K.R. Military and Trade Co-operation Between Russia and India. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025. Vol. 15. No. 4. P. 49–56 (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-4-49-56>. EDN: KBCXLG.
5. Balashov, A.I. Military Capabilities and Economic constraints of the Russian Army. *National Interests: Priorities and Security*. 2015. Vol. 11. No. 34 (319). P. 46–55 (In Russian). EDN: UIPXHV.
6. Gabov, A.V., Laptev, V.A. Legal Nature and Limits of Application of Penalty in Commission Legal Relations in the Field of military-Technical Cooperation. *State and Law*. 2022. No. 9. P. 75–83 (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520022202-3>. EDN: KPECGA.
7. Manukyan, Zh.S. Contractual Legal Framework for Military-Technical Cooperation between the Republic of Armenia and the Russian Federation. *Russia and World: Scientific Dialogue*. 2023. No. 3 (9). P. 88–99 (In Russian). [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-88-99](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-88-99). EDN: ZZHNAW.
8. Repnikov, D.A. Military and Technical Cooperation Evolution of the Russian Federation in the Global Economy. *Management*. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 132–140 (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-132-140>. EDN: VIERPE.
9. Barabanov, O.N., Naumova, E.V. Modern Armed Conflict: The Evolution and Impact of Unmanned Aerial Vehicles. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 2. P. 35–54. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.2.3>. EDN: MZFOLF.
10. Gavrilov, A.D., Grudinin, I.V., Maiburov, D.G., Novikov, V.A. Two Years of a Special Military Operation: Some Outcomes, Probable Prospects. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2024. No. 2 (87). P. 54–64 (In Russian). EDN: MWZAVS.
11. Makarenko, S.I. Overcoming the Positional Deadlock of Modern Warfare through Massive Use of Unmanned Aerial Vehicles. *Aerospace Forces. Theory and Practice*. 2024. No. 32. P. 25–42 (In Russian). EDN: AYOTVE.
12. Trushin, V.V. Military Science Challengers in the Special Military Operation. *Military Thought*. 2025. No. 4. P. 8–18 (In Russian). EDN: YVHMOF.
13. Kamennov, P.B. Russian-Chinese military and Technological Cooperation. *Far Eastern Affairs*. 2019. No. 5 (1). P. 149–160 (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120007137-1>. EDN: LAPJND.
14. Tomberg I.R. China's Military and Military-Technical Cooperation with Central Asian Countries in the XXI Century. *Post-Soviet Issues*. 2022. Vol. 9. No. 3. P. 289–300 (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-289-300>. EDN: NUYAAZ.
15. Maitdinova, G.M., Sharapov, O.M. Russian-Tajik Military and Technical Cooperation in Bilateral Format and within the Framework of the CSTO. *Oriental Institute Journal*. 2022. No. 3 (55). P. 135–143 (In Russian). <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/135-143>. EDN: KCQJUZ.
16. Toropygin, A.V., Nikolaenko, A.V. Central Asia and Caucasus as a Model for the Formation of the Greater Eurasian Partnership. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 4. P. 25–39. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.4.2>. EDN: ZALURZ.
17. Kefeli, I.F., Kogut, V.G., Nuryshv, G.N. Prospects for Strengthening the Geopolitical Contours of the Union State. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 19–31 (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-19-31>. EDN: JNENYU.

18. Khachatryan, K.S., Boyko, N.V. Analysis of Modern Transformation Processes in the System of Military Technical Cooperation of Russia with Foreign Countries. *Military-Economic Bulletin*. 2021. No. 1. P. 1–8 (In Russian). EDN: [NJYAWG](#).

Сведения об авторах / Information about authors

Сидоров Анатолий Алексеевич – кандидат военных наук, Заслуженный военный специалист Российской Федерации, независимый исследователь.

E-mail: Vip.SAA58@mail.ru

ORCID: 0009-0004-9745-9789

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, директор проекта научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции; Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Sidorov Anatoliy A. – Candidate of Military Sciences, Honored Military Specialist of the Russian Federation, independent researcher.

E-mail: Vip.SAA58@mail.ru

ORCID: 0009-0004-9745-9789

Kefeli Igor F. – Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Center for Geopolitical Expertise; North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.03.2026.

Одобрена после рецензирования 15.04.2026.

Принята 22.04.2026.

Received 24.03.2026.

Approved after reviewing 15.04.2026.

Accepted 22.04.2026.

research article / научная статья

УДК: 327,8

EDN: JPAVCA

DOI: 10.48612/rg/RGW.29.2.9

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

The Crisis of Regional Leadership in Latin America: Between Internal Fragmentation and External Pressure

Aleksei V. Vovenda

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 vovenda_av@spbstu.ru

Arseniy S. Yur

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
arseniy_yur@vk.com

Abstract

Introduction. This research provides a comprehensive analysis of the structural transformation of the regional leadership system in Latin America, in the context of increased global geopolitical instability. The purpose of the study is to identify the causes and manifestations of the crisis of regional leadership in Latin America, which was caused by the transformation of the role of key regional players such as Brazil and Argentina. The study examines internal factors such as fragmentation and disunity, external challenges, and possible ways to overcome the current situation.

Materials and methods. The methodological framework includes a systematic and institutional approach, which allows us to assess the resource potential of candidate states for regional leadership and identify the reasons for their ability or inability to consolidate the region. The empirical basis of the study includes legal acts that regulate the activities of states within the framework of regional integration associations and organizations.

Results. The study identifies how internal political crises and economic stagnation in the "middle powers" have led to the erosion of regional integration mechanisms such as UNASUR and MERCOSUR, creating a "power vacuum" in the region and paving the way for a transition from potential monocentrism to an unstable polycentric model. It is argued that the absence of a dominant regional power contributes to the fragmentation of Latin America, turning it into a field for intense competition among non-regional actors. The authors pay special attention to the "double dependency" dilemma faced by Latin American countries, which must balance between the ongoing military and political pressure from the United States and the rapid growth of China's economic presence.

Discussion. The study theorizes the transition of the regional system from potential monocentrism to an unstable polycentric model. The authors predict that, in the short term, the struggle for leadership will shift away from ideological confrontation and towards a pragmatic pursuit of external investment, which will eventually lead to the consolidation of the regional security architecture and the reduction of Latin America's overall international influence. The future of regional leadership in Latin America depends in large part on the political will of the current generation of leaders to overcome their differences for the common good, and on the ability of institutions to translate that will into concrete action. In the context of the emerging new world order,

this is a necessary condition for the region to take its rightful place in the new global architecture, rather than remaining an arena for foreign competition.

Conclusion. The publication is of interest to experts and young scientists, as well as to anyone interested in contemporary global and regional studies. The study's findings provide recommendations for improving the effectiveness of existing integration models for regional and transregional cooperation between states, in which Russia actively participates.

Keywords: region; regional leadership; Latin America; Brazil; Argentina; CELAC; MERCOSUR; foreign policy; integration

For Citation: Vovenda, A.V., Yur, A.S. The Crisis of Regional Leadership in Latin America: Between Internal Fragmentation and External Pressure. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 131–145. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.9>. EDN: JPAVCA.

© Vovenda, A.V., Yur, A.S., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Кризис регионального лидерства в Латинской Америке: между внутренней фрагментацией и внешним давлением

Вовенда Алексей Викторович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
 vovenda_av@spbstu.ru

Юр Арсений Сергеевич

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
arseniy_yur@vk.com

Аннотация

Введение. В исследовании представлен всесторонний анализ структурной трансформации системы регионального лидерства в Латинской Америке в контексте возросшей глобальной геополитической нестабильности. Цель – определить причины и проявления кризиса регионального лидерства в Латинской Америке, который был вызван трансформацией роли ключевых региональных игроков, таких как Бразилия и Аргентина. Рассматриваются внутренние факторы, такие как фрагментация и разобщенность, внешние вызовы, а также возможные пути выхода из сложившейся ситуации.

Материалы и методы. Методологическая основа включает системный и институциональный подходы, позволяющие оценить ресурсный потенциал государств-кандидатов на региональное лидерство, выявив причины их способности или неспособности консолидировать позиции региональных акторов. Эмпирическую базу исследования составили правовые акты, регулирующие деятельность государств в рамках региональных интеграционных объединений и организаций.

Результаты. Проведенное исследование позволило определить, как внутривнутриполитические кризисы и экономическая стагнация в «средних державах» привели к размыванию региональных интеграционных механизмов, создав «вакуум власти» в регионе, и создавая условия для перехода региональной системы от потенциального моноцентризма к нестабильной полицентричной модели. Сделан вывод, что отсутствие доминирующей региональной державы-лидера способствует фрагментации Латинской Америки, превращая ее в поле для острой конкуренции между внерегиональными акторами. Авторы уделяют особое внимание дилемме «двойной зависимости», с которой сталкиваются латиноамериканские страны, когда они должны балансировать между сохраняющимся военным и политическим давлением Соединенных Штатов и быстрым ростом торгово-экономического присутствия Китая.

Обсуждение. В исследовании рассмотрены перспективы перехода региональной системы от потенциального моноцентризма к нестабильной полицентрической модели. Авторы прогнозируют, что в краткосрочной перспективе борьба за лидерство в регионе перейдет от идеологической конфронтации к прагматичному привлечению внешних инвестиций, что в конечном итоге приведет к укреплению архитектуры региональной безопасности, но и снижению общего международного влияния Латинской Америки. Будущее регионального лидерства в Латинской Америке во многом зависит от политической воли нынешнего поколения лидеров преодолеть свои разногласия ради общего блага и от способности институтов воплотить эту волю в конкретные действия. В контексте формирующегося нового мирового порядка это необходимое условие для того, чтобы регион занял свое законное место в новой глобальной архитектуре, а не оставался ареной для иностранной конкуренции.

Заключение. Публикация представляет интерес для экспертов и молодых учёных, а также всех, кто интересуется проблематикой современных глобальных и региональных исследований. Результаты исследования позволяют выработать рекомендации по повышению эффективности существующих интеграционных моделей регионального и трансрегионального взаимодействия между государствами, в которых активно принимает участие и Россия.

Ключевые слова: регион; региональное лидерство; Латинская Америка; Бразилия; Аргентина; СЕЛАК; МЕРКОСУР; внешняя политика; интеграция

Для цитирования: Вовенда А.В., Юр А.С. Кризис регионального лидерства в Латинской Америке: между внутренней фрагментацией и внешним давлением // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 131–145. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.9>. EDN: JPAVCA.

© Вовенда А.В., Юр А.С., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Latin America is experiencing an acute leadership crisis at the regional level. Experts note that the modern world order is becoming increasingly fragmented.¹ In this situation, the countries of the region faced a difficult choice. They need to determine their place in the context of internal contradictions and external influence. In other words, Latin America is confronted with the necessity of regional consolidation or the identification of a predominant leader to deal with internal problems and work out a common path of development.

The urgency of the problem is due to several factors [1]. Firstly, there is an erosion of democratic norms and an increase in political polarization within the countries of the region. The political landscape of Latin America is characterized by a series of power shifts and ideological narratives, which impedes the continuity of foreign policy initiatives. Secondly, global geopolitical shifts have increased external pressure on the countries of the region. The rivalry of world powers for influence in Latin America has escalated, presenting states with a complex strategic dilemma between different foreign policy courses. Thirdly, the traditional mechanisms of regional integration are weakened. All this together creates a situation that can be described as a "crisis of regional leadership".

¹ The Great Fragmentation: driving conflict as world peace plummets // Vision of Humanity: [website]. URL: <https://www.visionofhumanity.org/the-great-fragmentation-driving-conflict-world-peace-plummets/> (last accessed: 05.02.2026).

The purpose of this research is to analyze the causes and manifestations of the crisis of regional leadership in Latin America, to explore the role of internal factors such as fragmentation and disunity, and external challenges, as well as to identify possible ways out of the current situation. The research uses the following comprehensive scientific methods: literature review, source analysis, comparative analysis. The novelty of the work consists in a comprehensive review of the latest trends in Latin American regional politics based on current facts and events.

Materials and Methods

The methodological framework includes a systematic and institutional approach, which allows us to assess the resource potential of candidate states for regional leadership and identify the reasons for their ability or inability to consolidate the region. The empirical basis of the study includes legal acts that regulate the activities of states within the framework of CELAC (“The Caracas Declaration”²), MERCOSUR (“Treaty Establishing a Common Market”³) and final documents of the summits with regional and external actors (including “The new EU-MERCOSUR Partnership Agreement”⁴).

The following research methods were used:

- descriptive review of literature;
- source analysis, which involves a comprehensive study of some theoretical and historical approaches to the analysis of regional integration processes in Latin America;
- comparative analysis, which involves the characteristics of common aspects and differences in the implementation of regional leadership strategies by the leading countries in the region.

Results

The origins and evolution of the problem of regional leadership

The idea of Latin American unity and an independent path of development has a long history, from the Pan-American thinkers of the 19th century to the waves of regionalism of the late 20th and early 21st centuries. However, the practical implementation of regional leadership has always faced many obstacles. Traditionally, Brazil and Argentina were viewed as the primary candidates for the role of leaders of the region. Their potential (economic, demographic, and diplomatic) made this particular combination key to building integration mechanisms and a common regional agenda [2]. The starting point of the modern rapprochement was the political decision to turn from historical competition to cooperation, enshrined in the Iguazu Declaration on November 30, 1985⁵.

² Declaración de Caracas // full text: [website]. URL: <https://parlatino.org/pdf/comunidad-estados/declaracion-caracas.pdf> (In Spanish, last accessed: 03.02.2026).

³ Treaty Establishing a Common Market between the Argentine Republic, the Federal Republic of Brazil, the Republic of Paraguay and the Eastern Republic of Uruguay (Treaty of Asunción) // SICE (OAS): [website]. URL: https://sice.oas.org/trade/MRCOSUR/TreatyAsun_e.asp (last accessed: 03.02.2026).

⁴ The new EU-Mercosur Partnership Agreement // European Commission: [website]. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mercosur/eu-mercosur-agreement/text-agreement_en (last accessed: 03.02.2026).

⁵ Declaración de Iguazú, 1985 (Full text of the document signed on November 30, 1985 by the presidents of the Argentine Republic and the Federative Republic of Brazil) // Ministry of Foreign Affairs, International Trade and Worship of Argentina: [website]. URL: <https://www.cancilleria.gob.ar/es/actualidad/noticias/declaracion-de-iguazu-1985> (In Spanish, last accessed: 03.02.2026).

The next step was already institutional in nature. The Asuncion Treaty of March 26, 1991 laid the foundations of MERCOSUR as a common market for Argentina, Brazil, Paraguay and Uruguay⁶. Thus, a model of "two-center leadership" was established in the region, where the sustainability of integration depended on the consistency of the strategies of the two largest participants. However, it is precisely this bipolar structure that contains an internal contradiction. When foreign policy and economic priorities coincide, it becomes an engine of integration, but when courses diverge, it turns into a factor of stagnation. This was reflected in the fate of broader projects, including UNASUR, established in 2008 as the South American integration structure⁷. However, the political succession of regimes and ideological fractures led to the fact that regional institutions lost their stability [3].

At the beginning of the 21st century, against the background of the so-called "pink wave" of leftist governments, vigorous efforts were made to form new regional associations alternative to the Organization of American States (OAS) and the influence of the United States [4]. The Union of South American Nations (UNASUR) was established in 2008 and the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) in 2010, followed a few years earlier by the Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America (ALBA) under the auspices of Venezuela. These initiatives facilitated the prospects for an autonomous agenda and collective leadership of the region. Thus, in the early years, UNASUR demonstrated its potential. Under its auspices, presidents of different ideological positions jointly condemned the coup in Honduras in 2009 and helped resolve the border crisis between Colombia and Ecuador in 2008⁸. Nevertheless, these associations could not avoid internal contradictions. UNASUR initially had a pronounced center-left character, largely supported by the resources of Venezuela under Hugo Chavez. When conservative governments came to power in a number of countries in the mid-2010s, a leadership crisis in UNASUR broke out. In 2017, disagreements arose over the candidacy of the Secretary-General, and already in 2018, half of the participants, including Argentina, Brazil, Chile, Colombia, Peru and Paraguay, suspended membership or withdrew from the organization.⁹ As a result, UNASUR virtually ceased to function. Analysts directly attribute this failure to the ideological fragmentation of the region and the lack of supranational leadership. The lack of unity put UNASUR among the numerous unsuccessful attempts at regional cooperation [5].

A similar fate befell CELAC. Originally conceived as an inclusive forum without the participation of the United States and Canada, CELAC was intended to promote integration and serve as a platform for a unified voice of Latin America. However, here, too, ideological differences have made themselves felt. After 2014, CELAC's activity decreased, and summits were not held for several years due to disagreements between the members. In 2020, Brazilian President Jair Bolsonaro completely froze the country's participation in

⁶ Treaty Establishing a Common Market between the Argentine Republic, the Federal Republic of Brazil, the Republic of Paraguay and the Eastern Republic of Uruguay (Treaty of Asunción) // SICE (OAS): [website]. URL: https://sice.oas.org/trade/MRCSR/TreatyAsun_e.asp (last accessed: 03.02.2026).

⁷ UNASUR // Encyclopaedia Britannica: [website]. URL: <https://www.britannica.com/topic/UNASUR> (last accessed: 03.02.2026).

⁸ Lula and the revival of UNASUR and CELAC // Global Americans: [website]. URL: <https://globalamericans.org/lula-and-the-revival-of-unasur-and-celac/> (last accessed: 05.02.2026).

⁹ UNASUR under pressure: six nations, including Brazil and Argentina, suspend their memberships // MercoPress: [website]. URL: <https://en.mercopress.com/2018/04/21/unasur-under-pressure-six-nations-including-brazil-and-argentina-suspend-their-memberships> (last accessed: 05.02.2026).

CELAC, stating that the organization supports "dictatorships" in Cuba, Nicaragua and Venezuela [6]. In 2023 when Luiz Inacio Lula da Silva came to power in Brazil, there was a chance to restart CELAC when the country resumed membership.¹⁰ Nevertheless, for the success of such associations, experts point to the need for deideologization and a pragmatic approach. As political scientist Greg Weeks points out, for the long-term success of CELAC and UNASUR, Lula will have to rid them of their narrow ideological heritage and ensure the participation of all countries, regardless of political regimes. The history of these organizations demonstrates that one of the key causes of the regional leadership crisis was the traditional fragmentation and lack of priority in integration initiatives [7]. Each new wave of governments often rejected the achievements of their predecessors, returning regional politics to a state of drift.

Internal factors of regional fragmentation

Modern Latin America is extremely heterogeneous ideologically [8]. Left-wing populist governments, right-wing conservative regimes, and centrist coalitions simultaneously coexist in the region. This ideological pluralism, on the one hand, reflects the region's democracy, and on the other, creates difficulties for interaction between countries. State leaders often engage in public polemics, which undermines trust relations. An illustrative example is the relationship between the presidents of major countries, namely the center-left leader of Brazil, Lula da Silva, and the far-right President of Argentina, Javier Milei. After Milei's election at the end of 2023, their personal and political differences only intensified. Bilateral relations were strained by ideological rhetoric and personal critiques issued by President Milei. He called his Brazilian counterpart "corrupt" and a "communist,"¹¹ as well as a "leftist with an inflated ego,"¹² and refused to apologize despite diplomatic pressure. Lula, in turn, criticized Milei's radical libertarian plans as dangerous for democracy and demanded a public renunciation of such statements in order to establish a personal dialogue.¹³ Similar ideological clashes are observed in other countries. For example, Colombian President Gustavo Petro accused the Peruvian authorities of undemocratic methods of suppressing protests, to which the interim Government of Peru responded with a sharp protest and the recall of the ambassador. Chilean President Gabriel Boric also sharply condemned Nicolas Maduro, expressing serious doubts about the legitimacy of the elections in Venezuela, calling the situation unreal.¹⁴ All these examples

¹⁰ Бразилия вернулась в состав Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна // Газета.Ру: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/01/06/19425181.shtml> (дата обращения: 10.02.2026).

¹¹ Milei sobre Lula: "Qual o problema em chamá-lo de corrupto? Ele não foi preso" // CNN Brasil: [website]. URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/internacional/milei-sobre-lula-qual-o-problema-em-chama-lo-de-corrupto-ele-nao-foi-presos/> (last accessed: 05.02.2026).

¹² Milei won't make amends with Lula, says he has inflated ego // The Peninsula Qatar: [website]. URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/28/06/2024/milei-wont-make-amends-with-lula-says-he-has-inflated-ego> (last accessed: 05.02.2026).

¹³ Argentina's Milei hosts Mercosur summit amid multilateral crisis // Courthouse News Service: [website]. URL: <https://www.courthousenews.com/argentinas-milei-hosts-mercosur-summit-amid-multilateral-crisis/> (last accessed: 05.02.2026).

¹⁴ Lula's fraught South America summit // Americas Quarterly: [website]. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/lulas-fraught-south-america-summit/> (last accessed: 05.02.2026).

illustrate interstate tensions caused by ideological differences and personal ambitions, which hinder the development of coordinated regional positions.

In addition, the internal problems of most Latin American countries also contribute to the crisis of regional leadership. Almost all Governments in the region are forced to focus on solving acute economic and social issues, from inflation and debt crises to rising crime and mass protests. It is noteworthy that the majority of South American heads of the state confront profound challenges to their political longevity.¹⁵ For example, in 2023-2024, a number of leaders found themselves in a vulnerable position. Ecuador's President Guillermo Lasso dissolved Parliament and did not seek re-election amid impeachment.¹⁶ In turn, Chilean President Gabriel Boric lost the support of a significant part of the population after the failure of constitutional reform. The level of disapproval of Borich's support policy was about 59%.¹⁷ Some leaders with high political ratings had significantly weakened by the middle of their terms. In August 2024, the approval rating of Uruguayan President Luis Lacalle Pou was about 45%, and the level of negative attitude was about 40%¹⁸. The approval rating of Colombian President Gustavo Petro dropped to about 26% by the middle of his mandate, and the disapproval rate reached 61-65%¹⁹, one of the lowest levels since the beginning of his term in office. The internal political turbulence leads to the fact that the national leaders lack the necessary institutional resources and trust to act as moderators of the regional agenda. Moreover, the aggravation of internal crises often leads to an outburst of nationalist rhetoric or the search for "external culprits" of problems, which further complicates cooperation.

An important manifestation of internal fragmentation is the weakening of the effectiveness of regional organizations and treaties [9]. Mechanisms designed to serve as platforms for dialogue and joint action, such as the Organization of American States, CELAC, MERCOSUR, the Andean Community, and the Pacific Alliance, are experiencing serious difficulties. The OAS has long been split along ideological lines. A number of left-leaning governments (Venezuela, Nicaragua, formerly Bolivia) accused the organization of a pro-American position, while other countries supported the OAS line of defending democracy. CELAC, as mentioned, was virtually inactive until recently. MERCOSUR although it continues to function, has also faced a test of strength. An example was the MERCOSUR summit in Buenos Aires in July 2025, when Javier Milei, who assumed the presidency of the bloc, openly declared his intention to "end the destructive inertia" of

¹⁵ Boric says Maduro's victory in Venezuela's presidential election is hard to believe // MercoPress: [website]. URL: <https://en.mercopress.com/2024/07/29/boric-says-maduro-s-victory-in-venezuela-s-presidential-election-is-hard-to-believe> (last accessed: 08.02.2026).

¹⁶ Ecuador president dissolves legislature, bringing elections forward // VOA News: [website]. URL: <https://www.voanews.com/a/ecuador-president-dissolves-legislature-bringing-elections-forward/7097059.html> (last accessed: 08.02.2026).

¹⁷ Chilean president has 59% disapproval; polls show 42% do not support new constitution // MercoPress: [website]. URL: <https://en.mercopress.com/2023/11/13/chilean-president-has-59-disapproval-polls-show-42-do-not-support-new-constitution> (last accessed: 08.02.2026).

¹⁸ Lacalle Pou has 45% approval, study shows // MercoPress: [website]. URL: <https://en.mercopress.com/2024/09/20/lacalle-pou-has-45-approval-study-show> (last accessed: 08.02.2026).

¹⁹ Colombia's Petro is under pressure to deliver halfway through his term // Americas Quarterly: [website]. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/colombias-petro-is-under-pressure-to-deliver-halfway-through-his-term/> (last accessed: 08.02.2026).

integration and move towards freer trade with a minimum of supranational norms.²⁰ Milei criticized the MERCOSUR structure as "bloated and clumsy" and proclaimed a course towards radical economic liberalization across the entire bloc. Although his speeches at the summit sounded relatively restrained compared to more radical statements in other situations, it is clear that the political line of the new leadership of Argentina differs from the methods used, for example, by Brazil, which, in turn, traditionally combines economic integration with elements of coordination of economic strategy. As a result, MERCOSUR found itself between two opposing approaches: Brazil, under Lula's leadership, advocates maintaining and deepening integration, while Argentina, under Milei, questions previous agreements and even withdrew from the plan to join BRICS after previously submitting an application to participate in the group [10].

The disparity of foreign policy in the region also has a negative impact. Electoral cycles often lead to abrupt shifts in foreign policy orientation. For example, the coming to power of a new president in Argentina, Brazil or Mexico often means a departure from the initiatives of his predecessors. The already mentioned decision of the Milei government to reject Argentina's accession to the BRICS group, to which it has been invited since 2024, was a clear indication of how quickly the country's key foreign policy guidelines can be revised. As a result, neighbors are constantly having to adapt to new realities, making long-term regional strategies difficult. Researchers note that Latin America's regional positions depend too much on the impulses of individual governments or short-term diplomatic conjunctures, instead of being based on a solid institutional foundation.²¹ In the absence of stable cooperation platforms and with intergovernmental disunity, even a promising initiative to develop the Responsibility to Protect norm called "Responsibility while Protecting", proposed by Brazil in 2011-2012 as a way to clarify criteria for the use of force through the UN, was then lost in practice. After initial interest, the project actually left the international agenda and did not develop as a sustainable tool, especially after the departure of key initiators from the active diplomatic movement [11].

Thus, the internal fragmentation of Latin America manifests itself at several levels at once: ideological, political, economic and institutional. Taken together, these factors have led to the fact that Latin America as a region often cannot present a united front either in solving common problems or in dialogue with the outside world.

External factors and external pressure

In addition to internal disagreements, the crisis of regional leadership in Latin America is significantly influenced by external factors. The geopolitical position of the region has traditionally been determined by interaction with external centers of power, primarily the United States of America, and in the 21st century the influence of China, as well as interaction with the European Union and international financial organizations, is becoming more noticeable. External pressure manifests itself both through direct political and

²⁰ Milei urges Mercosur to pursue greater trade openness at summit // Buenos Aires Times: [website]. URL: <https://www.batimes.com.ar/news/economy/milei-urges-mercocur-to-pursue-greater-trade-openness-at-summit.phtml> (last accessed: 08.02.2026).

²¹ Agendas de paz y seguridad sin blindaje: desafios y oportuni-dades desde América Latina // Universidad de Navarra: [website]. URL: <https://en.unav.edu/web/global-affairs/agendas-de-paz-y-seguridad-sin-blindaje-desafios-y-oportunidades-desde-america-latina> (last accessed: 08.02.2026).

economic steps on the part of the great Powers, and indirectly through global processes to which the countries of the region have to adapt.

The United States has historically been considered an external guarantor of order in the Western Hemisphere. In the twentieth century, American influence manifested itself both in the economic sphere and through the OAS, military and intelligence operations, and support for various regimes [12]. In recent years, the nature of the US presence in the region has changed. Direct intervention has given way to diplomatic and sanctions pressure. Washington continues to promote a pro-American agenda, support for democracy and human rights (according to the US version), open markets, and countering "hostile regimes." Specifically, the Joe Biden administration, on the one hand, went to a partial softening of positions, which is confirmed by the resumption of dialogue with Venezuela on the issue of elections, the lifting of some sanctions in the fall of 2023²². However, 2026 marked a resurgence of direct interventionism in the internal affairs of sovereign nations. Consequently, a targeted military operation was executed in Caracas to apprehend Nicolas Maduro and facilitate his transfer to the USA for legal proceedings.²³ At the same time, it is noteworthy that the UN Human Rights Office has characterized the actions of the United States as a violation of international law, and some countries in the region as a unilateral and destabilizing step.²⁴ Latin America's reaction, in turn, demonstrated the depth of the ideological and political rift. A number of governments welcomed the operation, while leftist and progressive-oriented cabinets publicly emphasized the principle of sovereignty and the inadmissibility of the unilateral use of force; the joint statement by Brazil, Chile, Colombia, Mexico, Uruguay and Spain is indicative, which emphasizes the rejection of the actions of the United States and calls for "peaceful ways" of settlement while demanding regional unity "over and above political differences"²⁵.

Over the past two decades, China has become a key external player in Latin America [13]. Its role is primarily economic in nature, but it is gradually acquiring a geopolitical dimension. Chinese trade with the region is growing rapidly. The trade turnover between China and Latin America is already expected to exceed \$700 billion by 2035, and China may surpass the United States by becoming the region's largest trading partner.²⁶ China is already the main export buyer for Brazil, Chile, Peru and several other countries. About two thirds of Latin American countries have officially joined the Belt and Road Initiative (BRI) and are attracting Chinese infrastructure funding.²⁷ For example, in Peru and Ecuador, large-scale

²² США смягчили санкции против нефтегазового сектора Венесуэлы // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2023/653067ae9a7947bcc981541d> (дата обращения: 10.02.2026).

²³ «Крупномасштабная операция». Трамп объявил о похищении президента Венесуэлы // Газета.Ru: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2026/01/03/22287001.shtml> (дата обращения: 10.02.2026).

²⁴ UN chief Guterres raises concerns about instability in Venezuela, legality of US operation // Reuters: [website]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/un-chief-guterres-raises-concerns-about-instability-venezuela-legality-us-2026-01-05/> (last accessed: 10.02.2026).

²⁵ Reactions to the U.S. operation in Venezuela, from Latin America and beyond // Americas Society. Council of the Americas (AS/COA): [website]. URL: <https://www.as-coa.org/articles/reactions-us-operation-venezuela-latin-america-and-beyond> (last accessed: 10.02.2026).

²⁶ How China is seeking dominance in Latin America // Americas Quarterly: [website]. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/how-china-is-seeking-dominance-in-latin-america/> (last accessed: 10.02.2026).

²⁷ China courts Latin America with Belt and Road deals outpacing US in regional trade // Malay

Chinese projects are being implemented in ports, energy, and extractive industries. For example, the port of Chancay was built in Peru with the participation of Chinese COSCO Shipping Ports with financing from China; it is a deep-water port worth more than \$3 billion, which is intended to become a key hub for trade between China and Latin America.²⁸

In 2025, Ecuador awarded a 20-year contract for the development of the Sacha oil field to a consortium in which China's Sinopec holds a leading stake. The project involves significant investments to increase oil production.²⁹ On the one hand, Chinese investments and loans provide the necessary resources for development, on the other, they cause concern in Washington and other capitals. Latin American countries have to balance. Profitable economic cooperation with China sometimes contradicts the expectations of the United States. In some cases, this leads to external pressure. For example, the United States has warned partners about the risks of using Chinese 5G telecommunications technologies, and China, in turn, expects political loyalty³⁰.

The competition between the United States and China for influence in the region is becoming an increasingly tangible reality, and Latin American leaders are forced to maneuver, trying not to choose sides openly. Brazil, under the leadership of Lula da Silva, declares a multi-vector policy. This is evidenced by the fact that in 2023 Lula visited Beijing³¹, concluded a number of agreements and at the same time maintains a dialogue with the United States and the EU. Mexico, being closely linked to the US economy, is also looking for benefits in cooperation with China and Asia as a whole, developing nearshoring as the transfer of production chains closer to the American market with the participation of Asian capital.³² However, such a balance is not easy to maintain with the growing opposition of the great powers.

The European Union has traditionally been less involved in Latin American politics than the United States, but economic ties are significant and diplomatic activity is growing. The long-suffering free trade agreement between the EU and MERCOSUR, agreed back in 2019, has not yet been ratified. In 2023, the European Commission proposed additional environmental conditions, which met resistance in Brazil and Argentina. President Lula called these demands a violation of sovereignty, although at the end of 2023, under pressure from economic realities, Brazil softened its position and negotiations resumed. In December 2025, the presidents of the MERCOSUR countries agreed to intensify dialogue with the EU,

Mail. 12.05.2025: [website]. URL: <https://www.malaymail.com/news/money/2025/05/12/china-courts-latin-america-with-belt-and-road-deals-outpacing-us-in-regional-trade/176482> (last accessed: 10.02.2026).

²⁸ China and Peru jointly building a better future // Information office of Shanghai municipality: [website]. URL: <https://en.shio.gov.cn/TrueCMS/shxwbgs/voices/content/20241117121209092.htm> (last accessed: 10.02.2026).

²⁹ Ecuador awards 20-year production sharing contract to new Stratus Energy, Sinopec // Reuters: [website]. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/ecuador-awards-20-year-production-sharing-contract-new-stratus-energy-sinopec-2025-03-03/> (last accessed: 10.02.2026).

³⁰ США предостерегли ЕС от закупок оборудования Huawei для внедрения 5G // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c5a13139a7947136a576c7b> (дата обращения: 10.02.2026).

³¹ Президент Бразилии Лула да Силва встретился с Си Цзиньпином в Пикине // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/14/971041-lula-vstretilsya-si> (дата обращения: 10.02.2026).

³² Latin America's new frontiers in 2025 // Gateway House: [website]. URL: <https://www.gatewayhouse.in/latin-americas-new-frontiers-in-2025/> (last accessed: 10.02.2026).

hoping to sign the agreement in the near future.³³ Eventually, 17 January 2026 the EU–MERCOSUR agreement was formally signed in Paraguay, which marked an important step in strengthening interregional economic cooperation. However, the deal continues to provoke debates within the region regarding environmental standards, market access and the balance between economic benefits and national sovereignty³⁴. This is an example of how external economic imperatives can push countries to cooperate, overcoming ideological differences, but also an example of how external conditions can be perceived as pressure, causing internal disputes.

The combination of external factors creates a difficult situation for Latin America: the region is under pressure from several directions at once, which tests the strength of interstate solidarity. Competition from external players sometimes splits the region, and global crises reveal a lack of coordinated responses. Regional mechanisms such as the OAS or CELAC have not yet been able to develop a unified line of behavior in the face of external influence – this is hampered by both internal contradictions and limited resources. As a result, Latin America often remains an "object" of geopolitics rather than a subject. This state of affairs acutely raises the question of the need for consolidation.

Discussion

Prospects for overcoming the crisis and ways to strengthen leadership

Despite these difficulties, Latin America is taking steps to overcome regional disunity and restore collective leadership. The imperative for regional cohesion is re-emerging as a priority of many Governments.

The resumption of regular summits and meetings at the highest level is an important step in this direction. An example is the informal summit of the heads of State of South America, initiated by Lula da Silva in May 2023 in Brazil.³⁵ Although the leaders' meeting did not lead to the signing of high-profile agreements, the resumption of high-level multilateral dialogue after several years of rift was regarded as a positive signal. Similarly, the holding of the MERCOSUR summit at the end of 2025 in Buenos Aires, despite the sharp disagreements between its participants, it demonstrated a willingness to maintain dialogue within the bloc.

Given the negative experience of the past years, there is now much talk that regional associations should be pragmatic and inclusive. The new generation of integration initiatives is trying to avoid the labels of the "left" or "right" club. The goal is for the platform to become a place of dialogue, not ideological confrontation. Similarly, within the framework of MERCOSUR in 2025. There were statements that "the diversity of views did not become an obstacle, but, on the contrary, served as an incentive for the work of the bloc"³⁶, as stated

³³ EU-Mercosur trade deal signing postponed to January, sources say // Politico: [website]. URL: <https://en.bb.lv/article/world-news/2025/12/19/the-signing-of-the-eu-mercosur-deal-has-been-postponed-until-next-year-81496> (last accessed: 10.02.2026).

³⁴ EU and Mercosur sign trade deal after 25 years of negotiations // Reuters: [website]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/eu-mercosur-sign-trade-deal-after-25-years-negotiations-2026-01-17/> (last accessed: 10.02.2026).

³⁵ Итоги саммита стран Южной Америки // Институт психолого-экономических исследований (ИПЭИ): [сайт]. URL: <https://ipei.ru/index.php/events/publications/379-itog-sammita-stran-yuzhnoj-ameriki> (дата обращения: 10.02.2026).

³⁶ Courthouse News Service. Argentina's Milei hosts Mercosur summit amid multilateral crisis //

in Buenos Aires by the Argentine Foreign Minister, trying to emphasize pluralism within the association. It is hoped that economic interdependence will encourage countries to cooperate even with political differences. A striking example is the initiative to conclude the long-delayed MERCOSUR–EU free trade agreement. Strengthening pragmatism and reducing the rhetoric of mutual reproaches is one of the ways to strengthen regional leadership on a consensual basis, where the role of coordinator can be performed, for example, by a neutral technical group or a Secretariat.

Paradoxically, it is precisely the increase in external pressure that can push Latin American countries to coordinate more closely with each other in order to jointly withstand negative impacts and take advantage of new opportunities. In the context of a more multipolar world, Latin America has a chance to increase its weight by participating in expanded coalitions of the Global South. Participation in the BRICS is an important example as a sign of the desire to integrate regional interests into global formats³⁷. Brazil in 2025 chairs the BRICS³⁸, promoting the theme of cooperation in the Global South. Mexico has been stepping up its foreign policy since Claudia Sheinbaum came to power. At the G20 summit in 2024, she proposed that all countries devote 1% of military spending to global greening.³⁹ Such steps form the image of Latin American leaders as responsible global actors who go beyond purely regional issues. Although these efforts are still fragmented, they show that if there is political will, the region is able to increase its collective presence in solving global problems.

Summing up the prospects, it is worth noting that although the crisis of regional leadership in Latin America is a fact, it should not be considered as inevitable and permanent. History shows cycles. Periods of disunity were followed by ups of integration when favorable conditions appeared. Now, at the turn of 2025-2026, there is an awareness that fragmentation weakens everyone, making countries more vulnerable to external challenges and limiting their development opportunities. There is a demand for a new model of regional leadership – flexible, collective, based on common interests, and not on the hegemony of one power. The question is whether the current leaders will be able to overcome mutual contradictions for the sake of long-term benefits.

Conclusion

The crisis of regional leadership in Latin America is manifested in the inability of the countries of the region to present a united front and consistently defend their interests on the world stage. The causes of this crisis lie both in internal problems (ideological polarization, political instability, weakening of integration institutions) and in external factors (geopolitical pressure from world powers, the influence of global economic processes). Internal fragmentation is combined with external pressure, which puts states in front of

Courthouse News Service: [website]. URL: <https://www.courthousenews.com/argentinas-milei-hosts-mercosur-summit-amid-multilateral-crisis/> (last accessed: 05.01.2026).

³⁷ Brazil takes over BRICS presidency, focusing on Global South cooperation // Xinhua: [website]. URL: <https://english.news.cn/20250102/c3f3f35962de41f4ab9c02cc4e5de1e2/c.html>. (last accessed: 10.02.2026).

³⁸ Рябков оценил председательство Бразилии в БРИКС // РИА новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20250618/ryabkov-2023620741.html> (дата обращения: 10.02.2026).

³⁹ Mexico proposes global reforestation fund ahead of G20 summit // Mexico Business News: [website]. URL: <https://mexicobusiness.news/policyandeconomy/news/mexico-proposes-global-reforestation-fund-g20-summit> (last accessed: 10.02.2026).

difficult choices. As a result, Latin America has largely lost its former subjectivity in recent years. Against the background of the rapid changes in the world order, the region's diplomatic influence diminished, and its global role became increasingly marginalized.

At the same time, the conducted research shows that the region is not devoid of potential to overcome this situation. An analysis of current trends allows us to draw a number of conclusions. First of all, the crisis is not structural, but opportunistic. It is caused by the temporary overlap of several unfavorable factors, such as internal crises in key countries and the peak of external competition for influence. As the situation stabilizes, potential opportunities for revitalized cooperation may arise. Moreover, even in the current circumstances, there are attempts by countries to act collectively in the face of common challenges. Summits, multilateral initiatives, and participation in global forums demonstrate an understanding of the need for unification. Brazil and Argentina, the two largest economies in the region, whose cooperation can set the tone for others, may play a special role in the near future.

Summarizing, we can conclude that the current agenda for Latin America is to re-store the lost unity in the face of common challenges. According to analysts, over-coming the "Latin American paradox", a strong normative commitment to shared values with little practical coordination, requires a common vision, permanent structures and consistency of external actions with internal development.⁴⁰ The future of regional leadership in Latin America largely depends on the political will of the current generation of leaders to overcome differences for the common good and on the ability of institutions to back up this will with concrete actions. In the context of a fragmented world order, this is a necessary condition for the region to take its rightful place in the new global architecture, instead of remaining an arena for foreign rivalry.

REFERENCE

1. Nolte, D. From the Summits to the plains: The Crisis of Latin American Regionalism. *Latin American Policy*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 181–192. <https://doi.org/10.1111/lamp.12215>.
2. Nolte, D., Schenoni, L.L. To Lead or not to Lead: Regional Powers and Regional Leadership. *International Politics*. 2024. Vol. 61. No. 2. P. 40–59. <https://doi.org/10.1057/s41311-021-00355-8>.
3. Nolte, D., Comini, N.M. UNASUR: Regional Pluralism as a Strategic Outcome. *Contexto Internacional*. 2016. Vol. 38. No. 2. P. 545–565. <https://doi.org/10.1590/S0102-8529.2016380200002>.
4. Weiffen, B., Wehner, L., Nolte, D. Overlapping Regional Security Institutions in South America: The Case of OAS and UNASUR. *International Area Studies Review*. 2013. Vol. 16. Iss. 4. P. 370–389. <https://doi.org/10.1177/2233865913503466>.
5. Mihares, V., Nolte D. UNASUR: An Eclectic Analytical Perspective of its Disintegration. *Colombia Internacional*. 2022. No. 111. P. 83–109. <https://doi.org/10.7440/colombiaint111.2022.04>.
6. Doctor, M. Brazil's Strategic Diplomacy Failures and Foreign Policy Underachievement under Bolsonaro. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2023. No 1. P. e011. <https://doi.org/10.1590/0034-7329202300111>.
7. Weeks, G. How U.S. Policy Toward Latin America During the Cold War Eroded U.S. Democracy. *The Latin Americanist*. 2025. Vol. 69. No. 4. P. 425–428. <https://dx.doi.org/10.1353/tla.2025.a977282>.
8. Wiesehomeier, N., Doyle, D. Attitudes, Ideological Associations and the Left–Right Divide in Latin America. *Journal of Politics in Latin America*. 2012. Vol. 4. Iss. 1. P. 3–33. <https://doi.org/10.1177/1866802X1200400101>.

⁴⁰ Agendas de paz y seguridad sin blindaje: desafíos y oportuni-dades desde América Latina // Universidad de Navarra: [website]. URL: <https://en.unav.edu/web/global-affairs/agendas-de-paz-y-seguridad-sin-blindaje-desafios-y-oportunidades-desde-america-latina> (last accessed: 10.02.2026).

9. Nolte, D. Latin America: Liquid Regionalism and Contested Regional Authority. *Frontiers in Political Science*. 2025. Vol. 7. P. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1682061>.
10. Goncalves, W. Argentina's Rejection of BRICS Accession and the Ideologization of Foreign Policy. *Journal of Advance Research in Social Science and Humanities*. 2025. Vol. 11. No. 3. P. 12–26 <https://doi.org/10.61841/vxahjp95>.
11. Kenkel, K.M., Stefan, C.G. Brazil and the Responsibility While Protecting Initiative: Norms and the Timing of Diplomatic Support. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2016. Vol. 22 No. 1 P. 41–58. <https://doi.org/10.1163/19426720-02201004>.
12. Mace, G. The Organization of American States (OAS) – Challenges and Visions for the Future. *International Organizations: Serbia and Contemporary World*. 2022. Vol. 2. Article 17. P. 267–279. https://doi.org/10.18485/iipe_ioscw.2022.2.ch17.
13. Pavlichenko, Yu.D., Yur, A.S. The Chinese Threat to US Influence in Latin America on the Example of Brazil. *Humanitarian Forum at Polytechnic University: Proceedings of the II All-Russian Youth Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg, April 5–7, 2023. St. Petersburg: Polytech-Press, 2023. P. 103–110. (In Russian). EDN: [ZJJWNW](https://www.edn.ru/ZJJWNW).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nolte, D. From the Summits to the Plains: The Crisis of Latin American Regionalism // *Latin American Policy*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 181–192. <https://doi.org/10.1111/lamp.12215>.
2. Nolte, D., Schenoni, L.L. To Lead or not to Lead: Regional Powers and Regional Leadership // *International Politics*. 2024. Vol. 61. No. 2. P. 40–59. <https://doi.org/10.1057/s41311-021-00355-8>.
3. Nolte, D., Comini, N.M. UNASUR: Regional Pluralism as a Strategic Outcome // *Contexto Internacional*. 2016. Vol. 38. No. 2. P. 545–565. <https://doi.org/10.1590/S0102-8529.2016380200002>.
4. Weiffen, B., Wehner, L., Nolte, D. Overlapping Regional Security Institutions in South America: The Case of OAS and UNASUR // *International Area Studies Review*. 2013. Vol. 16. Iss. 4. P. 370–389. <https://doi.org/10.1177/2233865913503466>.
5. Mihares, V., Nolte, D. UNASUR: An Eclectic Analytical Perspective of its Disintegration // *Colombia Internacional*. 2022. No. 111. P. 83–109. <https://doi.org/10.7440/colombiaint111.2022.04>.
6. Doctor, M. Brazil's Strategic Diplomacy Failures and Foreign Policy Underachievement under Bolsonaro // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2023. No 1. P. e011. <https://doi.org/10.1590/0034-7329202300111>.
7. Weeks, G. How U.S. Policy Toward Latin America During the Cold War Eroded U.S. Democracy. // *The Latin Americanist*. 2025. Vol. 69. No. 4. P. 425–428. <https://dx.doi.org/10.1353/tla.2025.a977282>.
8. Wiesehomeier, N., Doyle, D. Attitudes, Ideological Associations and the Left–Right Divide in Latin America // *Journal of Politics in Latin America*. 2012. Vol. 4. Iss. 1. P. 3–33. <https://doi.org/10.1177/1866802X1200400101>.
9. Nolte, D. Latin America: Liquid Regionalism and Contested Regional Authority // *Frontiers in Political Science*. 2025. Vol. 7. P. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1682061>.
10. Goncalves, W. Argentina's Rejection of BRICS Accession and the Ideologization of Foreign Policy // *Journal of Advance Research in Social Science and Humanities*. 2025. Vol. 11 No. 3. P. 12–26 <https://doi.org/10.61841/vxahjp95>.
11. Kenkel, K.M., Stefan, C.G. Brazil and the Responsibility While Protecting Initiative: Norms and the Timing of Diplomatic Support // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2016. Vol. 22 No. 1 P. 41–58. <https://doi.org/10.1163/19426720-02201004>.
12. Mace, G. The Organization of American States (OAS) – Challenges and Visions for the Future // *International Organizations: Serbia and Contemporary World*. 2022. Vol. 2. Article 17. P. 267–279. https://doi.org/10.18485/iipe_ioscw.2022.2.ch17.
13. Павличенко Ю.Д., Юр А.С. Китайская угроза влиянию США в Латинской Америке на примере Бразилии // Гуманитарный форум в Политехническом: Материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 05–07 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2023. С. 103–110. EDN: [ZJJWNW](https://www.edn.ru/ZJJWNW).

Information about authors / Сведения об авторах

Vovenda Aleksei V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: vovenda_av@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-9511-8655

Yur Arseniy S. – Master's Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: arseniy_yur@vk.com

ORCID: 0009-0001-0773-8118

The authors declare that there is no conflict of interest.

Вовенда Алексей Викторович – кандидат политических наук, доцент, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: vovenda_av@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-9511-8655

Юр Арсений Сергеевич – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: arseniy_yur@vk.com

ORCID: 0009-0001-0773-8118

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.02.2026.

Одобрена после рецензирования 06.03.2026.

Принята 19.03.2026.

Received 23.02.2026.

Approved after reviewing 06.03.2026.

Accepted 19.03.2026.

научная статья / research article

УДК: 327.5+327.8

EDN: JTZOFI

DOI: 10.48612/rg/RGW.29.2.10

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Место Индии во внешнеполитическом дискурсе Европейского союза и Японии

Зарянский Сергей Александрович

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

 Zaryanskysergey@gmail.com

Аннотация

Введение. В условиях трансформации современной международной системы и усиления конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе возрастает значимость поиска устойчивых моделей взаимодействия между государствами. Актуальность исследования обусловлена региональными интересами РФ, ростом стратегической роли Индии, активизацией политики Европейского союза (далее – ЕС) и Японии в Индо-Тихоокеанском регионе (далее – ИТР), а также недостаточной проработанностью вопроса роли Индии в стратегиях ЕС и Японии, что наряду с оценкой перспектив их сопряжения в региональном контексте является целью настоящего исследования

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили официальные документы ЕС, Японии и Индии, материалы международных организаций, аналитические публикации и научные исследования. Методологическую основу составляют системный подход, компаративный анализ и элементы foresight-анализа, позволяющие выявить ключевые тенденции и спрогнозировать развитие стратегического взаимодействия акторов в регионе.

Результаты. Выявлено, что в стратегии Японии Индия выступает одним из ключевых партнёров в области обеспечения региональной безопасности и развития инфраструктурной взаимосвязанности ИТР. Установлено, что с позиции ЕС Индия также представляется одним из значимых элементов энергетической и инфраструктурной трансформации региона. Среди сфер сопряжений внешнеполитических дискурсов Японии и Европейского союза выделяются обеспечение энергетической безопасности и свободы судоходства в ИТР, а также развитие инфраструктурных проектов макрорегионального значения.

Обсуждение. Подходы Японии и ЕС к сотрудничеству с Индией во многом дополняют друг друга. Так, японская прагматичность и инфраструктурная ориентированность часто сопрягается с проектами ЕС в области устойчивого развития Азии.

Заключение. Индия способствует формированию многоцентричной архитектуры ИТР и выступает одним из элементов, связывающих внешнюю политику Японии и ЕС в регионе. Перспективы сотрудничества связаны с углублением кооперации в инфраструктурной, энергетической и цифровой сферах, а также с институционализацией трехстороннего взаимодействия, что может способствовать укреплению стабильности и устойчивого развития региона и повышению его глобальной значимости. Дополнительно результаты исследования могут быть использованы при разработке внешнеполитических стратегий и аналитической

оценке процессов региональной интеграции и международного сотрудничества, в котором в том числе заинтересована Российская Федерация в условиях трансформации мирового порядка.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион; Евросоюз; Япония; Индия; региональная взаимосвязанность; многостороннее сотрудничество; Global Gateway

Финансирование: Грант Российского научного фонда: проект № 24–28–01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав»

Для цитирования: Зарянский С.А. Место Индии во внешнеполитическом дискурсе Европейского союза и Японии // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 146–157. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.10>. EDN: JTZOFI.

© Зарянский С.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Significance of India in Foreign Policy of the European Union and Japan

Sergey A. Zaryansky

Ural Federal University named after first president of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia
 Zaryanskysergey@gmail.com

Abstract

Introduction. In the context of the transformation of the modern international system and the intensification of competition in the Indo-Pacific region, the importance of searching for sustainable models of interaction between states is increasing. The relevance of the study is determined by Russia's regional interests, the growing strategic role of India, the intensification of the policies of the EU and Japan in the Indo-Pacific region, as well as the insufficient examination of the issue of India's place in their foreign policy concepts. The aim of the study is to identify the role of India in the strategies of the EU and Japan, as well as to assess the prospects for their alignment in the regional context.

Materials and methods. The empirical base consists of official documents of the EU, Japan, and India, materials of international organizations, analytical publications, and scientific studies. The methodological basis is formed by a systems approach, comparative analysis, and elements of foresight analysis, which make it possible to identify key trends and forecast the development of strategic interaction between actors in the region.

Results. It has been identified that India is one of the key partners of Japan in ensuring regional security and developing infrastructure connectivity in the Indo-Pacific region. India is also considered, from the EU's perspective, to be a significant factor in the region's energy and infrastructure transformation. Among the areas of convergence in the foreign policy discourses of Japan and the European Union, the following stand out: ensuring energy security and freedom of navigation in the region, as well as the development of infrastructure projects of macro-regional significance.

Discussion. The analysis has shown that the approaches of the EU and Japan to interaction with India are complementary. Japan places emphasis on pragmatic and operational implementation of infrastructure projects and security issues, whereas the EU adheres to a normative-institutional model with priority on sustainable development and ESG standards.

Conclusion. India acts as a key link between the strategies of the EU and Japan, contributing to the formation of a multipolar Indo-Pacific architecture. The prospects for cooperation are associated with deepening cooperation in infrastructure, energy, and digital spheres, as well as institutionalization of trilateral interaction, contributing to strengthening regional stability, sustainable development, and global significance. Additionally, the results may be used in developing foreign policy strategies and analytical assessment of regional integration and international cooperation processes, which are of interest to Russia during a global transformation of the world order.

Keywords: Indo-Pacific region; the European Union; Japan; India; regional connectivity; multilateral cooperation; Global Gateway

Funding: Russian Science Foundation grant: project № 24–28–01710 «Region-Building and Economic Integration Processes in Asia Under the Conditions of a Competition Between Great Powers»

For citation: Zaryansky, S.A. The Significance of India in Foreign Policy of EU and Japan. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 146–157. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.10>. EDN: JTZOFI.

© Zaryansky, S.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В современной международной политической ситуации вопрос «стабилизации» отношений между государствами является одним из фундаментально проблематичных аспектов внешней политики. Кризис отношений в Восточной Европе, трудности в построении микро- и макрорегиональных объединений в Азии и Африке, а также эрозия системы глобального политического доминирования ряда моделей развития, в первую очередь выстроенной США – всё это свидетельствует о необходимости поиска новых и адаптации старых подходов к изменчивым условиям.

В этом смысле одним из наиболее верных векторов внешней политики для любого государства и/или актора международных отношений является путь, направленный на выстраивание взаимозависимости в формате, который приносит бы пользу обеим и/или всем сторонам того или иного процесса. Хорошим примером внедрения подобных практик является современное развитие и реализация концепций Индо-Тихоокеанского региона ЕС и Японии. Оба актора выступают за выстраивание таких связей и отношений, которые способствовали бы прогрессивному развитию не только Азии и ряда стран Африки, но и стабилизации международной обстановки в целом.

В этой связи одним из наиболее интересных с исследовательской точки зрения является роль Индии – одного из крупных и самостоятельных игроков в рамках развития ИТР в целом. Актуальность изучения места Индии в индо-тихоокеанских стратегиях ЕС и Японии обусловлена заключением большого числа новых соглашений между этими акторами в области экономической и политической безопасности, высоким конфликтным потенциалом этого региона (в частности, опасения вызывают индо-китайские и индо-пакистанские противоречия), а также развитием институтов БРИКС и интересов Российской Федерации в Южной Азии.

Исследованию самих Индо-тихоокеанских стратегий ЕС и Японии и их реализации посвящено достаточно много публикаций, однако большинство из них не обозначают явно место Индии в этих планах. Среди отечественных авторов можно выделить Китаева Р.В. [1], Гордиенко Д.В. [2] и Позднякова Е.И. [3], изучавших японские внешнеполитические подходы в ИТР, Тимакову О.А. [4], Мельникову Ю.Ю. [5], Коровникову Н.А. [6], исследовавших деятельность ЕС в ИТР, а также работу Забелла А.А., Пеньковой Е.А. и Фивейской М.С. [7] предпринявших попытку оценить состоятельность Индо-тихоокеанских стратегий ЕС и Японии, а также иных региональных концепций, в т. ч. проекта «Пояса и пути» КНР.

В фокусе предлагаемого исследования – внешнеполитические концепции Японии и ЕС в отношении ИТР, прогнозирование перспектив их сопряжения и реализации в

Южной Азии на примере Индии. Новизна исследования представлена во введении в научный оборот новых источников, в сопоставлении стратегий Японии и ЕС в отношении Индии, а также в определении векторов дальнейшего развития региональных стратегий каждого из исследуемых акторов международных отношений.

Методы и материалы

В основе методологии лежит системный подход, согласно которому изменения в одной области некоторого феномена влекут за собой перемены как составных частей различных концепций развития Азии, так и характера любого другого внешнеполитического взаимодействия субъектов международных отношений в целом. Кроме того, в рамках исследования будет частично применена методология «foresight» [8] (рус. предвидение – авт.) в целях прогнозирования потенциальных изменений как в стратегиях ЕС и Японии, так и места Индии в них.

Помимо этого, настоящее исследование частично опирается на интеграционные теории международных отношений, такие как концепция неофункционализма Хааса Э.Б. [9] и теории структурной взаимозависимости [10].

Источниковую базу исследования составляют официальные документы, рескрипты выступлений политических деятелей Японии, Индии и ЕС, относящиеся к формулированию внешнеполитических стратегий; материалы неправительственных организаций, вовлечённых в процесс проектирования и/или реализации политических и иных инициатив указанных сторон; публикации международных и национальных СМИ, освещающих процесс формирования внешнеполитической повестки в рамках рассматриваемой проблематики, а также работы некоторых исследователей смежных научных направлений.

Результаты

Понятие «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) за последние два десятилетия претерпело существенную трансформацию. Первоначально термин использовался в японских стратегических документах как набор инструментов и идей по макрорегиональному экономическому развитию, а в американских как инструмент сдерживания Китая и укрепления военно-политического присутствия США и их союзников в регионе. Однако уже в 2010-х годах он приобрёл более многоцентровое, интегративное значение, охватывающее интересы ASEAN, Индии, Австралии, Европейского союза и других региональных и глобальных акторов. Современное понимание ИТР включает экономическую, политическую и стратегическую многослойность, где наряду с морской безопасностью внимание уделяется развитию инфраструктуры, цифровой и транспортной взаимосвязанности, вопросам энергетической безопасности, устойчивого развития и климатическим вызовам.

Европейский союз в своей стратегии по взаимодействию с ИТР¹ подчёркивает, что регион выступает «центром глобального экономического и стратегического притяжения». ЕС рассматривает ИТР как пространство, где можно развивать многосторонние институты, укреплять верховенство права, стимулировать открытость

¹ Joint communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific // European Commission: [сайт]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 07.11.2025).

рынков и поддерживать интеграцию устойчивой инфраструктуры, соответствующей ESG²-стандартам.

Геополитическое значение Индии определяется её центральным положением в Индийском океане – пространстве, через которое проходит значительная доля мировых морских перевозок (около половины мирового контейнерного трафика и более 80 % торговли нефтью и СПГ³). Индия обладает береговой линией более 7 500 км, развивает военно-морские силы и активно участвует в институциональных механизмах региона, таких как IORA⁴, BIMSTEC⁵ и IONS⁶.

Эти платформы позволяют Индии не только участвовать в управлении морской безопасностью, но и укреплять экономическое и политическое влияние на страны Восточной и Южной Африки, Южной Азии и Юго-Восточной Азии. Подобная вовлеченность в развития ИТР напрямую совпадает с интересами Японии в этой сфере и не случайно – именно Индия стала отправной точкой развития концепции FOIP⁷ в рамках японской политической элиты.

«Act East Policy» [11], принятая Индией в 2014 г., усилила курс на развитие экономических и политических связей с Юго-Восточной Азией. Эта политика подразумевает не только расширение торговли и инвестиций, но и укрепление культурных и образовательных связей. Помимо этого, Дели предпринимает шаги по укреплению микрорегиональной взаимосвязанности, которые могут быть представлены проектами типа Каладанской многофункциональной инициативы и коридора Индия–Мьянма–Таиланд.

Одновременно с этим Индия также развивает свои отношения с рядом заинтересованных в процессах регионального строительства ИТР акторами, включая Японию, Австралию, страны ASEAN и ЕС. Как и в случае с микрорегиональной взаимосвязанностью, описанной выше, это проявляется в инвестициях в различные инфраструктурные (от портов до путей ж/д сообщения) и промышленные инициативы. Помимо этого, Индия стремится не упускать из виду и военно-политический аспект внешней политики, активно участвуя в совместных учениях, морских антипиратских патрулях и т.п.

Несмотря на это Индия остаётся верной принципу «стратегической автономии», что проявляется в её развитых отношениях с рядом государств, в т. ч. Российской Федерацией. Всё вышеописанное позволяет ей проводить независимую внешнюю политику, которая направлена не только на достижение собственных интересов, но и на укрепление общего регионального вектора развития в ИТР в целом.

Кроме того, Индия активно развивает программы цифровой связности, информационного обмена и «умных» транспортных коридоров, что усиливает её позицию как центрального узла в глобальных цепочках добавленной стоимости. Таким

² Environmental, social, and governance.

³ Baruah, D.M., Labh, N., Greely, J. Mapping the Indian Ocean Region // Carnegie Endowment for International Peace: [сайт]. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2023/06/mapping-the-indian-ocean-region> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴ The Indian Ocean Rim Association.

⁵ The Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation.

⁶ The Indian Ocean Naval Symposium.

⁷ The Free and Open Indo-Pacific.

образом, положение Индии не только представляет интерес для ЕС и Японии само по себе, но и интерес с точки зрения развития политического взаимодействия в ИТР.

Японская концепция «Свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона» (FOIP), впервые озвученная С. Абэ в 2012 г., получила обновлённую версию в речи премьер-министра Ф. Кисида в 2023 г.⁸ Изначально инициатива рассматривалась сторонними наблюдателями (в частности США, РФ и КНР) как ответ на растущую экономическую и военно-морскую активность Китая. Одновременно с этим, японский взгляд на FOIP на тот момент исключал вопросы военного характера более чем полностью. Тем не менее, в соответствии с последним на текущий момент вариантом FOIP включает четыре ключевых направления: укрепление глобального миропорядка, решение региональных проблем «индо-тихоокеанским способом», повышение многоуровневой связности (англ. connectivity) регионов и усиление кооперации в сфере безопасности меж различными акторами международных отношений.

Роль Индии в FOIP подчёркивается особо: она названа «незаменимым партнёром» в обеспечении стабильности и свободной навигации в регионе. На политико-дипломатическом уровне Индия и Япония взаимодействуют в механизмах формата «2+2» (т. е. взаимодействия по линиям МИД и Министерств обороны), G20, Восточноазиатском саммите и QUAD⁹. Токио рассматривает Индию как центральный элемент стабилизации Индийского океана, способного активно реагировать на деструктивные факторы регионального развития, включая угрозы со стороны пиратства, милитаризации морских зон и односторонних территориальных претензий.

Экономический трек сотрудничества включает масштабные инвестиции JICA¹⁰ в железнодорожную, транспортную и энергетическую инфраструктуру Индии. Одним из ключевых совместных проектов в этой связи является AAGC¹¹ ориентированный на создание качественной, устойчивой инфраструктуры, повышающей связность между портами Индийского океана и Африки. Этот проект охватывает как транспортные коридоры, так и энергетические объекты, обеспечивая долгосрочное укрепление экономической и стратегической позиции Индии в регионе. Тем не менее, на текущий момент численность реальных инициатив в рамках AAGC ничтожно мала.

В сфере безопасности активно развиваются совместные учения, обмен информацией о морской обстановке (MDA)¹² и кооперация в рамках учений Malabar¹³.

⁸ 岸田総理大臣の政策スピーチ. (「自由で開かれたインド太平洋(FOIP)」のための新たなプラン). [Речь премьер-министра Кисида «Новый план развития «Свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона» FOIP»] // Ministry of Foreign Affairs of Japan: [сайт]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/fp/pc/page1_001544.html (дата обращения: 07.11.2025).

⁹ The Quadrilateral Security Dialogue.

¹⁰ The Japan International Cooperation Agency.

¹¹ Asia Africa Growth Corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A Vision Document. [эл. доступ]. URL: <https://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf> (дата обращения: 07.11.2025).

¹² Watanabe, T. Japan–India: Maritime, Space and Economic Cooperation in the Indo-Pacific // NatStrat. Centre for Research on Strategic and Security Issues: [сайт]. URL: <https://www.natstrat.org/article/detail/publications/japan-india-maritime-space-and-economic-cooperation-in-the-indo-pacific-150.html> (дата обращения: 13.11.2025).

¹³ Sing, M. Quad Navies unite for Malabar 2025, Strengthening Indo-Pacific Security // The New Indian Express: [сайт]. URL: <https://www.newindianexpress.com/nation/2025/Nov/12/quad-navies-unite-for-malabar-2025-strengthening-indo-pacific-security> (дата обращения: 10.11.2025).

Подобные морские учения способствуют укреплению связи между военно-морскими силами государств-участников в потенциальном военном конфликте, выработке общей стратегии и тактики проведения антипиратских рейдов, что является особенно важным учитывая географическую близость Индии к наиболее значимым с т. з. международных отношений торговым путям. Важно отметить, что Япония в рамках подобных учений старается не прибегать к использованию материалов и методов, способных негативно сказаться на межгосударственных отношениях в регионе, что, в свою очередь, соответствует и внешнеполитической доктрине Индии.

Таким образом, для Японии Индия является не просто одним из партнёров по региональному взаимодействию, а играет куда более важную роль в долгосрочной внешнеполитической стратегии, направленной на всестороннее развитие ИТР. В том числе благодаря инклюзивному подходу Японии Индия значительно расширяет инфраструктурные и экономические связи с ключевыми региональными и внерегиональными акторами, в том числе и ЕС.

Стратегия ЕС по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе¹⁴ отражает растущую роль ЕС как глобального актора, заинтересованного в укреплении многостороннего порядка, свободной торговли и устойчивого развития в регионе. Документ основывается на принципах многосторонности, верховенства права, политической транспарентности и «открытой и справедливой конкуренции», а также достижении климатической и энергетической устойчивости регионов.

Стратегический интерес ЕС к Индии формируется несколькими факторами. Во-первых, Индия является крупным рынком и участником глобальных цепочек поставок, в том числе в сферах информационных технологий, фармацевтики, электроники и возобновляемой энергетики. Во-вторых, Индия играет важную роль в обеспечении безопасности морских путей в Индийском океане, через которые проходит значительная часть мировой торговли, включая критические энергоресурсы. В-третьих, Индия обладает потенциалом для продвижения устойчивого развития и климатических инициатив в регионе, что совпадает с приоритетами ЕС.

В дорожной карте развития сотрудничества ЕС и Индии¹⁵ определены приоритеты их взаимодействия, например:

1. Укрепление климатического и энергетического партнёрства. ЕС и Индия активно развивают совместные программы по возобновляемой энергетике, водородным технологиям, энергоэффективности и углеродно-нейтральной инфраструктуре.

2. Расширение цифровой и транспортной связности. ЕС продвигает инициативу Global Gateway¹⁶, направленную на построение крупной глобальной инфраструктурной сети, основная задача которой – стабилизация сложного по своей сути международного экономического и политического пространства различных

¹⁴ Joint communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific // European Commission: [сайт]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁵ EU-India Strategic Partnership: A Roadmap to 2025 // Council of the European Union: [сайт]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45026/eu-india-roadmap-2025.pdf> (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁶ Global Gateway 2030. Future of Europe's Global Infrastructure Bid // EPRS. European Parliamentary Research Service: [сайт]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/757826/EPRS_IDA\(2024\)757826_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2024/757826/EPRS_IDA(2024)757826_EN.pdf) (accessed: 07.11.2025).

макрорегионов, в т. ч. ИТР. В рамках данного проекта Индия оказывается надёжным партнёром в совместном финансировании различных инфраструктурных и культурных инициатив, общая цель которых – устойчивая региональная интеграция.

3. Укрепление многостороннего подхода к внешней политике. В данном случае речь идёт об ориентации ЕС на следование т. н. «международному порядку, основанному на правилах», т. е. применение нормативно-институционального подхода к ведению внешней политики. По мнению европейских политиков, этот подход позволяет быть уверенными в результативности любых инвестиций в долгой перспективе.

Важно отметить, что в отличие от Японии ЕС не рассчитывает на максимально быстрое завершение своих проектов, а, напротив, стремится к налаживанию долгосрочной (или устойчивой) взаимосвязи с Индией.

В этой связи особую значимость приобретают совместные проекты в области внедрения «зелёной» или чистой энергетики в Индии при участии ЕС. Примеры их взаимодействия включают проекты по развитию солнечной энергии в южных штатах Индии, проекты по производству «зелёного» водорода в рамках национальных индийских инициатив¹⁷, модернизацию транспортных систем с низким уровнем углеродных выбросов, а также программы по защите биоразнообразия и управлению водными ресурсами. Всё это указывает на пересечение стратегических интересов ЕС и Индии в области долгосрочного микро и макрорегионального устойчивого развития¹⁸.

Обсуждение

Япония [12] и Европейский союз [13] рассматривают Индию как одного из наиболее значимых внешнеполитических партнёров в ИТР. В рамках своих стратегий Япония и ЕС указывают на ряд общих сфер интересов, в региональном строительстве ИТР, связанном с Индией, а именно:

1. Япония и Евросоюз уделяют особое внимание безопасности мореплавания и судоходства, включая связанные с этим инфраструктурные объекты. В рамках FOIP Япония подчёркивает необходимость обеспечения свободной от угроз и внешнего воздействия морской навигации и предотвращения межгосударственных конфликтов на море, что является особенно актуальным, учитывая протекающие в настоящий момент конфликты в Южно-Китайском море и Персидском (Арабском) заливе. В свою очередь, заинтересованный в долгосрочной окупаемости своих действий Евросоюз фокусируется на поддержании безопасности тех же элементов путём многостороннего взаимодействия с IORA и ASEAN. В свою очередь Индия, находящаяся в географическом центре ИТР, активно использует интересы ЕС и Японии опираясь на собственное представление о наиболее значимых проблемах в региональном векторе развития, обеспечивая тем самым укрепление механизмов безопасности ИТР.

2. Внешнеполитические доктрины Японии и ЕС ставят на первое место вопросы укрепления (и, зачастую, конструирования) региональной взаимосвязанности. Так,

¹⁷ National Green Hydrogen Mission // Government of India. Ministry of New and Renewable Energy: [сайт]. URL: <https://nghm.mnre.gov.in/> (дата обращения: 23.03.2026).

¹⁸ The European Union and India – Development Cooperation // European Union Websites: [сайт]. URL: https://www.eeas.europa.eu/india/european-union-and-india-development-cooperation_en (дата обращения: 07.11.2025).

Япония предлагает масштабные модернизационные программы для улучшения эффективности работы различных морских портов и транспортных магистралей не только в Индии, но и между Индией и третьими региональными государствами. Проект ЕС Global Gateway поддерживает это стремление и расширяет его до вопросов развития цифрового регионального пространства и межкультурного взаимодействия в нём. На наш взгляд, использование Индией подходов и инициатив Японии и ЕС может не только укрепить собственные возможности этого актора, но и способствовать выходу отношений между всеми ними на новый уровень.

3. Для Японии и ЕС немаловажным остаётся вопрос энергетической безопасности как их национальных территорий, так и мира в целом, на что указывает в том числе текущая международная обстановка. В своей деятельности в этом направлении Япония делает упор на развитие логистических сетей по доставке энергоносителей, а также внедрение различных «зеленых» технологий. ЕС также заинтересован в этом по ряду естественных, отчасти геополитических причин. Как и в предыдущем случае, Индия может активно использовать интересы партнёров для решения собственных и/или региональных трудностей в модернизации систем энергоснабжения, без которых невозможно всякое экономическое развитие.

4. Япония и ЕС используют различные международные диалоговые платформы, включая ряд форматов взаимодействия ASEAN, IORA и G20 в целях максимизации результатов проведения собственной внешней и внутренней политик. Индия активно вовлечена в эти форматы, что даёт возможность синхронизировать инициативы FOIP и Global Gateway, обеспечивая прозрачность, многосторонность и устойчивость реализации проектов. Следует, однако, отметить, что ни один из форматов фактически не принимает во внимание вопросы индо-российского взаимодействия, что является темой для отдельного исследования.

Различия проявляются в характере подходов. Япония склоняется к более прагматичной, оперативной, инфраструктурно ориентированной стратегии с уклоном в сторону укрепления общей (региональной) безопасности. С вступлением в должность нового премьер-министра Японии С. Такаити значимость вопросов в области безопасности кратно возросла, что может выразиться в появлении новых инициативах Токио в этой сфере в ближайшее время, и Индия может стать одним из партнёров в этой связи¹⁹. В свою очередь, ЕС опирается на нормативно-институциональный подход к ведению политики в ИТР, устанавливая строгие стандарты реализации любых проектов.

Эти различия создают не противоречия, которые могли бы мешать проведению различных инициатив в жизнь, а скорее отражают сферы комплементарности обоих акторов в ИТР в отношении Индии: японская гибкость и инфраструктурная скорость сочетаются с европейскими финансовыми ресурсами и нормативными внешнеполитическими подходами, чем Индия может активно пользоваться для расширения как собственного внешнеполитического влияния, так и, косвенно, для укрепления потенциала японо-европейского сотрудничества в ИТР.

¹⁹ Tamaoki, K. Japan's New PM Sanae Takaichi: Foreign Policy and National Security // Marubeni Institute: [сайт]. URL: https://www.marubeni.com/en/research/report/data/20251028_TakaichiAdministration2_Final.pdf (дата обращения: 24.11.2025).

Заключение

Находясь в географическом центре Южной Азии Индия выступает одним из ключевых внешнеполитических акторов ИТР, который сочетает в себе не только экономический потенциал, заинтересованность в устойчивом и безопасном микро- и макрорегиональном развитии и суверенные принципы внешней политики, но и активно проявляет интерес ко всем значимым инициативам третьих акторов. Всё это отражает открытость Индии к участию в многосторонних процессах, которые фактически являются одними из основных инструментов внешней политики Японии и Европейского союза в ИТР, что делает Индию отчасти незаменимой в ряде внешнеполитических вопросов для обоих акторов.

Обладая рядом схожих, сонаправленных интересов, внешнеполитические подходы Японии и ЕС в отношении ИТР тем не менее существенно отличаются, в частности, в отношении Индии. В этой связи, Япония определяет своим приоритетом наиболее значимыми чётко сформулированные и измеримые вложения в развитие крупных инфраструктурных проектов и безопасности на море, а ЕС, напротив, уделяет первостепенное внимание долгосрочности своих инициатив, каждая из которых должна следовать нормам международного права.

Несмотря на это, влияние доктрин ЕС и Японии на развитие ИТР и место Индии в нём фактически свидетельствует о комплементарности их внешнеполитической деятельности: японская скорость в развитии инфраструктурных проектов вполне гармонично сочетается с идеями ЕС об устойчивом региональном развитии.

В рамках их взаимодействия Индия выступает своего рода мостом не только между конкретными проектами, но и концепциями, на которых они основаны. Так, Индия фактически является средоточием реализации FOIP Японии и стратегией ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе, что проявляется в активном участии Дели во множестве совместных проектов, начиная с морских учений и заканчивая сетями поставок энергоносителей. Подобное положение в международном политическом поле способствует приобретению Индией положения нового центра силы в ИТР, что безусловно положительно влияет на формирование нового многополярного миропорядка.

Перспективы институционального оформления взаимодействия ЕС, Японии и Индии в среднесрочной перспективе (2030–2035 гг.) выглядят достаточно благоприятными. С учётом текущих тенденций можно ожидать:

1. Расширения совместных инфраструктурных и энергетических проектов, включая развитие портов, транспортных коридоров и зелёной энергетики;
2. Усиления кооперации в сфере безопасности и морского патрулирования, интеграции обмена данными о мореплавании и совместных учений;
3. Формирования триединой платформы ЕС – Индия – Япония для стандартизации подходов к устойчивому развитию, ESG-инициативам и цифровой трансформации региона;
4. Повышения влияния Индии в качестве координатора и интегратора многосторонних инициатив, что создаёт возможности для формирования устойчивой многоцентровой архитектуры в ИТР.

Таким образом, формат взаимодействия ЕС – Индия – Япония может стать основой для создания нового центра силы в Индо-Тихоокеанском регионе, где стратегическая гибкость Японии, нормативная и финансовая устойчивость ЕС и самостоятельная позиция Индии дополняют друг друга. В долгосрочной перспективе это способно не только ускорить укрепление безопасности и стабильности в регионе,

но и стать примером успешного многостороннего взаимодействия, основанного на совместных интересах, взаимозависимости и уважении принципов стратегической автономии отдельных акторов, в т. ч. для корректировок внешнеполитического курса Российской Федерации в стремительно изменяющемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Китаев Р.В. Развитие взаимоотношений ЕС и Японии в контексте формирования Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского Союза в 1992–2021 гг. // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 242–252. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-242-252>. EDN: **RMNZPW**.
2. Гордиенко Д.В. Реализация Индо-Тихоокеанской стратегии: сравнительная оценка защищённости национальной экономики Японии // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2020. № 4. С. 7–24. EDN: **PHPOMD**.
3. Поздняков Е.И. Концепция Индо-Тихоокеанского региона и её отражение во внешней политике США // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Хабаровск: Издательство ТОГУ, 2021. Вып. 6. С. 42–55. EDN: **YZYTQJ**.
4. Тимакова О.А. Национальный и наднациональный компоненты в стратегии Евросоюза в Индо-Тихоокеанском регионе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. № 3 (45). С. 16–27. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320251627>. EDN: **LIAPCO**.
5. Мельникова Ю.Ю. Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 31–37. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37>. EDN: **QWGHYU**.
6. Коровникова Н.А. ЕС – КНР: сотрудничество, соперничество или «снижение рисков»? // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 87–105. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.05>. EDN: **CWSQXS**.
7. Забелла А.А., Пенькова Е.А., Фивейская М.С. «Один пояс, один путь» vs. «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион»: соперничество за региональную интеграцию (взгляд из Индии и Японии) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. IV. № 4 (53). С. 5–19. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-005-019>. EDN: **NLLQAV**.
8. Störmer, E., Bontoux, L., Krzysztofowicz, M., Florescu, E., Bock, A.-K., Scapolo, F. Chapter 12. Foresight – Using Science and Evidence to Anticipate and Shape the Future // Science for Policy Handbook. European Commission, Joint Research Centre (JRC), Brussels/Belgium. Elsevier, 2020. P. 128–142. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-822596-7.00012-7>.
9. Haas, E.B. The Uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces 1950–1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. XX, 552 p. <https://doi.org/10.1177/000271625932400163>.
10. Keohane, R.O., Nye, J.S. Power and Interdependence // Survival. Global Politics and Strategy. Vol. 15. Iss. 4. P. 158–165. <https://doi.org/10.1080/00396337308441409>.
11. Bajpaee, C. Reinvigorating India's 'Act East' Policy in an Age of Renewed Power Politics // The Pacific Review. 2023. Vol. 36. Iss. 3. P. 631–661. <https://doi.org/10.1080/09512748.2022.2110609>.
12. Chadha, A. India's Foreign Policy towards Japan: Special Partnership amid Regional Transformation // Ritsumeikan Journal of Asia Pacific Studies. 2020. Vol. 38. Iss. 1. P. 19–37. https://doi.org/10.34409/rjaps.38.1_19.
13. Pugliese, G. The European Union and an “Indo-Pacific” Alignment // Asia-Pacific Review. 2024. Vol. 31. Iss. 1. P. 17–44. <https://doi.org/10.1080/13439006.2024.2334182>.

REFERENCES

1. Kitaev, R.V. The Development of the EU and Japan Relations within the Forming EU Indo-Pacific Strategy at 1992–2021. *Modern Scientific Thought*. 2023. No. 6. P. 242–252. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-242-252>. EDN: **RMNZPW**.
2. Gordienko, D.V. Implementation of the Indo-Pacific Strategy: A Comparative Assessment of the Security of Japan's National Economy. *Herald of the Moscow University of Finances and Law*. 2020. No. 4. P. 7–24. (In Russian). EDN: **PHPOMD**.

3. Pozdniakov, E.I. The Indo-Pacific Concept and Its Reflection in US Foreign Policy. Vestnik Tsentra izucheniya mezhdunarodnykh otnosheniy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе]. Khabarovsk: Pacific National University Publishing House, 2021. P. 42–55. (In Russian). EDN: [YZYTQJ](#).
4. Timakova, O.A. National and Supranational Components in the European Union Strategy in the Indo-Pacific Region. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2025. No. 3 (45). P. 16–27. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320251627>. EDN: [LIAPCO](#).
5. Melnikova, Yu.Yu. EU Strategy in the Indo-Pacific Region: Domestic Drivers and the Chinese Factor. *Humanities and Social Sciences Bulletin of the Financial University*. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 31–37. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37>. EDN: [QWGHYU](#).
6. Korovnikova, N.A. The EU-PRC: Cooperation, Competition or “De-Risking”? *Current Problems of Europe*. 2024. No. 4 (124) P. 87–105. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.05>. EDN: [CWSQXS](#).
7. Zaballa, A.A., Penkova, E.A., Fiveyskaya, M.S. “One Belt, One Road” vs. “Free and Open Indo-Pacific”: Rivalry for Regional Integration (Views from India and Japan). *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2021. Vol. IV. № 4 (53). P. 5–19. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-005-019>. EDN: [NLLQAV](#).
8. Störmer, E., Bontoux, L., Krzysztofowicz, M., Florescu, E., Bock, A.-K., Scapolo, F. Chapter 12. Foresight – Using Science and Evidence to Anticipate and Shape the Future. *Science for Policy Handbook*. European Commission, Joint Research Centre (JRC), Brussels/Belgium. Elsevier, 2020. P. 128–142. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-822596-7.00012-7>.
9. Haas, E.B. The Uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces 1950–1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. XX, 552 p. <https://doi.org/10.1177/000271625932400163>.
10. Keohane, R.O., Nye, J.S. Power and Interdependence. *Survival. Global Politics and Strategy*. Vol. 15. Iss. 4. P. 158–165. <https://doi.org/10.1080/00396337308441409>.
11. Bajpae, C. Reinvigorating India’s ‘Act East’ Policy in an Age of Renewed Power Politics. *The Pacific Review*. 2023. Vol. 36. Iss. 3. P. 631–661. <https://doi.org/10.1080/09512748.2022.2110609>.
12. Chadha, A. India’s Foreign Policy towards Japan: Special Partnership amid Regional Transformation. *Ritsumeikan Journal of Asia Pacific Studies*. 2020. Vol. 38. Iss. 1. P. 19–37. https://doi.org/10.34409/rjaps.38.1_19.
13. Pugliese, G. The European Union and an “Indo-Pacific” Alignment. *Asia-Pacific Review*. 2024. Vol. 31. Iss. 1. P. 17–44. <https://doi.org/10.1080/13439006.2024.2334182>.

Сведения об авторах / Information about authors

Зарянский Сергей Александрович – аспирант, ассистент кафедры востоковедения; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

E-mail: Zaryanskysergey@gmail.com

ORCID: 0009-0009-3407-5004

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Zaryansky Sergey A. – PhD student, Oriental Studies Department assistant; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

E-mail: Zaryanskysergey@gmail.com

ORCID: 0009-0009-3407-5004

The author states that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026.
Одобрена после рецензирования 04.04.2026.
Принята 04.04.2026.

Received 15.03.2026.
Approved after reviewing 04.04.2026.
Accepted 04.04.2026.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [LVASYO](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.11](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Формирование казахстанско-российской границы и эволюция ее восприятия в казахском обществе

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
 bahtur_zz@spbstu.ru

Кожирова Светлана Басиевна

Институт востоковедения Министерства науки и образования Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан
s.kozhirova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исследование посвящено преодолению узкого институционального подхода в изучении границ. Фокус научной проблемы: определить основные этапы и факторы эволюции представлений о границе с Россией в казахском обществе. Основной исследовательский вопрос – как трансформировалось восприятие государственной границы казахским обществом на протяжении длительного исторического периода, и какие факторы определяли эту трансформацию. В условиях современной турбулентности понимание динамики восприятия границ необходимо для разработки стратегий приграничного взаимодействия. Лимнология – одно из активно развивающихся междисциплинарных направлений, а исследование ментальной рецепции границы, а не только ее юридического оформления, отвечает мировому тренду изучения идентичности. Ключевым элементом новизны является сдвиг исследовательской оптики: поскольку традиционно граница изучалась в правовом и геополитическом измерении, то в данной статье представлена попытка осмысления границы как феномена сознания. Несомненно, утверждение о том, что современная граница – это одновременно «жесткий барьер» (символ суверенитета) и «прозрачный мост» (ресурс сотрудничества), само по себе не ново, но новизна представленной работы в том, что она исторически обосновывает эту двойственность. Авторы доказывают, что «прозрачность» – не только продукт сегодняшних договоренностей, но и результат многовекового опыта сосуществования, «исторический капитал» и, по сути, этот вывод ведет к новой

объяснительной модели, в которой граница предстает не как статичная линия, а как эволюционирующий социальный конструкт.

Методы и материалы. В основе методологии лежит междисциплинарный синтез, сочетающий историко-генетический метод, метод проблемно-хронологического анализа источников, компаративный метод, дискурс-анализ и метод актуализации. Эмпирическую базу составляют два взаимодополняющих корпуса источников, официальные документы и источники, отражающие социальную рецепцию, что позволяет сопоставить проект границы «сверху» с ее восприятием и освоением «снизу».

Результаты. По итогам анализа восьми хронологических периодов была реконструирована нелинейная эволюция восприятия границы, представленная пятью ключевыми фазами: от конфликта между имперской «линией» и кочевым «ареалом» через адаптацию, национализацию пространства и советский идеологический парадокс к современному постсоветскому синтезу. Периоды представляют собой хронологический уровень, в то время как фазы – концептуальный, таким образом они работают в общей связке «событие-смысл». Главным выводом является выявление уникального двойственного статуса границы в современном сознании, которая одновременно выступает как жесткий символический барьер суверенитета и как прозрачный ресурсный мост для сотрудничества.

Заключение. Исследование демонстрирует, что российско-казахстанская граница является не только геополитическим и правовым, но и социокультурным феноменом. Предложенная модель доказывает свою эффективность для комплексного анализа границ, раскрывая их как продукт диалога между государственными проектами и социальными практиками. Установленная историческая преемственность и сформировавшийся баланс между барьерной и контактной функциями объясняют стабильность и функциональность одной из самых протяженных сухопутных границ в мире.

Ключевые слова: казахстанско-российская граница; эволюция представлений; национальное строительство; лимология; приграничные сообщества; исторические этапы; делимитация

Для цитирования: Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б. Формирование казахстанско-российской границы и эволюция ее восприятия в казахском обществе // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 158–173. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.11>. EDN: LVASYO.

© Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Formation of the Kazakh-Russian Border and the Evolution of its Perception in Kazakh Society

Zeynab Z. Bakhturidze

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
bahtur_zz@spbstu.ru

Svetlana B. Kozhirova

Institute of Oriental Studies by R.B. Suleimenova, Almaty, Republic of Kazakhstan
s.kozhirova@yandex.ru

Abstract

Introduction. This study seeks to overcome a narrow institutional approach to border studies. Its goal is to identify the key stages and factors in the evolution of perceptions of the border with Russia in Kazakh society. The primary research question is how Kazakh society's perception of the state border has transformed over a long historical period, and what factors have shaped this transformation. In today's turbulent times, understanding the dynamics of border perception is essential for developing strategies for cross-border interaction. Limology is a rapidly developing interdisciplinary field, and the study of the mental perception of borders, rather than just their legal

formalization, is in line with the global trend in identity studies. A key element of innovation is the shift in research perspective: while borders have traditionally been studied in legal and geopolitical terms, this article presents an attempt to conceptualize borders as a phenomenon of consciousness. Undoubtedly, the assertion that the modern border is simultaneously a “rigid barrier” (a symbol of sovereignty) and a “transparent bridge” (a resource for cooperation) is not new in itself, but the novelty of this work lies in its historical grounding of this duality. The authors demonstrate that “transparency” is not only the product of current agreements but also the result of centuries of coexistence, “historical capital”. This conclusion, in essence, leads to a new explanatory model in which the border is presented not as a static line, but as an evolving social construct.

Methods and Materials. The methodology is based on an interdisciplinary synthesis that combines the historical-genetic method, the method of problem-chronological analysis of sources, the comparative method, discourse analysis and the actualization method. The empirical base consists of two complementary bodies of sources: official documents and sources reflecting social reception. This allows us to compare the border project “from above” with its perception and development “from below”.

Results. Based on an analysis of eight chronological periods, a nonlinear evolution of border perception was reconstructed, represented by five key phases: from the conflict between the imperial “line” and the nomadic “area”, through adaptation, the nationalization of space, and the Soviet ideological paradox, to the contemporary post-Soviet synthesis. The periods represent the chronological level, while the phases represent the conceptual level, thus operating within the overall “event-meaning” nexus. The main conclusion is the identification of the unique dual status of the border in modern consciousness: it simultaneously functions as a rigid symbolic barrier to sovereignty and as a transparent resource bridge for cooperation.

Conclusion. The study demonstrates that the Russian-Kazakh border is not only a geopolitical and legal phenomenon, but also a sociocultural one. The proposed model proves its effectiveness for a comprehensive analysis of borders, revealing them as the product of a dialogue between state projects and social practices. The established historical continuity and the established balance between barrier and contact functions explain the stability and functionality of one of the longest land borders in the world.

Keywords: Kazakh-Russian border; evolution of ideas; nation building; limology; border communities; historical stages; delimitation

For citation: Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B. The Formation of the Kazakh-Russian Border and the Evolution of its Perception in Kazakh Society. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 158–173. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.11>. EDN: LVASYO.

© Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Несмотря на заявленную междисциплинарность политической лимологии, в конкретных исторических исследованиях часто доминирует институциональный подход. Отсутствует комплексный анализ, связывающий материальные практики установления границы (картография, делимитация, демаркация) с их рецепцией и осмыслением в коллективном сознании приграничных сообществ на примере российско-казахстанского пограничья.

В современной историографии и политологии процесс формирования российско-казахстанской границы изучен преимущественно в правовом, дипломатическом и геополитическом ключах. При этом остается неисследованной эволюция восприятия границы и пограничья со стороны казахского общества на протяжении длительного исторического периода. Недостаточно раскрыты механизмы трансформации

традиционных представлений о кочевом пространстве в понятие фиксированной государственной границы, а также влияние на это восприятие таких факторов, как колониальная администрация, советская национальная политика и постсоветское государственное строительство.

Цель исследования – определить основные этапы и факторы эволюции представлений о границе с Россией в казахском обществе (от кочевых сообществ до современной нации), выявив ключевые точки перелома и преемственности в этом процессе. Объект исследования – казахстанско-российская государственная граница как социально-политический и историко-культурный феномен. Предмет исследования – исторические этапы формирования казахстанско-российской границы и динамика восприятия этой границы – эволюция представлений о территории, суверенитете и соседстве в казахстанском обществе.

Феномен границ в последнее время стал областью активных научных исследований. Лимнология изучает границы, вопросы их демаркации и делимитации, воздействие границ на развитие и жизнь различных социальных и этнических групп. Междисциплинарность современных исследований границы является их самой важной отличительной особенностью. Предметное поле политической лимнологии фокусируется на геополитических, геокультурных, исторических, социально-психологических и других научных парадигмах. В современных условиях пограничные исследования становятся приоритетными и ставят вопросы влияния геополитической ситуации на характер реализации и защиты национальных интересов в пограничном пространстве, проблемы обеспечения пограничной безопасности; механизмы и способы мирного разрешения пограничных проблем, политические, социально-экономические, военные и многие другие.

Вопрос изучения российско-казахстанского пограничья и собственно границы имеет важное социально-политическое наполнение. Республику Казахстан и Российскую Федерацию объединяет не только протяженная линия сухопутной границы, но и значительный политико-исторический опыт взаимоотношений.

Материалы и методы

Важнейшую категорию источников по теме исследования составляют архивные документы и материалы. Они представлены архивами Республики Казахстан и Российской Федерации. Это архивы: «Центральный государственный архив Республики Казахстан» (ЦГА РК)¹, «Архив внешней политики Российской империи» (АВПРИ МИД РФ)², «Российский государственный военно-исторический архив» (РГВИА)³, «Российский государственный исторический архив» (РГИА)⁴. Богатый архивный материал, по теме исследования, имеется в российских областных архивах:

¹ Республиканское государственное учреждение «Центральный государственный архив» Комитета по делам архивов, документации и книжного дела Министерства культуры и информации Республики Казахстан: [сайт]. URL: <http://www.cga.kz/ru> (дата обращения: 10.12.2025).

² Архив внешней политики Российской империи // Историко-документальный департамент МИД России: [сайт]. URL: https://idd.mid.ru/archive/about_avpri.php (дата обращения: 10.12.2025).

³ Российский государственный военно-исторический архив: [сайт]. URL: <http://rgvia.rf> (дата обращения: 10.12.2025).

⁴ Российский государственный исторический архив: [сайт]. URL: <https://fgurgia.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

ГБУ «Объединенный государственный архив Оренбургской области»⁵, Исторический архив Омской области⁶, Архивы Алтайского края⁷.

Важным материалом в исследовании политико-исторического формирования казахстанско-российской границы стали материалы, двух категорий – законодательные акты и делопроизводственная информация [1; 2; 3].

Большое значение для истории формирования казахстанско-российской границы наряду с архивным материалом приобретают географические карты. Одним из первых крупных достижений российской и европейской картографии в отражении реального географического положения природных и историко-культурных объектов казахской степи является сборник географических карт «Чертежная книга Сибири», составленный на рубеже XVII–XVIII вв. выдающимся сибирским исследователем того времени С.У. Ремезовым (1642 – после 1720) [4].

Вызывает большой интерес также «Карта..., представляющая часть Российской империи и лежащих к оной соседственных мест, а именно: степи кочующих киргиз-кайсаков, Хивинского, Каракалпацкого владений, Большой и Малой Бухарии, Китайского государства и бывшего Зюнгорского владения». Ее составил в 1765 г. командир Сибирского корпуса генерал-поручик И.И. Шпрингер [5].

Большой научно-практический интерес для изучения истории и исторической топонимики Казахстана представляют также карты: реки Иртыша, составленную И.И. Исленьевым⁸, в 1778 г., карта Сибирской и Оренбургской губерний с кочующими по этой территории киргиз-кайсаков бывшего Зенгорского и Карыкалпацкого владений⁹. «Карта Южной и Восточной части степей киргиз-кайсаков, Большой и Малой Бухары, Зенгорского владения и Китая»¹⁰. Две последние карты были составлены в 1784 г. офицерами Сибирского корпуса¹¹.

Заслуживают внимание и многотомные издания документов и материалов «Внешняя политика Российской империи, 1801–1914 г.» в четырех томах [6–9], «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» [10], «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. (1771–1867 гг.)» [11], «Материалы по истории политического

⁵ ГБУ «Объединенный государственный архив Оренбургской области»: [сайт]. URL: <https://archive.orb.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

⁶ Исторический архив Омской области: [сайт]. URL: <https://iaoo.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

⁷ Архивы Алтайского края: [сайт]. URL: <https://altarchives.ru/kgkugaak?ysclid=mmt5hm3wyz762854882> (дата обращения: 10.12.2025).

⁸ Исленьев И.И. Карта Реки Иртыша от вершины до Омской крепости с положением прежде не известных древних селений Зюнгорских калмык [Карты] / сочинял И. Исленьев; вырезывал Л. Сергеев. [Санкт-Петербург: Географический департамент Академии наук], 1778 // Национальная электронная библиотека: [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012005865?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.12.2025).

⁹ Карта собранная полуденной части Сибирской и с частью Оренбургской линий, с показанием по части ж степи кочующих киргиз-кайсаков бывшего Зенгорского владения и Карыкалпацкого владения, так же какие в Зенгории киргизцами содержатся линии и по оным караулы при каких урочищах расположены // Мультимедийный архив Новосибирской области: [сайт]. URL: <https://archportal.nso.ru/kartograficheskie-materialy/svodnyy-katalog-rukopisnykh-kart-sibiri-i-dalnego-vostoka-xvii-nachala-xx-v/plany-pogranichnykh-linyy-krepostey-forpostov-redutov45fc96e8268348/sibirskaya-oboronitel'naya-liniya45fc96e826cfba/1227/> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁰ Карта южной и восточной части степей киргиз-кайсаков, Большой и Малой Бухары, Зенгорского владения и Китая: [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1798719> (дата обращения: 10.12.2025).

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 40.

строю Казахстана» [12], «Материалы по казахскому обычному праву» [13], «Материалы по киргизскому землепользованию [14].

Историко-генетический метод был применен для выстраивания причинно-следственной цепочки изменений в сознании, он дал возможность выделить пять фаз и восемь периодов, и увидеть, что нынешнее восприятие границы – это результат наслоения разных эпох. Метод проблемно-хронологического анализа источников позволил работать с разнородными источниками, группируя их по проблемным элементам. Такое совмещение показало определенный разрыв между официальной фиксацией и реальным сознанием, в частности архивные данные об отношениях султанов с имперской администрацией легли в основу тезиса об адаптации элиты, а материалы земской статистики и переписей (начало XX в.) помогли зафиксировать переход к этническому принципу.

Компаративный метод использовался в сопоставлении восприятия границы в разные эпохи, он продемонстрировал нелинейность процесса и дал основание для вывода об инструментализации границы. Институциональный анализ показал, как формальные институты влияли на неформальные практики и сознание. Этот метод стал ключевым для обоснования и понимания второй фазы. Дискурс-анализ политических текстов помог анализировать риторику (документы, лозунги, заявления) и позволил прийти к мнению о том, что граница – это не только линия, но и символ, который отстаивают. В частности, в начале XX века «границу» риторически превратили в символ нации, в советское время она стала символом формальности, а в 1990-е годы трансформировалась в символ независимости. Метод актуализации позволил не ограничиваться историей, а обозначить результаты в контексте современных реалий, т.е. показал, что история восприятия границы имеет прямое прикладное значение и доверие является серьезным историческим капиталом – ресурсом не менее важным, чем нефть или газ. Это позволило сформулировать вывод о том, что уникальность границы в её социальной приемлемости, выработанной историей, и обозначить целесообразные направления действий для дальнейшей реализации политики приграничного сотрудничества и региональной безопасности.

Результаты

В российской и зарубежной научной литературе вопросы, касающиеся изменений в восприятии границ казахским населением, исследованы недостаточно глубоко. Это объясняется как недостаточным вниманием к процессам формирования границ, так и к изучению особенностей казахского менталитета на различных этапах его эволюции (кочевой образ жизни, переходные периоды, современное общество), особенно в их взаимосвязи. Однако, понимание динамики и современного отношения к границам представляется крайне важным, в частности, для разработки эффективных стратегий приграничного взаимодействия.

Чтобы понять, как казахи воспринимали границы, следует обратиться к различным источникам. Среди них: этнографические записи, нормы традиционного права, заметки путешественников и государственных служащих, данные земской статистики и переписей населения, дипломатические документы, публикации в средствах массовой информации. Для более поздних периодов, включая постсоветский, полезны результаты социологических исследований, а в XXI веке – также контент социальных сетей.

Можно выделить следующие условные периоды в понимании границ и ключевые факторы, оказавшие влияние на это понимание.

Первый период – с XVI по XVIII вв. Характеризуется началом расширения контактов между казаками и русскими. Эти контакты приводили к непониманию и отрицанию европейского понятия границы и ее организационного построения [15, с. 42–43] и выражались от прямой конфронтации до подписания военно-политических союзов¹². Большое влияние на урегулирование конфликтов оказало развитие приграничной торговли.

Второй период – с XVII до первой половины XIX вв. В этот период идет процесс формирования демаркированных государственных границ. Он был связан, во-первых, с военными конфликтами с джунгарами¹³. После устранения конфликтных ситуаций, джунгары выступали за «практику постоянных пикетов, заключения международных договоров с указанием принадлежащих сторонам территорий» [16, с. 12]. Во-вторых, номинально без права полной власти, были приглашены в качестве правителей Хивы султаны из Казахстана. Их специально пригласили для организации пограничной службы, в случае чрезвычайной ситуации [16, с. 12]. В-третьих, наличие границы между Российской империей и Цинской империей, зафиксированной на картах и закрепляющей за ними территории.

Третий период – с 1820 по 1860-е гг. связан с организацией проведения административно-территориальных реформ. В результате султаны-правители получили статус волостных управителей [1, с. 70–71], сформировалось позитивное отношение к межевым знакам в качестве границ [17] и появились документы, т.е. нормативная база, что поспособствовало снятию напряженности [18].

Четвертый период – вторая половина XIX – начало XX вв. Проведение административно-территориальной реформы привело к формированию и конкретизации у казахского населения понятия о границе [19, с. 3–4]. Также процессу формирования границы способствовало общение казахов с русским населением.

Пятый период – с начала XX в. до первой трети XX в. Связан с активным проявлением среди казахской элиты национализма. Проявление национализма было связано с активной деятельностью российских партий левого толка, выступавших за создание национально-территориальных автономий.

Начался процесс создания националистических партий. Алаш (каз. «Алаш» *партиясы*) [20] образована в 1917 году, как политическое движение в которое объединило казахскую и киргизскую интеллигенцию, Уш-Жуз (каз. *Үш-Жуз – три жуза*), образована в октябре–ноябре 1917 г., как национально-политическая казахская организация, ориентированная на социалистическую и националистическую идеологию и др. В этот период националистические партии выступали за проведение картографических изысканий территорий, в основе которых был положен этнический принцип. Представители казахских националистических партий вошли в созданные органы по разграничению территорий и созданию казахских автономий. Таким образом, казахская элита восприняла административные границы как межгосударственные.

¹² Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. с. 167–176.

¹³ Джунгары (зюнгары, зенгоры, цзюнгары, чжунгары) – население средневекового ойратского владения – Джунгарского ханства. В настоящее время она относится к Китаю, Монголии, Казахстану, Киргизии, Таджикистану и России (Тува и часть Алтая).

Шестой период – с 1940 по 1970 гг. Можно характеризовать как интернациональный период. Произошло качественное этническое изменение населения Казахстана в период Великой Отечественной войны. Активное участие казахов в войне и одновременно создание в Казахстане обширной эвакуационной базы, способствовало развитию советской идеологии и формированию концепции – «советский народ». Все это способствовало, с одной стороны росту культурного и образовательного уровня населения, но с другой стороны приводило к формированию представления, что границы с союзными республиками носят формальный характер.

Седьмой период – с 1970 по 1990 гг. Для этого периода характерно создание и проявление этнического самосознания, направленного на новое прочтение административных границ. Началом этого процесса стало создание Немецкой национальной автономии, в конце 1970-х гг., вызвавшей резко негативное отношение казахского населения. Одновременно наблюдалось обострение межэтнических отношений между русскими и казахами, казахами и чеченцами, казахами и узбеками. Новая элита стремилась к формированию нового представления об исторических границах, в основу которого была положена мифологизация предков, базирующаяся на этническом и родоплеменном принципе. Активно стала возрождаться идея – трайбализма¹⁴, по которому вся земля в Казахстане принадлежала казахам. Это в свою очередь привело к росту интереса в отношении жузов¹⁵, являющейся специфической формой социально-политической организации казахов.

Восьмой период – с 1990 г. по настоящее время. 25 октября 1990 г. был провозглашен суверенитет республики с принятием Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики и установлением на основе делимитации границ с соседними государствами. С одной стороны граница трактовалась как гарантия охраны страны от проявления таких форм негативных проявлений как сепаратизм, терроризм, а с другой стороны, граница открывала большие возможности в развитии в приграничных районах.

Данные периоды представляют собой определенную эмпирическую схему, хронологическое измерение происходящих событий и процессов, однако, было важно реконструировать ментальные изменения. То есть не только обозначить, что происходило, но и понять, как это воздействовало на сознание. Поэтому была использована двухуровневая система: хронологическая (восемь периодов) и концептуальная (пять фаз), которые взаимодействовали в связке «событие – смысл».

Проведенный анализ широкого круга источников позволил реконструировать ключевые этапы и механизмы трансформации восприятия границы в контексте российско-казахстанского пограничья. Основным результатом исследования является выявление нелинейного и многослойного процесса, в ходе которого традиционные представления о пространстве последовательно накладывались, конфликтовали и

¹⁴ Трайбализм (от английского *tribalism*, от лат. *Tribus* «племя») – форма групповой обособленности, характеризуемая внутренней замкнутостью и исключительностью, сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам. Изначально характеризовал систему первобытных, неразвитых обществ, позднее понятие расширилось и приобрело новые направления.

¹⁵ Жуз – (каз. *Жүз* – букв. «лик» или «сотня») – одно из трёх исторически сложившихся крупных объединений казахских родов. Казахское общество традиционно состояло из трёх жузов: старшего (каз. *ұлы* – букв. «великий»), среднего (каз. *орта*) и младшего (каз. *кіші*).

синтезировались с имперскими, советскими и национально-государственными моделями.

1. Первая фаза – от «кочевого ареала» к «линии раздела» – кризис традиционной модели соответствует первому и второму периодам (XVI – первая половина XIX вв.). Данная фаза объясняет глубинный смысл конфликтов – столкновение двух логик: «подвижного пространства» кочевников и «жесткой линии» империи и ключевым механизмом здесь является непонимание.

Анализ ранних картографических материалов и этнографических свидетельств показывает, что доминирующей моделью пространства у казахов было понятие «кочевого ареала» (жайлау, кыстау) с размытыми, сезонно-динамичными рубежами, регулируемые нормами обычного права и родоплеменной структурой. Первые контакты с Российской империей, отраженные в дипломатической переписке и отчетах пограничных начальников, выявили фундаментальное непонимание: российская сторона настаивала на фиксированной «линии» и пикетах, в то время как казахские сообщества воспринимали эти действия как нарушение сложившегося порядка землепользования. Это противоречие стало источником постоянных локальных конфликтов, которые, однако, постепенно смягчались развитием приграничной торговли, выступавшей первым практическим инструментом взаимного «освоения» границы как института.

2. Вторая фаза – имперское проектирование и адаптация – граница как инструмент управления охватывает третий и четвертый периоды (XIX – начало XX вв.) и показывает, что происходящее не просто результат внешнего давления. По сути, казахская элита адаптировалась и использовала границы для усиления своей власти.

Введение имперской административно-территориальной системы (Уставы о сибирских и оренбургских казаках, реформы 1860-х гг.) стало переломным моментом. Делопроизводственная документация областных архивов (Оренбург, Омск) свидетельствует, что казахская элита (султаны, бии) быстро осваивала логику новой системы, увидев в административных границах и должностях волостных управителей инструмент для легитимации собственной власти и закрепления контроля над ресурсами. Таким образом, на смену конфронтации пришла стратегическая адаптация. Восприятие границы сместилось от отрицания к признанию ее как фактора социального порядка и карьерного роста, что заложило основу для будущего принятия границ в качестве политической реальности.

3. Третья фаза – национализация пространства – от административных линий к этническим границам совпадает с 5 периодом (начало XX в.) и объясняет качественный переход, граница перестала быть инструментом империи и стала мыслиться как этническая территория и символ будущей нации.

Под влиянием европейских идей национализма казахская интеллектуальная элита переосмыслила имперские административные границы как потенциальные контуры национальной автономии. В этот период впервые формулируется этнический принцип как основа для территориального размежевания. Это означало переход от восприятия границы как внешнего (имперского) регулятора к пониманию ее как воплощения национального суверенитета и средства защиты этнической идентичности.

4. Четвертая фаза – формализация или «стирание» границ объединяет шестой и седьмой периоды (середина – конец XX вв.) как парадокс советского времени, когда

юридически граница есть, но в сознании она то «прозрачна» (советский народ), то приобретает этническое измерение.

С одной стороны, юридическое и картографическое оформление границы между союзными республиками достигло максимальной четкости. С другой, официальная идеология «единого советского народа» и интенсивные миграционные процессы внутри СССР способствовали формированию у населения представления об этой границе как об условной, «проходной» линии. Этот парадокс ярко проявился в позднесоветский период (1970–1980-е гг.): на фоне формальной «прозрачности» начался процесс «этнизации» памяти о границе, что выразилось в росте интереса к родоплеменной структуре (жузам) и дискуссиях об «исторических землях», особенно в контексте межэтнических напряжений (например, вокруг немецкой автономии).

5. Пятая фаза – постсоветский синтез – граница как символ и ресурс соответствует восьмому периоду (конец XX–XXI вв.), она раскрывает итоги событий, которые происходили на этом этапе, в частности, возник двойственный статус – граница стала и символом независимости, и ресурсом для сотрудничества с Россией.

Протоколы заседаний делимитационных комиссий и освещение процесса в СМИ Казахстана показывают, что на современном этапе сформировалось двойственное восприятие. С одной стороны, в общественном сознании и официальном дискурсе граница окончательно утвердилась как неотъемлемый атрибут государственного суверенитета, гарант безопасности и символ национально-государственной идентичности. С другой, успешный и бесконфликтный процесс делимитации с Россией, в ходе которого спорные вопросы решались на основе взаимной выгоды (например, раздел инфраструктуры), укрепил представление о границе как о ресурсе для сотрудничества, «территории возможностей». Уникальность российско-казахстанского случая заключается в этом синтезе жесткой юридической оформленности и высокой социально-экономической проницаемости.

Таким образом, эволюция восприятия границы представляет собой не просто смену внешних форм, а глубокую трансформацию социальных и политических практик. От сакрально-хозяйственного понимания пространства через этапы имперской инструментализации и национальной проекции к современному двойственному статусу (барьер и мост) – данный процесс отражает более широкие метаморфозы казахского общества на пути от кочевого уклада к современной государственности. Ключевым фактором на каждом этапе выступала способность различных социальных групп адаптировать внешний институт границы для решения своих актуальных задач: выживания, упрочения власти, защиты идентичности, обеспечения суверенитета.

Новый статус государств после распада Советского Союза в 1991 г. существенно повлиял на административно-территориальные границы между ними. Граница стала государственной, а отношения между странами стали носить международный характер. Административная граница между РСФСР и Казахской ССР характеризовалась сложившейся линией на отдельных участках, которая не соответствовала правовым актам. В этой ситуации стороны вынуждены были принимать взаимовыгодные решения с учетом национальных и экономических интересов, приводивших к паритетному разделу и обмену площадями.

Республика Казахстан представила проект делимитации государственной границы в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 1 сентября 1999 г. № 1283 «О Правительственной Комиссии Республики Казахстан по

делимитации Государственной границы Республики Казахстан с Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Туркменистаном и Республикой Узбекистан»¹⁶.

Министерство иностранных дел Республики Казахстан сформировало комиссию, в которую вошли представители министерств, ведомств, областных, районных и аульных акиматов, заинтересованных в делимитации границы. В качестве экспертов к работе в Комиссии привлекались специалисты из разных государственных учреждений: геодезисты, картографы, землеустроители, гидрологи.

Государства, заинтересованные в делимитации своих границ, начали работу на самом сложном участке, богатом углеводородами Каспийском шельфе. Статус Каспийского моря, стал международно-правовым и определялся договорами, которые были подписаны в 1921 г. между РСФСР и Персией¹⁷ и договором 1940 г. между СССР и Ираном¹⁸. Договоры устанавливали исключительно морскую государственную границу между странами.

6 июля 1998 г. в Москве было подписано «Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование»¹⁹ и 29 ноября 2011 г. – «Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря»²⁰. Эти договоры способствовали принятию единого договора по правовому статусу Каспийского моря и одновременно проводили делимитацию всех континентальных шельфов прикаспийских государств.

Прикаспийские государства 12 августа 2018 г. согласовали новый статус Каспийского моря. Ключевым событием стало подписание главами Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря»²¹. Конвенцией определяются и регулируются права и обязательства Сторон в отношении использования Каспийского моря, включая его воды, дно, недра, природные ресурсы и воздушное пространство над ним.

¹⁶ О Правительственной Комиссии Республики Казахстан по делимитации Государственной границы Республики Казахстан с Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Туркменистаном и Республикой Узбекистан. Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 сентября 1999 года № 1283 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P990001283> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁷ Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией (Москва, 26 февраля 1921 года) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/mnogostoronnie-struktury-i-forumy/vzaimodeystvie_v_regione_kaspiyskogo_morya/1568249/ (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁸ Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном (Тегеран, 25 марта 1940 года) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/mnogostoronnie-struktury-i-forumy/vzaimodeystvie_v_regione_kaspiyskogo_morya/1568251/ (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁹ Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года // База данных. Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=20139 (дата обращения: 10.12.2025).

²⁰ Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000457_ (дата обращения: 10.12.2025).

²¹ Лидеры стран «пятёрки» подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5450141> (дата обращения: 10.12.2025).

Внешняя граница территориальных вод является государственной границей. Согласно пункту 3 статьи 7 Конвенции разграничение внутренних и территориальных вод между государствами со смежными побережьями осуществляется по договоренности между ними с учетом принципов и норм международного права. Стороны договорились в рамках статьи 8, о том, что разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы осуществляется по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр.

С 1999 г. начался процесс делимитации сухопутной границы между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. В ходе этого процесса было установлено 18 спорных участков. Эти участки касались случаев, когда единые населенные пункты и промышленные предприятия оказывались по разную сторону границы. Сложившиеся ситуации и в целом вопросы делимитации государственной границы между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, обсуждались с сентября 1999 г. по январь 2005 г. И были успешно решены. После продолжительных дискуссий, 18 января 2005 г. был подписан «Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о российско-казахстанской государственной границе»²².

Со вступлением договора в силу 12 января 2006 г., завершилось юридическое оформление сухопутной границы Республики Казахстан по всему периметру. В июле 2007 г. приступила к работе совместная российско-казахстанская комиссия по демаркации государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Пограничные знаки на границе между двумя государствами начали устанавливаться в мае 2009 г. Государственная граница Республики Казахстан прошла с 12 субъектами Российской Федерации, обеспечив дружественные, стабильные отношения в приграничных районах на благо стратегическим партнерским интересам двух стран.

Казахстанско-российская государственная граница в настоящее время полностью оформлена в соответствии с международно-правовыми документами. Закрепление казахстано-российской границы, является свидетельством бесконфликтного процесса оформления международно-правового статуса суверенитета, территориальной целостности, уважения и нерушимости существующих границ. В контексте урегулирования территориальных вопросов между Республикой Казахстан и Российской Федерацией необходимо подчеркнуть стабильность существующих между ними двухсторонних отношений.

Заключение

Главным научным результатом работы является выявление уникального двойственного статуса современной границы. Она утвердилась в общественном сознании и официальном дискурсе одновременно как «жесткий» символический барьер – незыблемый символ национальной государственности и гарант безопасности, и как «прозрачный» ресурсный мост – пространство для экономического сотрудничества и гуманитарного взаимодействия, чему способствовал

²² Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о российско-казахстанской государственной границе // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kz/1663475/> (дата обращения: 10.12.2025).

бесконфликтный, прагматичный процесс делимитации и демаркации. Эта двойственность составляет уникальную черту российско-казахстанского пограничья, объясняющую его стабильность и функциональность. Устойчивость границы определяется не только юридическими актами, но и степенью ее «внутреннего» принятия обществом. Казахстанско-российская граница демонстрирует высокий уровень легитимности, так как прошла длительный цикл адаптации, по сути, исторический капитал послужил фактором устойчивости. Бесконфликтный процесс делимитации/демаркации 1990–2000-х гг. и многовековой опыт взаимодействия создали уникальный исторический капитал доверия, который является «амортизатором» для текущих политических или экономических кризисов.

Для дальнейшей реализации политики приграничного сотрудничества и региональной безопасности представляется целесообразным:

- четко разделять политические дискурсы и практические режимы. Риторика суверенитета и безопасности не должна автоматически приводить к ужесточению таможенных или визовых процедур для легитимных агентов сотрудничества. Необходимы «зеленые коридоры» для проверенных участников. А вовлечение местных сообществ и бизнеса в обсуждение инфраструктурных проектов на границе позволяет укреплять восприятие границы как «своего», а не только «государственного» института;

- инвестировать в исторический капитал, активно поддерживать совместные культурно-исторические проекты, мемориализацию общего прошлого (в т.ч. советского) в приграничных регионах. Это не ностальгия, а инвестиция в поддерживающую среду для сотрудничества;

- смещать фокус пограничных и таможенных служб от запретительных функций к функции обеспечения беспрепятственной торговли и безопасной мобильности;

- внедрять совместные программы мониторинга «мягких» угроз, изучать и прогнозировать невоенные вызовы, которые создают напряжение.

Важно согласовать регулирование в сфере логистики, санитарного и ветеринарного контроля для создания единой конкурентной среды для бизнеса по обе стороны границы и институализировать «гуманитарные коридоры», в частности, упростить процедуры для приграничных ежедневных поездок, особенно для жителей разделенных исторических общин.

Уникальность российско-казахстанской границы – в ее укорененной социальной приемлемости, выработанной историей. Современная политика должна не просто администрировать эту границу, а бережно управлять ее двойственной природой, трансформируя исторический капитал в инструменты для решения задач XXI века: цифровизации, логистической интеграции и противодействия асимметричным угрозам. Успешная модель «барьер и мост» может стать экспортным политическим продуктом для других регионов мира со сложными приграничными ситуациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург: скл. изд. у авт., 1898. 884 с.
2. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Выпуск 1. Семипалатинский областной статистический комитет. Материальное право. 1886. 84 с.

3. Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731–1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. 42 с. EDN: [ZNRDOR](#).
4. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: в 2-х т. Т. 1. Факсимильное издание. М.: ФГУП ПКО «Картография», 2003. 115 с. Карты.
5. Панасенков В.Н. Памяти генерала Шпрингера // Национальные приоритеты России. 2020. № 3 (38). С. 3–9.
6. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М.: Кучково поле, 2017. 608 с.
7. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. 622 с.
8. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018. 904 с.
9. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М.: Кучково поле, 2018. 768 с.
10. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов) / под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. XVI, 743 с.
11. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867). Сборник документов и материалов. Алма-Ата. Наука, 1964. VIII, 575 с.
12. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Сборник. Т. 1. / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата. Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1960. 441 с.
13. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник 1 / под ред. С.В. Юшкова. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948. 350 с.
14. Свод материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей. Т. 13. Вып. 1. Таблицы бюджетов по типическим хозяйствам киргизского населения Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей. Департамент государственных земельных имуществ. Санкт-Петербург: «Товарищество Художественной печати», 1906. [4], XI, 322 с.
15. Хахалин К.В. Русско-китайское разграничение в Центральной Азии и трансформация международно-правовой характеристики «государственной территории» // Вестник исторической географии. № 2. М.: Изд-во «Ойкумена», 2001. С. 42–43.
16. Быков А.Ю., Кожирова С.Б. Эволюция восприятия границ казахами в XVII–XXI веках // Историко-культурная центральность и наследие больших и малых караванных дорог. В фокусе Центральная Азия: коллективная монография по итогам Международного научного симпозиума «Историко-культурная центральность Центральной Азии и наследие больших и малых караванных дорог» (Самарканд, 25 мая 2022 года) / отв. ред. Д.В. Сапрынская. М.: РАС, 2022. С. 9–18.
17. Русско-джунгарские отношения (конец XVII–60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Отв. ред. В.А. Моисеев. Барнаул: Издательство «Азбука», 2006. 360 с. EDN: [QPEBTJ](#).
18. Кенесарин А. История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина («Насаб-наме-йи султан Садык» – «Родословная султана Садыка»). М.: «Пресс-Бук», 2017. 140 с. EDN: [ZUWLZL](#).
19. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганды: «Гласир», 2010. 242 с.
20. Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2009. 412 с. EDN: [QVMSED](#).

REFERENCES

1. Kraft, I.I. Sbornik uzakoneniy o kirgizakh stepnykh oblastey [Collection of Laws Concerning the Kyrgyz of the Steppe Regions]. Sost. st. sovetnik Turg. obl. pravl. I.I. Kraft. Orenburg: skl. izd. u avt., 1898. 884 p. (In Russian).

2. Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh oby chayev kirgizov [Materials for Studying the Legal Customs of the Kyrgyz People]. Iss. 1. Semipalatinskiy oblastnoy statisticheskiy komitet [Semipalatinsk Regional Statistical Committee]. Materialnoye parvo [Substantive law]. 1886. 84 p. (In Russian).
3. Bykov, A.Yu. Rossiyskaya pravitelstvennaya politika v stepnykh oblastyakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.) [Russian Government Policy in the Steppe Regions and the Transformation of Traditional Kazakh Society (1731–1917)]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Historical Sciences. SPb: Saint Petersburg State University, 2006. 42 p. (In Russian). EDN: [ZNRDOR](#).
4. Remezov, S.U. Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlen naya tobolskim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu [The Drawing Book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar's son Semyon Remezov in 1701]. In 2 vol. Vol. 1. Faksimilnoye izdaniye [Facsimile Edition]. Moscow: FGUP PKO «Kartografiya», 2003. 115 p. Maps. (In Russian).
5. Panasenkov, V.N. In Memory of General Springer. *National Priorities of Russia*. 2020. No. 3 (38). P. 3–9. (In Russian).
6. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 1. *Vneshnyaya politika imperatora Aleksandra I. 1801–1825* [The Foreign Policy of Emperor Alexander I. 1801–1825]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2017. 608 p. (In Russian).
7. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 2. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I. 1825–1855* [The Foreign Policy of Emperor Nicholas I. 1825–1855]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2017. 622 p. (In Russian).
8. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 3. *Vneshnyaya politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III. 1855–1894* [The Foreign Policy of Emperors Alexander II and Alexander III. 1855–1894]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2018. 904 p. (In Russian).
9. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 4. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya II. 1894–1914* [The Foreign Policy of Emperor Nicholas II. 1894–1914]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2018. 768 p. (In Russian).
10. Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (Sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian Relations in the 16th–18th Centuries (Collection of Documents and Materials)]. Edited by V.F. Shakhmatov, F.N. Kireyev, T.Zh. Shoinbayev. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1961. XVI, 743 p. (In Russian).
11. Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867) [Kazakh-Russian Relations in the 18th–19th Centuries. (1771–1867)]. Sbornik dokumentov i materialov [Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata: Science, 1964. VIII, 575 p. (In Russian).
12. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoyedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii) [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan (from the Time of Kazakhstan's Annexation to Russia until the Great October Socialist Revolution)]. Collection. Vol. 1. Ed. by M.G. Masevich. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1960. 441 p. (In Russian).
13. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh Customary Law]. Collection 1. Ed. by S.V. Yushkova. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1948. 350 p. (In Russian).
14. Svod materialov po kirgizskomu zemlepolzovaniyu, sobrannykh i razrabotannykh ekspeditsiyey po issledovaniyu stepnykh oblastey [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the Expedition for the Study of Steppe Regions]. Vol. 13. Iss. 1. Tablitsy byudzhetrov po tipicheskim khozyaystvam kirgizskogo naseleniya Akmolinskoy, Semipalatinskoy i Turgayskoy oblastey [Budget Tables of Budgets for Typical Households of the Kyrgyz Population of Akmola, Semipalatinsk and Turgay Regions]. Department of State Land Property. St. Petersburg: “Artistic Printing Association”, 1906. [4], XI, 322 p. (In Russian).

15. Khakhalin, K.V. Russko-kitayskoye razgranicheniye v Tsentralnoy Azii i transformatsiya mezhdunarodno-pravovoy kharakteristiki «gosudarstvennoy territorii» [Russian-Chinese delimitation in Central Asia and the transformation of the international legal characteristics of “state territory”]. Vestnik istoricheskoy geografii [Bulletin of Historical Geography]. No. 2. Moscow: Oikumena Publishing House, 2001. P. 42–43. (In Russian).
16. Bykov A.Yu., Kozhirova S.B. Evolyutsiya vospriyatiya granits kazakhami v XVII–XXI vekakh [Evolution of the Perception of Borders by Kazakhs in the 17th–21st Centuries]. *Istoriko-kulturnaya tsentralnost i naslediyе bolshikh i malykh karavannykh dorog. V fokuse Tsentralnaya Aziya* [Historical and cultural centrality and legacy of large and small caravan roads. Focus on Central Asia]. A Collective Monograph Based on the Results of the International Scientific Symposium “Historical and Cultural Centrality of Central Asia and the Heritage of Large and Small Caravan Routes” (Samarkand, May 25, 2022). Ed. by D.V. Saprynskaya. Moscow: RAS, 2022. P. 9–18. (In Russian).
17. Russko-dzhungarskiye otnosheniya (konets XVII-60-ye gg. XVIII vv.) [Russian-Dzungen Relations (Late 17th–1760s)]. Documents and Extracts. Ed. by V.A. Moiseyev. Barnaul: Azbuka Publishing House, 2006. 360 s. (In Russian). EDN: [QPEBTJ](#).
18. Kenesarin A. Istoriya Kenesary Kasymova i Sadyka Kenesarina («Nasab-name-yi sultan Sadyk» – «Rodoslovnaya sultana Sadyka») [History of Kenesary Kasymov and Sadyk Kenesarin (“Nasab-name-yi sultan Sadyk” – “The Genealogy of Sultan Sadyk”)]. Moscow: Press-Book, 2017. 140 p. (In Russian). EDN: [ZUWLZL](#).
19. Abdrakhmanova B.M. Istoriya Kazakhstana: vlast, sistema upravleniya, territorialnoye ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: Power, System of Governance, and Territorial Structure in the 19th Century]. Karaganda: Glasir, 2010. 242 p. (In Russian).
20. Amanzholova D.A. Na izlome. Alash v etnopoliticheskoy istorii Kazakhstana [At the Turning Point. Alash in the Ethnopolitical History of Kazakhstan]. Almaty: Taimas Publishing House, 2009. 412 p. (In Russian). EDN: [QVMSED](#).

Сведения об авторах / Information about authors

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, доцент, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Кожирова Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник; Институт востоковедения Министерства науки и образования Республики Казахстан.

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7545-6676

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bakhturidze Zeynab Z. – Doctor of Political Sciences, Docent, Director of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Kojirova Svetlana B. – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher; Institute of Oriental Studies by R.B. Suleimenova.

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7545-6676

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026.

Одобрена после рецензирования 06.02.2026.

Принята 06.02.2026.

Received 10.01.2026.

Approved after reviewing 06.02.2026.

Accepted 06.02.2026.

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [QSOLSC](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.12](#)

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Факторы межгосударственного влияния в современных конкурентных условиях: Россия – Турция – Казахстан

Йылмаз Муратхан

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
jylmaz.m@edu.spbstu.ru

Дзюба Елена Вячеславовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
dzyuba_ev@spbstu.ru

Аннотация

Введение. В условиях усиливающейся турбулентности в мировом сообществе конкуренция между государствами приобретает комплексный характер: она охватывает политические, экономические, социокультурные, гуманитарные измерения с целью расширения многостороннего внешнего влияния. В этой логике отношения России и Турции с Казахстаном отражают формирование конкурентно-кооперативной модели, в рамках которой государства используют разные инструменты для укрепления своих позиций в региональном и глобальном контексте. После распада СССР Казахстан начал проводить многовекторную внешнюю политику, что позволило ему сотрудничать с разными странами, включая Россию и Турцию, однако у каждой из этих стран свои механизмы влияния на центральноазиатский регион вообще и Казахстан – в частности. Цель исследования – на примере актуального взаимодействия России и Турции с Казахстаном выявить факторы межгосударственного влияния (МГВ) в современных конкурентных условиях.

Материалы и методы. В работе применяются общенаучные методы: анализ и систематизация научных и нормативно-законодательных материалов, фактических и статистических данных, а также публичных общественно-политических нарративов, функционирующих в медиапространстве; метод сравнительного комплексного анализа стратегий России и Турции, касающихся влияния на развитие Казахстана. В работе также применяется дискурсивный анализ, который позволяет рассмотреть в широком контексте то, как Россия и Турция формируют свои нарративы в Казахстане, как транслируется информация об одном из ключевых центральноазиатских игроков в публичном пространстве. Институциональный подход к рассмотрению изучаемых явлений помогает выявить роль международных организаций и двусторонних соглашений в реализации «мягкой силы» двух государств. Методом обобщения полученных результатов выделяются факторы МГВ в современных конкурентных условиях.

Результаты. Выявлены отличительные особенности и сферы влияния России и Турции на Казахстан в постсоветский период: Россия сохраняет влияние через продвижение русского языка, имеющего в Казахстане статус официального; общекультурные связи, обусловленные советским прошлым; распространение русскоязычных СМИ; инвестиции и реализацию крупных инфраструктурных проектов. Турция делает ставку на развитие совместных университетов и создание культурных центров, реализацию молодежных проектов, лишь постепенно включая в сферу влияния экономику и инвестиции. Фиксируется факт конкурентного вовлечения Казахстана в развитие военной сферы со стороны России и Турции. Синтез полученных данных позволяет обобщить факторы МГВ в современных конкурентных условиях (демографический, институциональный, культурно-языковой, информационный, инвестиционно-экономический, инфраструктурный, образовательный и социально-гуманитарный, военно-политический и военно-технологический).

Заключение. Казахстан оказывается в центре конкуренции двух держав, что напрямую отражается на его внешней политике и региональной стабильности. Россия и Турция применяют разные стратегии влияния: у России с Казахстаном имеется общее советское наследие, у Турции – тюркская идентичность и религиозная близость. Взаимоотношения России и Турции с Казахстаном демонстрируют эффективность комплексного (многовекторного) и многостороннего (мультилатерального) подхода к решению вопроса о МГВ в современных конкурентных условиях.

Ключевые слова: международные отношения; факторы межгосударственного влияния; многостороннее взаимодействие; Россия – Турция – Казахстан

Финансирование: Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 25-28-01062 <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>.

Для цитирования: Йылмаз М., Дзюба Е.В. Факторы межгосударственного влияния в современных конкурентных условиях: Россия – Турция – Казахстан // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 174–199. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.12>. EDN: QSOLSC.

© Йылмаз М., Дзюба Е.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Factors of Interstate Influence in Contemporary Competitive Conditions: Russia – Turkey – Kazakhstan

Murathan Yilmaz

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
jylmaz.m@edu.spbstu.ru

Elena V. Dziuba

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
dzyuba_ev@spbstu.ru

Abstract

Introduction. In the context of increasing turbulence in the international system, competition among states is acquiring a multidimensional character, encompassing political, economic, sociocultural, and humanitarian domains with the aim of expanding multilateral external influence. Within this framework, the relations of Russia and Turkey with Kazakhstan reflect the emergence of a competitive-cooperative model, in which states employ diverse instruments to consolidate their positions in both regional and global contexts. Following the dissolution of the Soviet Union, Kazakhstan adopted a multi-vector foreign policy, enabling it to engage with a wide range of partners, including Russia and Turkey. However, each of these states relies on distinct mechanisms of influence in Central Asia in general, and in Kazakhstan in particular. The aim of this study is to

identify the key factors of interstate influence under contemporary competitive conditions, drawing on the case of the current interactions between Russia and Turkey with Kazakhstan.

Materials and Methods. The study employs general scientific methods, including the analysis and systematization of scholarly and regulatory–legal sources, as well as factual and statistical data and public sociopolitical narratives circulating in the media space. A method of comparative comprehensive analysis is applied to examine the strategies of Russia and Turkey with regard to their influence on Kazakhstan’s development. The research also utilizes discourse analysis, which makes it possible to consider, in a broader context, how Russia and Turkey construct their narratives in Kazakhstan and how information about one of the key Central Asian actors is communicated in the public sphere. An institutional approach is used to identify the role of international organizations and bilateral agreements in the implementation of the two states’ “soft power.” Finally, the method of generalization of the obtained results allows for the identification of key factors of interstate influence under contemporary competitive conditions.

Results. The study identifies distinctive features and spheres of influence of Russia and Turkey in Kazakhstan during the post-Soviet period. Russia maintains its influence through the promotion of the Russian language, which holds official status in Kazakhstan; shared cultural ties rooted in the Soviet past; the widespread presence of Russian-language media; as well as investments and the implementation of large-scale infrastructure projects. Turkey, in contrast, prioritizes the development of joint universities and the establishment of cultural centers, along with youth-oriented initiatives, while only gradually extending its influence into the economic and investment domains. The findings also indicate a pattern of competitive engagement by both Russia and Turkey in Kazakhstan’s military sphere. The synthesis of the data allows for the systematization of key factors of interstate influence under contemporary competitive conditions, including demographic, institutional, cultural-linguistic, informational, investment-economic, infrastructural, educational, and socio-humanitarian, as well as military-political and military-technological factors.

Conclusion. Kazakhstan is positioned at the center of competition between two powers, which directly affects its foreign policy and regional stability. Russia and Turkey employ different influence strategies: Russia relies on a shared Soviet legacy with Kazakhstan, whereas Turkey draws on Turkic identity and religious affinity. The interactions of Russia and Turkey with Kazakhstan demonstrate the effectiveness of both a comprehensive (multivector) and a multilateral approach to addressing the issue of interstate influence in contemporary competitive environments.

Keywords: international relations; factors of interstate influence; multilateral interaction; Russia – Turkey – Kazakhstan

Funding: The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-01062, <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01062/>.

For Citation: Yilmaz, M., Dziuba, E.V. Factors of Interstate Influence in Contemporary Competitive Conditions: Russia – Turkey – Kazakhstan. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 174–199. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.12>. EDN: QSOLSC.

© Yilmaz, M., Dziuba, E.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В условиях трансформации системы международных отношений усиливается конкуренция между крупными государствами за влияние на третьи страны, что определяет комплексный характер взаимоотношений, охватывающих политическую, военную, экономическую, социокультурную, технологическую сферы. Особую значимость конкурентно-кооперационные связи приобретают в региональных подсистемах, что обеспечивает стабильность и безопасность их существования и развития. Выделение наиболее эффективных факторов межгосударственного влияния

(далее – МГВ) становится решающим вопросом в отношении укрепления позиций того или иного государства в регионе. В треугольнике Россия – Турция – Казахстан формируется сложная конфигурация межгосударственного взаимодействия, в котором Россия и Турция стремятся закрепить и расширить свое присутствие в одной из наиболее развитых стран центральноазиатского региона.

После распада СССР страны Центральной Азии (далее – ЦА) пережили серьезные изменения. Казахстан, получив независимость, сумел использовать свои природные ресурсы и занять заметное место на международной арене, проводя осторожную внешнюю политику, которая характеризуется многовекторностью и сбалансированностью. Казахстан старается сохранить старые связи и вместе с тем налаживает и расширяет контакты с новыми партнерами: США, ЕС, Китай [1]. Такая политика требует осторожного дипломатического равновесия. Показательным примером этого является одновременное инициирование Президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым создания в СНГ Международной организации русского языка в 2023 г. и реализация программы последовательного перехода на «единый латинский алфавит», к чему на XI Саммите Организации тюркских государств (ОТГ) в г. Бишкеке призывал Р. Т. Эрдоган, обращаясь к странам-участницам ОТГ¹.

Россия и Турция в настоящее время продолжают оказывать значительное влияние на ЦА в целом и на Казахстан в частности. Россия, имея общую историю с Казахстаном в советском прошлом, сохраняет сильное влияние в первую очередь в области экономики (Казахстан – член ЕАЭС) и обеспечения региональной безопасности (Казахстан – член ОДКБ и ШОС). Турция опирается в первую очередь на родство национальных языков и общность религиозной культуры. Под очевидным влиянием Турции страны ЦА уже перешли или осуществляют в настоящее время, как Казахстан, переход на латиницу [2, с. 145–146]. 26 октября 2017 года был издан Указ Президента Республики Казахстан «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику»². Языковой фактор, наряду с религиозным, позволяет Турции расширить влияние не только в Казахстане, но и во всей ЦА. С 1990-х гг. Турция становится новым и самым заметным актором в регионе [3].

Привлекательность России и Турции объясняется экономической и военной силой, но также высоким уровнем развития в этих странах культуры, науки, образования. Значительное влияние оказывают также СМИ и публичная дипломатия, которые воздействуют не только на государственные структуры, но и на общество в целом. Как писал Дж. Най, «мягкая сила» – это способность воздействовать на другие страны через ценности и привлекательность, а не через военную или экономическую силу [4, с. 10]. Таким образом, наблюдается многостороннее, комплексное влияние двух конкурирующих государств на Казахстан, который выбирает политику многовекторной кооперации.

¹ Реджеп Тайип Эрдоган призвал страны-участницы ОТГ перейти на единый латинский алфавит. 06.11.2024 // KAKTUSMEDIA: [сайт]. URL: https://kaktus.media/doc/512549_redjep_tayip_erdogan_prizval_strany_uchastnicy_otg_pereyti_na_edinyu_latinskiy_alfavit.html (дата обращения: 08.09.2025).

² Указ Президента Республики Казахстан «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» № 569 от 26.10.2017 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-perevode-alfavita-kazahskogo-yazyka-s-kirillicy-na-latinskuyu-grafiku (дата обращения: 08.09.2025).

Цель исследования – на примере взаимодействия России и Турции с Казахстаном выявить факторы МГВ в современных конкурентных условиях.

Разработанность темы исследования

Изучению многоаспектных турецко-казахстанских отношений посвящены работы российских (В.А. Аватков [5; 6], Д.Б. Малышева [7], Е.Ф. Парубочая [3]; Н.П. Погадаев [8], С.А. Притчин [9], В.А. Смирнов [10], Д. Толеген [11] и мн. др.) и зарубежных исследователей (Э. Бурса [12], С. Йылмаз [13; 14], Б. Озсой [15], Н. Шимшек, Дж. Джаналтай, Х. А. Шимшек [16], Б. Балджи [17], А.О. Жампетовой, Я.С. Алкан, К.О. Дернек [18] и т. д.). Многосторонняя политика взаимодействия России и Казахстана особенно в рамках международных организаций (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ) рассматривается в работах С.Б. Кожировой [19], Ю.А. Давыдовой, Е.В. Каргаполовой [20], В.Ю. Додонова [21], А.В. Торопыгина, А.А. Никулиной [22] и др.

Одним из ключевых факторов институционализации и устойчивости межгосударственных отношений являются экономические связи и взаимные инвестиции. Рассмотрение экономического взаимодействия России и Турции с Казахстаном позволяет показать, каким образом элементы «мягкой силы» подкрепляются материальными ресурсами и структурными механизмами [16; 23; 24]. Военно-политическое и военно-технологическое сотрудничество традиционно связывается с инструментами «жесткой силы», однако через формирование доверия, стратегического партнерства и долгосрочных взаимозависимостей оно также создает косвенный эффект «мягкой силы». Вопросы военно-политического и военно-технологического сотрудничества Казахстана с Россией и Турцией обсуждаются в научных публикациях Б. Алиева [25], Р.Н. Макдермотта [26], В. Парамонова и О. Столповского [27] и др. Казахско-турецкие военные отношения в аспекте рассмотрения оборонного потенциала и военно-технического взаимодействия анализируются в исследованиях С. Йылмаза [13; 14], А. Симаворяна [28], А.В. Веснина [29], А.Н. Солтанзаде [30] и др.

Сотрудничество в сфере культуры и образования относятся к числу наиболее устойчивых и долгосрочных инструментов «мягкой силы». Общую теоретическую основу исследования в этом направлении составляют работы Дж. Ная [4] и Н. Дж. Калла [31], раскрывающие значение «мягкой силы», публичной и культурной дипломатии в системе международных отношений. В условиях турецко-казахстанских отношений, основанных на общих исторических, языковых и культурных элементах, эти направления играют важную роль в формировании общественного восприятия и взаимодействии элит. Вопросы культурного сотрудничества и инвестиций в образовательные проекты рассматриваются в публикациях О. П. Кутькиной и Е. А. Поляковой [32], Э.Р. Бурангулова [33], О. Савиной и В. Канаровой [34]. Влияние того или иного государства на разные страны осуществляется сегодня большей частью в медийном пространстве, за счет создания имиджа этого государства в информационном пространстве: локальном, региональном, глобальном. Вопросы изучения имиджа России в казахстанских СМИ и его восприятие обществом отражены в работах И. Бочкаревой, А. Есимовой, Д. Замятина [35], Г. С. Мельник [36], М. А. Савельевой [37]. Специфика презентации образа Турции и тюркского мира в

СМИ Казахстана рассматривалась в публикациях М. М. Аймагамбетовой, Г. Т. Жакуповой [38], А. В. Ковалевой и Г. Д. Джунушалиевой [39] и др.

В данной работе систематизируется исследовательский, нормативный, фактический материал, связанный с многосторонним (политическим, военно-стратегическим, технологическим, экономическим, гуманитарным и социокультурным) влиянием России и Турции на Казахстан, для выявления основных факторов МГВ в современных конкурентных условиях.

Методы и материалы

Для определения основных направлений многовекторной политики Казахстана, взаимодействующего в разных сферах с Россией и Турцией, применяются общенаучные методы: анализ и систематизация научных и нормативно-законодательных материалов, фактических данных и публичных общественно-политических нарративов, функционирующих в медиапространстве. Используется метод сравнительно-сопоставительного анализа стратегий двух государств, влияющих на многостороннее развитие Казахстана. Также в исследовании задействован метод дискурсивного анализа, который позволяет рассмотреть в широком контексте то, как Россия и Турция формируют свои нарративы о Казахстане, как транслируется информация об одном из ключевых центральноазиатских игроков в публичном пространстве. Институциональный подход к рассмотрению изучаемых явлений помогает выявить роль международных организаций и двусторонних соглашений в реализации «мягкой силы» двух государств. Методом обобщения эмпирических данных о взаимодействии в рамках треугольника *Россия – Турция – Казахстан* выделяются факторы МГВ в современных конкурентных условиях.

В работе используются научно-исследовательские материалы, посвящённые разным аспектам отношений России и Турции с Казахстаном; нормативная документация, определяющая специфику многостороннего развития современного Казахстана; фактический материал и публикации в казахских и – шире – центральноазиатских СМИ, представляющие образ России и Турции в медиапространстве.

Результаты и обсуждение

Сферы взаимодействия России и Казахстана

Исторические связи, языковая политика

В центре внимания России в отношениях с Казахстаном находятся исторические и культурные связи, унаследованные от СССР. В советский период были сформированы общие системы науки и образования, что закрепило сильные позиции русского языка (далее – РЯ) и культуры в стране. По данным агентства «QAZSTAT», около 15% населения в Казахстане составляют этнические русские (второе место после казахов; см. Рис. 1)³. В регионах, где они живут компактно, РЯ остается важной частью повседневной жизни, деловой сферы и общественной коммуникации. Согласно ст. 7 «Конституции Республики Казахстан», «в государственных

³ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан «QAZSTAT»: [сайт]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения: 21.03.2026).

организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык»⁴. Это важное преимущество в сохранении влияния.

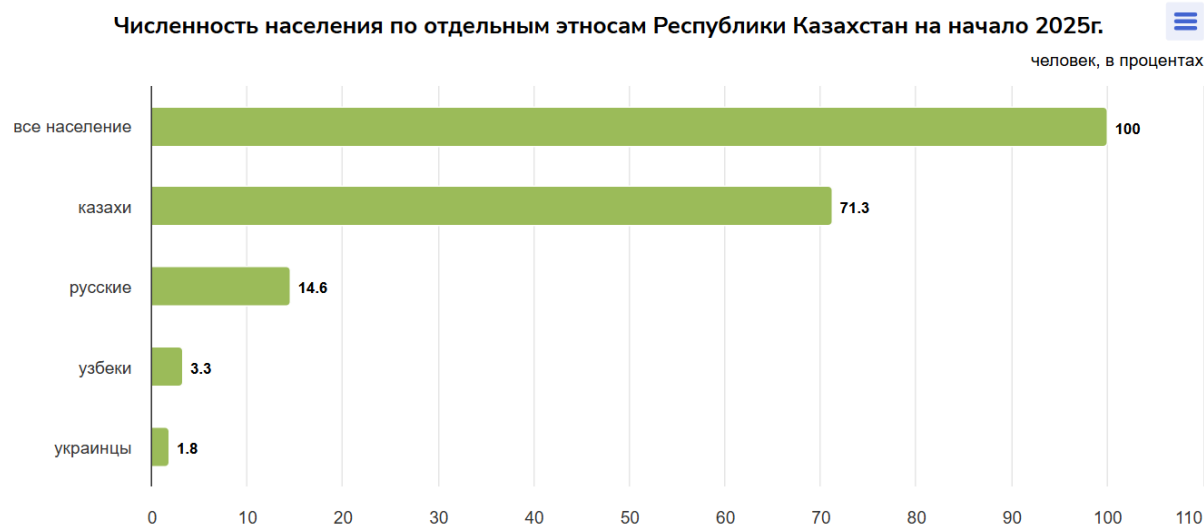

Рис. 1. Численность населения Республики Казахстан по этносам
Fig. 1. Population of the Republic of Kazakhstan by ethnic group

Образование и культурное сотрудничество

РЯ по-прежнему играет значительную роль в сфере науки, высшего и среднего образования. По данным Агентства «Россотрудничество» на 2023 г., в Казахстане насчитывалось 6 950 школ, из которых 3 606 (51,9 %) предлагали смешанное обучение на русском и казахском языках: из них 1 121 (16,1 %) предоставляла обучение исключительно на РЯ. Доля русскоязычных школ на постсоветском пространстве, в т. ч. в странах ЦА, стремительно снижается, но в Казахстане на данный момент по-прежнему самое большое количество русских и смешанных школ⁵.

При этом казахско-турецких лицеев и колледжей, созданных в Казахстане после 1992 г., по данным 2016 г., было 27 ($\approx 0,388\%$ от числа всех школ в Казахстане)⁶, но и в них обучение велось на четырех языках, в т. ч. русском. Среди казахской молодежи знание РЯ по-прежнему связывается с большими социальными и экономическими возможностями. Такой имидж помогает сохранять привлекательность РЯ и укреплять культурное влияние России. Инвестиции в РЯ и культуру в постсоветский период способствуют поддержанию полиязычного и многокультурного характера Казахстана, закрепляя присутствие России в долгосрочной перспективе.

Сфера образования является важным каналом укрепления культурных и академических связей России с Казахстаном. В 2022 г. Россия и Казахстан подписали серию документов о сотрудничестве в сфере высшего образования: Меморандум о

⁴ Конституции Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 21.03.2026).

⁵ Казахстан – чемпион Центральной Азии по количеству русских школ. 05.08.2023 // Деловой журнал «Профиль»: [сайт]. URL: <https://profile.ru/society/kazakhstan-chempion-centralnoj-azii-po-kolichestvu-russkih-shkol-1371174/> (дата обращения: 21.03.2026).

⁶ В Минобразования РК рассказали о судьбе казахско-турецких лицеев. 30.07.2016 // Forbes: [сайт]. URL: https://forbes.kz/articles/ministerstvo_obrazovaniya_rk_o_sudbe_kazahstansko-turetskiy_litseev (дата обращения: 26.03.2026).

взаимопонимании между Министерством образования и науки России и Министерством науки и высшего образования Казахстана⁷, Соглашение между Правительством РФ и Правительством РК о создании и функционировании филиалов образовательных организаций высшего образования РФ в РК и филиалов организаций высшего и послевузовского образования РК в РФ от 24 февраля 2022 г. (вст. в силу 18.04.2023 г.)⁸. Многие российские университеты (МГУ им. М. В. Ломоносова, МГТУ им. Н. Э. Баумана, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», МФТИ, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» и др.) предоставляют казахстанским студентам стипендии для обучения в России. Функционирующее в Казахстане АО «Агентство международных программ «БОЛЬШАК»» в 2022 г. финансировало обучение 1 363 стипендиатов в разных странах мира, из них 24 – в России и только 3 в Турции; однако безусловными лидерами по этому показателю являются США (630) и Великобритании (523)⁹. Агентство «Россотрудничество» проводит в разных странах мира и особенно в СНГ (в т. ч. Казахстане) десятки мероприятий по продвижению РЯ, культуры и российского образования. Так, в 2024 г. с участием школьников, студентов, учителей, вузовских преподавателей Казахстана было проведено около 30 международных мероприятий разного уровня¹⁰, охватывающих сотни представителей этой страны.

После распада СССР Россией ставилась цель развивать культурное сотрудничество и сохранять исторические и духовные связи народов СНГ. В этом русле были подписаны соглашения в сфере культуры и образования (1992), кинематографии (1995), издательского дела и полиграфии (2004), музееведения (2019). Международная деятельность в области культуры активно задействует такие инструменты, как «дипломатия наследия», тематические годы, программы культурного обмена, форумы учёных и деятелей искусства, а также иные механизмы публичной дипломатии [32, с. 77]. Такие программы не только открывают карьерные перспективы, но и формируют долговременные связи между образованной элитой Казахстана и Россией. В 1994 г. Россия и Казахстан подписали Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, которое стало одним из ключевых документов в этой сфере¹¹.

⁷ Список документов, подписанных в ходе рабочего визита Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева в Российскую Федерацию // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5773> (дата обращения: 26.03.2026).

⁸ Соглашение между Правительством РФ и Правительством РК о создании и функционировании филиалов образовательных организаций высшего образования РФ в Республике Казахстан и филиалов организаций высшего и послевузовского образования РК в Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202304270005> (дата обращения: 26.03.2026).

⁹ Годовой отчет о деятельности АО «Центр международных программ»: [сайт]. URL: <https://bolashak.gov.kz/storage/app/media/Godovye%20Otchety/%20%D0%A6%D0%9C%D0%9F%202022.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁰ Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2024 г. // Россотрудничество: [сайт]. URL: https://rs.gov.ru/app/uploads/2025/04/drond-za-2024_dlya-razmeshheniya_aprel-2025.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

¹¹ Соглашение о сотрудничестве в области культуры между странами СНГ // Электронный фонд правовых и нормативных документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900122> (дата обращения: 26.03.2026).

Значимыми образовательными проектами РФ и Казахстана являются Сетевой университет СНГ, созданный по инициативе РУДН и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ¹², и Университет ШОС¹³, организованный при поддержке В. В. Путина для развития образовательного взаимодействия стран ШОС [33, с. 615].

Таким образом, деятельность российских государственных структур, культурных центров, языковых школ и т. д. направлена на продвижение и популяризацию РЯ, культуры, образования в Казахстане. Это делает образовательное и культурное сотрудничество неотъемлемой частью общей стратегии России по утверждению своих позиций в Казахстане, странах СНГ и мире.

Влияние в медиапространстве

Медиа являются одним из ключевых инструментов «мягкой силы» России в Казахстане. Исследователи отмечают, что «имидж государства, формируемый другими странами, сильно влияет как на мировое общественное мнение, так и на восприятие граждан этих стран, поэтому позитивный имидж государства должен формироваться планомерно. Привлекательный имидж страны так же важен, как и ее промышленная или военная сила» [36, с. 111].

По состоянию на декабрь 2025 г. в Казахстане зарегистрировано 5062 СМИ, из которых 3081 составляют периодические печатные издания, 248 – телеканалы, 99 – радио, 1328 – интернет-издания. При этом 1530 (30,2 %) транслируют контент на казахском и русском языках¹⁴. (Заметим, что, согласно результатам опроса 2019 г., 65,2% респондентов доверяют казахстанским СМИ [36, с. 112].) Международные агентства и телеканалы, такие как *Sputnik* и *Russia Today* (RT), транслируют русскоязычный контент: новости, аналитические материалы, экспертные мнения и т. п. Активно ведут свою деятельность русскоязычные СМИ: «Вечерний Алматы» (Алматы), «Огни Алатау» (Талдыкорган), «Я покупатель и собственник» (Алматы), телеканал «Алматы ТВ», «Акмолинская правда» (Кокшетау) и газета «Вечерняя Астана» (Астана). Цели этих медиа не только информационные, они также способствуют формированию положительного образа России.

По данным Мониторингового агентства *Energyprom.kz* на 2025 г., казахстанская молодежь активно потребляет видеопроduct: фильмы, сериалы, телевизионные шоу. При этом предпочтения распределяются так: контент казахстанского производства смотрит 57,7%; российского – 45,1%, голливудского – 41,9%, турецкого – 24,3% (см. рис. 2).

¹² Сетевой университет СНГ // Исполнительный комитет СНГ: [сайт]. URL: https://eccis.org/page/19157/setevoj_universitet_sodruzhestva_nezavisimyh_gosudarstv (дата обращения: 26.03.2026).

¹³ Университет ШОС // Секретариат ШОС: [сайт]. URL: <https://rus.sectesco.org/20231127/1179905.html> (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁴ Статистика СМИ по состоянию на декабрь 2025 г. // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/inf/press/article/details/227885> (дата обращения: 26.03.2026).

Рис. 2. Предпочтения казахстанской молодежи в выборе отечественного и иностранного видеоконтента¹⁵

Fig. 2. Kazakhstani youth preferences for domestic and foreign video content

Имидж России в казахстанских СМИ в основном отражается через торгово-экономические и социально-культурные связи в национальной прессе, а также через трансграничное сотрудничество в региональных изданиях. Сходство в экономическом развитии и внутренней политике двух стран, общие социогуманитарные ценности, стремление к информационному обществу и модернизации содействуют восприятию России как партнера, дружественного соседа и одновременно торгового конкурента. Несмотря на сильное информационное давление западных СМИ в отношении России, казахстанские медиа формируют ее образ в русле традиционного сотрудничества, взаимодействия и добрососедства [36, с.112].

В казахстанских СМИ в двусторонних отношениях на первый план выходит именно экономический и политический аспекты. В странах ЦА власть в России в целом воспринимается как «сильная»; однако этот имидж имеет и некоторые отрицательные коннотации. Восприятие во многом формируется вокруг фигуры В. В. Путина, что указывает на персонализированный характер образа России. Сформированный под влиянием СМИ, этот лидер-центричный взгляд становится ключевым элементом имиджа России в соседних государствах [37, с. 672].

Медиа являются заметным и эффективным инструментом российской «мягкой силы». В 2004 г. был проведен опрос среди казахстанских студентов о восприятии России под влиянием СМИ. Опрос показал, что представления студентов о России носят многогранный характер: они воспринимали Россию как большое и сильное государство, развитую и богатую страну, связывая её с объемной торговлей, промышленностью, экономикой, независимой политикой. Дополнительные ассоциации были связаны с многонациональным составом населения, сильной армией,

¹⁵ Что чаще всего смотрят казахстанцы в интернете – статистика. 26.09.2025 // Inbusiness.kz. Медиахолдинг «Atameken Business»: [сайт]. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/chto-chashe-vsego-smotryat-kazahstancy-v-internete-statistika> (дата обращения: 26.03.2026).

внешним обликом людей, национальной русской кухней. В целом Россия ассоциировалась как с историко-культурными символами, так и с масштабом и силой [35, с. 44–45]. Д.А. Черничкин, анализируя исследовательские работы казахстанских и российских ученых, данные мониторинговых центров двух стран в период с 2004 до 2024 гг., подчеркивает, что образ России в Казахстане носит амбивалентный характер. На оценку российского имиджа, как отмечает исследователь, влияют разные факторы: экономический (членство в ЕАЭС), геополитический (российско-украинский конфликт, многовекторность политики), социогуманитарный (наличие обширных дружеских и родственных связей между гражданами двух государств). Исследователь приходит к выводу, что, «несмотря на внешнее информационное давление со стороны западных СМИ, определенные политические и экономические трудности, Россия остается для казахстанцев мощной экономической державой» [40].

Экономическое влияние и инвестиционная политика России в Казахстане

Экономический аспект «мягкой силы» России в Казахстане проявляется в стратегических отраслях: энергетике, логистике, торговле. Россия остается крупнейшим партнером Казахстана в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который способствует росту и развитию двусторонней торговли [23, с. 457]. По данным Бюро национальной статистики Казахстана, Россия остается одним из его главных партнеров. По количеству иностранных компаний в Казахстане, Россия является безусловным лидером: 17,4 тыс. компаний работают на территории РК несмотря на то, что к 2025 г. их число снизилось на 8% (см. рис. 3). Доля компаний Турции – 3,3 % (снижение на 6,8%). При этом количество организаций из Китая (5,5 тыс.) и Узбекистана (5,7 тыс.) в Казахстане продолжает расти.

Рис. 3. Иностранные компании в Казахстане¹⁶

Fig. 3. Foreign companies in Kazakhstan

¹⁶ Инвесторы из Турции и США закрывают компании в Казахстане. 02.12.2025 // LS – Информационное агентство: [сайт]. URL: <https://lsm.kz/investory-iz-turcii-i-ssha-zakryvayut-kompanii-v-kazahstane-infografika> (дата обращения: 26.03.2026)

Россия остается активным партнером Казахстана в нефтегазовой сфере. Экспорт в Россию составляет в среднем 7–10%, немного уступая Китаю. Основная причина – схожая структура экспорта: и Россия, и Казахстан в значительной степени зависят от сырьевой экономики. Среди крупных совместных проектов можно назвать Каспийский трубопроводный консорциум¹⁷ (до 55-67 млн т/год); нефтепровод Узень – Атырау – Самара (15-18 млн т/год).

Активно сотрудничает в Казахстане Госкорпорация «Росатом». По словам гендиректора А. Е. Лихачева, корпорация договорилась о строительстве в РК двух блоков большой мощности флагманского проекта ВВЭР-1200; в августе 2025 г. дан старт первым работам¹⁸.

В 2024 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан было подписано соглашение об организации взаимодействия в области развития железнодорожного транспорта и инфраструктуры, автомобильных дорог, а также автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска через границу между РФ и РК¹⁹. Соглашение направлено на координацию совместных действий по развитию логистической инфраструктуры с целью обеспечения эффективности перевозок и повышения пропускной способности. Оно предусматривает разработку «дорожных карт», обмен информацией и создание рабочих механизмов взаимодействия двух стран для укрепления торгово-экономических связей, транзита и развития приграничных территорий.

В настоящее время активно развивается морской маршрут через Махачкалу. Этот хаб является единственным незамерзающим морским портом в России на Каспии. Представляя собой один из ключевых узлов международного торгового коридора (МТК) «Север – Юг», он связывает российские порты Каспийского региона с Ираном, Индией, Китаем и другими странами Азии и Ближнего Востока. Для Казахстана значение этого МТК проявляется в нескольких ключевых выгодах: расширение транспортных возможностей (Казахстан получает альтернативный маршрут через Каспий к южным рынкам — Ирану, Индии, странам Ближнего Востока, что снижает зависимость от северных и западных направлений); повышение экспортного потенциала (упрощается вывоз казахстанской продукции: нефти, зерна, металлов); снижение стоимости транспортировок за счет более коротких и гибких маршрутов; повышение доходов от транзита и развитие собственной инфраструктуры через усиление транзитной роли Казахстана как связующего звена между Китаем,

¹⁷ Каспийский Трубопроводный Консорциум // Росконгресс. Пространство доверия: [сайт]. URL: https://roscongress.org/company/kaspiyskiy-truboprovodnyy-konsortsiy-ktk/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁸ Алексей Лихачев: «Корпорация, если судить по человеческим меркам, достигла совершеннолетия» // Официальный сайт Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: [сайт]. URL: https://rosatom.ru/journalist/interview/aleksey-likhachev-korporatsiya-esli-sudit-po-chelovecheskim-merkam-dostigla-sovershennoletiya/?sphrase_id=7566562 (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством РК об организации взаимодействия в области развития железнодорожного транспорта и инфраструктуры, автомобильных дорог, а также автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска через государственную границу между РФ и РК // МИД Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62689/ (дата обращения: 26.03.2026).

Россией и южными рынками. Все перечисленное способствует укреплению экономики страны.

Активное участие Казахстана в интеграционных инициативах под руководством РФ (ЕАЭС, Большое экономическое пространство) придает этим связям институциональный характер. Эти объединения способствуют региональной интеграции и одновременно усиливают влияние России через экономику. Инвестиции и совместные проекты укрепляют положительный имидж России в Казахстане и закладывают основу для долгосрочного стратегического партнерства.

Стратегическое и военно-техническое сотрудничество Казахстана и России

Отношения РК и РФ в военно-стратегической сфере опираются на развитую институциональную основу: страны являются членами ОДКБ и ШОС, в рамках которых осуществляется координация политики в сфере безопасности, совместное планирование и реагирование на региональные угрозы в странах ЦА [41]. Тесный обмен разведывательной информацией и сотрудничество между спецслужбами РФ и РК также способствуют формированию близких оборонных отношений. Уровень такого взаимодействия напрямую влияет на национальную безопасность Казахстана, поскольку сотрудничество с РФ обеспечивает доступ к значительно более широким разведывательным возможностям. Это оказывает влияние на то, как Астана воспринимает свою угрозовую среду и оценивает существующие риски [26, с. 53].

Важным элементом сотрудничества являются регулярные совместные учения и операции, проводимые как в двустороннем формате, так и в рамках ОДКБ. Они направлены на отработку задач коллективной обороны, противодействие терроризму и реагирование на кризисные ситуации, что обеспечивает высокий уровень оперативной совместимости вооруженных сил двух государств и всех стран-членов ОДКБ. Одним из значимых событий будут планируемые в сентябре 2026 г. совместные учения с подразделениями коллективных сил быстрого развертывания «Рубеж-2026», которые являются одним из этапов реализации Плана развития военного сотрудничества государств-членов ОДКБ на 2026-2030 годы.

Военно-техническое сотрудничество отличается высокой степенью устойчивости. В первые годы после обретения независимости Казахстан не испытывал необходимости в закупке вооружений и военной техники для своих вооруженных сил, поскольку унаследовал от СССР практически весь арсенал и оборудование, ранее принадлежавшие Среднеазиатскому военному округу, в состав которого входила территория Казахской ССР [27, с. 4]. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), Казахстан в последние годы попадает в топ 40 стран-импортеров вооружения²⁰. При этом до последнего времени 88% арсенала Казахстан закупал у России, однако в последние годы этот процент снижается в пользу Турции и Китая²¹. Россия также сохраняет свои позиции как один из ключевых партнеров Казахстана в сфере технической модернизации, обслуживания военной техники, а также подготовки специалистов. Так, 31 октября 2025 г. министры

²⁰ Stockholm International Peace Research Institute: [сайт]. URL: <https://www.sipri.org/> (дата обращения: 26.03.2026).

²¹ Share of Russian arms exports plummets: [сайт]. URL: https://eurasianet.org/kazakhstan-makes-top-40-list-of-arms-importers-survey?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 26.03.2026).

обороны РК и РФ Даурен Косанов и Андрей Белоусов «обсудили вопросы региональной безопасности, двустороннего сотрудничества в сфере подготовки военных кадров и военно-патриотического воспитания» и подписали план сотрудничества на 2026 г.²² Совместные военные учения и инфраструктура формируют долгосрочную технологическую и логистическую взаимозависимость. РФ располагает на территории Казахстана несколькими военными базами и объектами, занимающими значительные площади (испытательные полигоны, радиотехнические центры, авиационные структуры, отдельные подразделения Вооружённых сил РФ). Данное военное присутствие обеспечивает РФ устойчивое и долгосрочное влияние в сфере безопасности Казахстана [13, с. 2].

Особое место в двусторонних отношениях занимает космодром Байконур, который создавался и на протяжении длительного времени функционировал как научно-испытательный полигон Министерства обороны СССР. Космодром Байконур и город с одноименным названием вместе образуют комплекс «Байконур», арендованный Россией у Казахстана на период до 2050 г.²³ Его использование в гражданских и двусторонних технологических программах придает сотрудничеству дополнительное стратегическое измерение. В совокупности это позволяет рассматривать казахстано-российские военные отношения как важный механизм долгосрочного влияния России в регионе.

Сферы взаимодействия Турции и Казахстана

Политика тюркоязычной интеграции в Казахстане

Первые политические протоколы между двумя странами были подписаны в октябре 1990 г. в Алматы, еще до обретения Казахстаном независимости, между Казахской ССР и Министерством культуры Турецкой Республики. Этот протокол, охватывающий образование, науку, туризм, транспорт, связь, экономику и профессиональное обучение, создал условия для обучения многих граждан Казахстана в Турции. Важным шагом этого процесса стало подписание 2 марта 1992 г. в Алматы министром иностранных дел Казахстана Толеутаем Сулеймановым и министром иностранных дел Турции Хикметом Четином соглашения «Об установлении дипломатических отношений и безвизовом режиме» [14, с. 89].

Сотрудничество Турции и Казахстана в сфере образования

Одним из самых важных инструментов «мягкой силы» Турции в Казахстане является образовательная дипломатия. Первые соглашения между министрами образования двух стран были подписаны 15 марта 1991 г. в Алматы и 26 сентября 1991 г. в Анкаре. 1 мая 1992 г. было заключено «Соглашение о сотрудничестве в области образования, культуры и спорта», которое позволило создавать взаимные образовательные учреждения. За ним последовали «Заявление министров образования» 1995 г., «Протоколы о сотрудничестве в области образования и науки» от 28 июля 1997 г. Эти документы дали начало новым проектам, ставшим мостом в сфере образования и культуры двух стран [14, с. 105].

²² Главы МО Казахстана и РФ подписали план сотрудничества на 2026 г. // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25505833> (дата обращения: 26.03.2026).

²³ Космодром Байконур: [сайт]. URL: <https://www.roscosmos.ru/479/> (дата обращения: 26.03.2026).

После распада СССР одним из важнейших образовательных проектов Турции в отношении тюркских народов стал «Большой образовательный проект». Запущенный в 1992 г. с участием Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана, со временем он превратился в значимую программу для иностранных студентов, охватившую 57 государств и сообществ. Развитие отношений с соседними странами отразилось и на международных студенческих обменах. В 2012 г. проект был обновлен и преобразован в более масштабную программу «Türkiye Bursları» («Турецкие стипендии») [12, с. 9]. Благодаря этой программе сотни казахстанских студентов ежегодно получают возможность получать высшее образование в Турции на всех уровнях. Эта государственная программа включает распределение по университетам и факультетам, ежемесячную стипендию, оплату обучения, медицинскую страховку, проживание, курсы турецкого языка, авиабилеты, а также бесплатные академические и культурные мероприятия²⁴. К концу 2012 г. число воспользовавшихся этой программой превысило 43 000, однако общее количество выпускников составило лишь 10 500 человек [14, с. 106]. По данным на 2024 г., число студентов из Казахстана, прошедших обучение по этой программе, составило 2000 человек. Эти студенты не только приобретают знания и навыки, но и формируют прочные социальные и культурные связи между двумя странами.

Важную роль в развитии сотрудничества играют совместные университеты: Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави²⁵, Университет Сулеймана Демиреля²⁶, Казахский национальный университет²⁷. Они активно способствуют академическому сотрудничеству через обмен студентами и преподавателями, совместные исследования и культурные проекты. Таким образом, образовательная сфера служит основой долгосрочного укрепления влияния Турции.

Культурное и языковое взаимодействие

Турция активно использует идею лингвокультурной близости с Казахстаном. В рамках концепции тюркского мира подчеркиваются общие язык, история, культура, религия, что усиливает связи между странами. Важную роль в этом играет деятельность Института Юнуса Эмре (филиал имеется в Казахстане), который проводит курсы турецкого языка, выставки, концерты и другие культурные мероприятия. Эти инициативы формируют положительный имидж Турции в казахстанском обществе.

Турецкое государство сыграло важную роль в возрождении ислама в Казахстане, содействуя выработке новой религиозной политики. Официальный орган, управляющий исламом в Турции, Дианет направил в Казахстан десятки имамов. Наиболее важным шагом стало открытие теологического факультета в Шымкенте, где были подготовлены сотни специалистов, работающих не только в религиозной, но и других сферах. Многие казахстанские студенты в свою очередь получили образование в различных теологических факультетах Турции [13, с. 4].

²⁴ Официальный сайт «Türkiye Bursları»: [сайт]. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/hakkimizda> (дата обращения: 05.09.2025).

²⁵ Университет Ахмеда Ясави: [сайт]. URL: <https://ayu.edu.kz/ru/> (дата обращения: 05.09.2025).

²⁶ SDU: [сайт]. URL: <https://sdu.edu.kz/> (дата обращения: 05.09.2025).

²⁷ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби: [сайт]. URL: <https://farabi.university/university> (дата обращения: 05.09.2025).

Медиа и публичная дипломатия

Турция усиливает свое присутствие и влияние в Казахстане посредством публичной дипломатии: поддерживаются СМИ, вещающие на турецком и казахском языках, проводятся масштабные информационные кампании в социальных сетях, что позволяет Турции напрямую обращаться к широким слоям населения.

Особое внимание уделяется молодежи: онлайн-мероприятия, конкурсы, культурные акции, образовательные вебинары и публикации в социальных сетях формируют у нового поколения позитивный и современный образ Турции. К этому добавляется популярность турецких сериалов, музыки и других элементов китч-культуры, которые становятся важным инструментом «мягкой силы» и способствуют укреплению привлекательности Турции в глазах казахстанской аудитории. Среди потребителей контента турецкого производства в Казахстане – 24,3% населения (см. рис. 2). Каналы вроде *TRT Avaz* также выполняют миссию продвижения турецкого языка и культуры.

Значительная часть культурных инициатив реализуется через турецкие неправительственные организации, работающие в Казахстане. Они активно сотрудничают с местными общественными объединениями, образовательными учреждениями и культурными центрами, что позволяет не только укреплять гуманитарные связи, но и создавать устойчивые каналы диалога между обществами двух стран. Таким образом, медиа- и культурные проекты Турции в Казахстане становятся важной составляющей ее внешней политики, направленной на углубление двусторонних отношений.

Экономическое сотрудничество Турции и Казахстана

Визит Президента Турции Тургут Озала в марте 1991 г. в Казахстан открыл путь к новым экономическим отношениям, обеспечивая инвестиционные гарантии, что сопровождалось подписанием ряда соглашений, ставших основой двусторонней торговли [14, с. 96]. Экономическое сотрудничество Казахстана и Турции основано на Соглашении о защите инвестиций (1992 г.)²⁸ и работе Совместной экономической комиссии (1993 г.). Создание Делового совета и открытие совместных банков в 1992 г., а также вложения в строительство и телекоммуникации сделали Турцию четвертым по величине инвестором в Казахстане после России, Китая и Италии [14, с. 97; 24, с. 64].

В последние годы наблюдается заметный рост торговли между Казахстаном и Турцией. Основные экспортные товары Турции: золото, оптические приборы, текстиль, металлические конструкции; основной импорт: медь, природный газ, цинк, алюминий. Экспорт Турции отличается разнообразием и в основном состоит из трудоемкой и трудно копируемой продукции, из Казахстана она в больших объемах ввозит сырье [16, с. 8]. Казахстан обладает богатыми запасами нефти и природного газа; среди бывших советских республик страна занимает второе место по добыче нефти после России. Сравнительные показатели добычи нефти и газа свидетельствуют об очевидной заинтересованности Турции в активном сотрудничестве с Казахстаном. В качестве примера приведем сравнительные показатели добычи газа в Казахстане и Турции – с одной стороны, России и Казахстана – с другой (см. рис. 4, 5).

²⁸ О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Республикой Турция о взаимном содействии и защите инвестиций // Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B930005700_ (дата обращения: 26.03.2026).

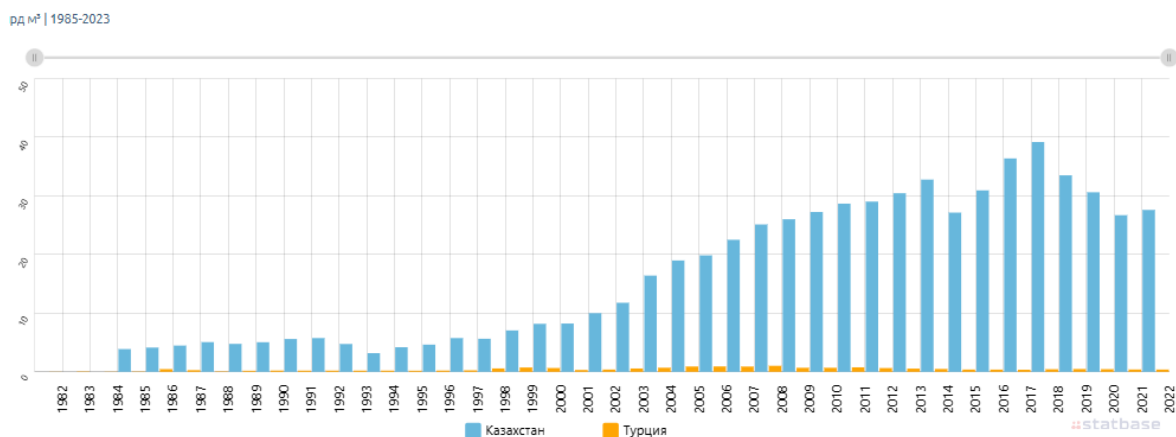

Рис. 4. Сравнительные данные по добыче газа в Казахстане и Турции (сформировано авторами с помощью ресурса *Statbase*²⁹)
Fig. 4. Comparative data on gas production in Kazakhstan and Turkey (compiled by the authors using *The Statbase* resource)

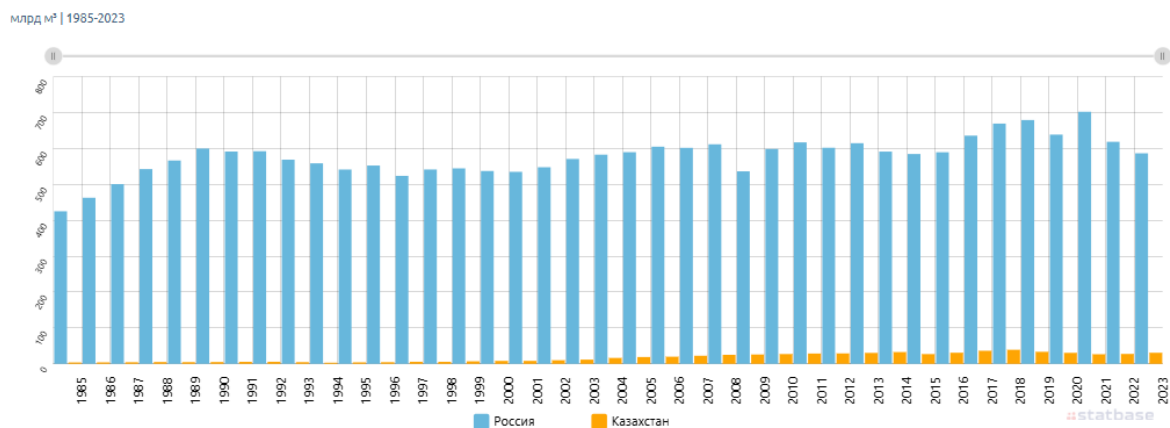

Рис. 5. Сравнительные данные по добыче газа в Казахстане и России (сформировано авторами с помощью ресурса *Statbase*)³⁰
Fig. 5. Comparative data on gas production in Kazakhstan and Russia (compiled by the authors using *The Statbase* resource)

С 2023 г. наблюдается стремительный рост прямых турецких инвестиций в Казахстан, который по их доле в Евразийском регионе занимает второе место после России. Как отмечается в докладе Евразийского банка развития³¹, «прирост инвестиций из Турции в Казахстан с 2023 г. обеспечен такими проектами, как строительство компанией *Aksa Energy* парогазовой установки в Шымкенте, строительство ТЭЦ в Кызылординской области и завода по производству овощей компанией *Alarko Group* в Шымкенте, совместное строительство компаниями *Esta Construction* и *QazaqGaz* завода по производству карбамида и аммиака в Мангистауской области, строительство *Corex Holding* (ранее *Yildirim Group*) завода по производству кальцинированной соды в Жамбылской области. В 2024 г. завершены

²⁹ Добыча газа | Казахстан. Сравнение с Турцией // База открытых мировых данных Statbase: [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/kaz-gas-production/> (дата обращения: 12.03.2026).

³⁰ Добыча газа | Россия. Сравнение с Казахстаном // База открытых мировых данных Statbase: [сайт]. URL: <https://statbase.ru/data/rus-gas-production/> (дата обращения: 12.03.2026).

³¹ Доклад ЕАБР за 2024–2025 гг. // Евразийский банк развития: [сайт]. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/eurasian-region-and-asian-countries-analysis-of-investment-flows/> (дата обращения: 12.03.2026)

геолого-разведочные работы на месторождениях Суrowsкий и Майлишат в Восточно-Казахстанской области компанией *Corex Holding* – разведка золота, платины, хромовых руд и попутных компонентов»³².

Важное значение в развитии экономического сотрудничества имеют новые торговые пути, в частности – транспортно-логистический проект «Средний коридор». Его потенциал перевозки только казахстанских грузов оценивается более чем в 4 млн тонн/год³³. Ряд проектов в области инфраструктурного развития, здравоохранения, образования, сельского хозяйства в Казахстане Турция реализует через Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА)³⁴. Примерами могут служить следующие мероприятия: помощь после сильного наводнения 2015 г. в виде предоставления школьных принадлежностей, техники и медицинского оборудования; оснащение поликлиники № 6 в Западном Казахстане современными приборами (операционный стол, ЭКГ, аппараты для терапии); помощь детям-сиротам в 2021 г.; реконструкция мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, включенного в список ЮНЕСКО; программы профессиональной подготовки казахстанских медиков в Турции. Кроме того, турецкие компании активно работают в строительстве, логистике, туризме и торговле. Эти инвестиции не только укрепляют экономические связи, но и способствуют закреплению стратегических интересов Турции в регионе. Экономическая помощь и проекты развития создают у населения Казахстана позитивное восприятие Турции и укрепляют ее позиции в долгосрочной перспективе.

Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество Казахстана и Турции

Военно-политическое сотрудничество Казахстана и Турции осуществляется как на двустороннем уровне, так и в рамках многосторонних форматов. Обе страны являются членами ОТГ, где вопросы безопасности постепенно приобретают большее значение. Дополнительным направлением взаимодействия является участие Казахстана в программах партнерства с НАТО, в которых Турция играет активную роль, прежде всего в сфере военного образования, миротворческой подготовки и стандартизации.

Практическое взаимодействие включает регулярные контакты между министерствами обороны, обмен делегациями и подготовку казахстанских офицеров в турецких военных учебных заведениях [13, с. 5]. С 2003 г. казахстанские офицеры начали проходить обучение в области военной медицины в Военно-медицинской академии Гюльхане. Начиная с 2004 г. на кафедре иностранных языков Военного института Министерства обороны Казахстана были организованы курсы турецкого языка [30, с. 20]. Совместные учения и тренинги, как правило, носят ограниченный характер. Они ориентированы на повышение совместимости и обмен опытом, а также на подготовку к участию в миротворческих операциях под эгидой ООН. Турция оказала содействие в строительстве военно-морской базы в Актау, а также в развитии порта в Ералиево. Одновременно турецкая сторона поставляла средства связи, что сыграло важную роль в укреплении потенциала специальных подразделений и военно-

³² За три года турецкие инвестиции в Казахстан выросли до \$1,1 млрд // Центр деловой информации «Капитал»: [сайт]. URL: <https://kapital.kz/economic/145124/za-tri-goda-tureckie-investicii-v-kazahstan-vyrosli-do-dollar11-mlrd.html> (дата обращения: 26.03.2026).

³³ Организация тюркских государств // Министерство национальной экономики Республики Казахстан: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/522629?lang=ru> (дата обращения: 26.03.2026).

³⁴ Faaliyetlerimiz: [сайт]. URL: Faaliyetlerimiz – TİKA (дата обращения: 08.09.2025).

морских сил Казахстана [28, с. 3]. Военно-техническое сотрудничество Казахстана и Турции охватывает поставки отдельных видов вооружений и техники, взаимодействие в сфере беспилотных систем, средств связи и оборонной электроники. Участие турецких компаний в проектах по локализации производства и трансферу технологий способствует развитию национального оборонно-промышленного потенциала Казахстана [13, с. 6].

В целом казахстано-турецкое военное сотрудничество имеет прагматичный и ограниченный характер, не противоречит международным обязательствам Казахстана и расширяет его возможности во внешнеполитическом и военно-техническом маневре.

Заключение

Россия и Турция являются активными и стратегически значимыми партнерами Казахстана, при этом каждая сторона имеет свою стратегию МГВ. Эти стратегии строятся на разных исторических, экономических, социокультурных, языковых, религиозных, институциональных основаниях. Россия опирается на концепт исторического прошлого, связанного с экономическим и культурным наследием СССР, широким использованием РЯ в вузах и школах, распространением русскоязычного контента в СМИ, влиянием российской науки и культуры. Общее историческое (советское) прошлое дает России устойчивые преимущества в культурной, экономической, институциональной сферах. За период существования СССР, как отмечают исследователи, в Казахстане были созданы «сотни заводов (только во время Великой Отечественной войны в республике появилось 460 промышленных объектов); с 1955 по 1985 г. «с нуля» построено 43 города, а также космодром» [42, с. 11], который и по настоящее время остается самым большим в мире. РЯ продолжает активно использоваться в современном Казахстане: согласно Конституции РК, он официально употребляется в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским; активно используется в сфере науки и образования. Такие медиа, как *RT* и *Sputnik*, способствуют распространению российского информационного контента в казахстанском обществе (45,1% казахстанской молодежи выбирает русскоязычный контент). Значительно экономическое влияние России на Казахстан: крупные инвестиции в энергетический и транспортный секторы экономики укрепляют связи двух стран (РФ является безусловным лидером по количеству компаний, которые работают на территории РК). Весьма важен институциональный характер взаимодействия: Россия и Казахстан осуществляют сотрудничество в рамках СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, что обеспечивает экономическую устойчивость и безопасность в регионе. Все эти факторы свидетельствуют о том, что влияние России носит традиционный и стабильный характер.

Стратегия сотрудничества Турции с Казахстаном так же основана на культурной и языковой идентичности, но более древней, нежели советская. Турция делает акцент на общих тюркских корнях, языке и религии, используя такие инструменты, как программа *Türkiye Bursları* и совместные университеты. В медиасфере заметную роль играют каналы *TRT Avaz* и популярные турецкие сериалы, формирующие позитивный образ Турции (для 24,3% молодежи Казахстана привлекательным является контент на турецком языке). Особую роль в формировании общей тюркской идентичности играет религиозный фактор. Кроме того, развитие сельских регионов, инфраструктурные

проекты и гуманитарная помощь делают заметным вклад Турции в развитие Казахстана в настоящее время.

Российская стратегия влияния опирается на устойчивые институты и историческое наследие, тогда как Турция делает ставку на культурно-языковую и религиозную идентичность. Обе страны, безусловно, в разном соотношении, осуществляют плодотворное инвестиционно-экономическое и торгово-логистическое сотрудничество с Казахстаном, что способствует стремительному развитию РК. Важным, хотя и менее публичным, элементом влияния остается военно-стратегическое и военно-техническое сотрудничество. В этой сфере позиция России значительно сильнее, поскольку она выступает ключевым партнером Казахстана в области обороны, военного обучения, поставок вооружений и совместных механизмов безопасности. Турция участвует в военном взаимодействии более ограниченно, концентрируясь на подготовке кадров, отдельных технических проектах и сотрудничестве в рамках миротворческой деятельности.

Если Россия опирается на механизмы формализованной интеграции (ЕАЭС, ОДКБ), то Турция продвигает более гибкую модель через понятие идентичности и гуманитарные связи (ОТГ). Казахстан планомерно проводит политику многостороннего межгосударственного и многовекторного (разнонаправленного по сферам взаимодействия) сотрудничества, выбирая стратегию балансирования для сохранения суверенитета, национальных интересов и одновременного поддержания региональной стабильности. Конкурентно-кооперационные связи в рамках треугольника *Казахстан – Россия – Турция* будут способствовать региональному развитию.

Анализ отношений России и Турции с Казахстаном демонстрирует возможность сформулировать выводы, выходящие за рамки примеров с отдельными странами, и обобщить факторы МГВ одних стран на другие. Опыт взаимодействия разных государств с Казахстаном показывает, что внешнее влияние, как правило, не ограничивается каким-либо одним фактором. Сегодня укрепление позиций какой-либо страны в ином государстве формируется через выстраивание сложной, многовекторной и многоуровневой системы. Такое влияние осуществляется под воздействием целого комплекса взаимосвязанных факторов, среди которых следующие:

- *демографический*, указывающий на количество носителей языка страны влияния как родного (в Казахстане проживает $\approx 15\%$ этнических русских);
- *институциональный*, определяющий взаимодействие стран через международные организации и межгосударственные объединения;
- *законодательный* (например, РЯ имеет статус официального в Республике Казахстан, что закреплено конституцией);
- *лингвокультурный*, который может на основании исторической общности обеспечить долгосрочное присутствие и формировать устойчивые связи (язык, культурные традиции, историческая память и сложившиеся за долгие годы образовательно-педагогические практики закладывают основы сохранения и воспроизводства механизмов влияния как на уровне всего общества, так и на уровне элит);
- *информационный* (медиа и информационное пространство выступают самостоятельным инструментом воздействия, посредством которого формируется устойчивый образ государства, утверждаются его ценности и внешнеполитические ориентиры; мадиаконтент способен не просто передавать информацию, но вместе с

этим конструировать общественное мнение и утверждать политическую легитимность тех или иных феноменов или структур);

– *инвестиционно-экономический* (инвестиции, торговые отношения, участие в интеграционных объединениях и совместных проектах формируют устойчивые и долгосрочные структурные взаимозависимости, что усиливает политическое и социально-гуманитарное присутствие государства в принимающей стране);

– *инфраструктурный* (фактор, сочетающий элементы зависимости и взаимной выгоды, обеспечивающий долгосрочную инерцию сотрудничества и одновременно ограничивающий скорость геоэкономической переориентации; так, инфраструктурное наследие СССР формирует устойчивую материальную основу российско-казахстанского взаимодействия, в рамках которой влияние реализуется через транспортно-логистические, технологические, энергетические связи);

– *образовательный и социально-гуманитарный*, который дает отложенный, но стратегически значимый результат (обучение в школах и вузах на языках стран влияния, академические обмены, стипендиальные программы, совместные образовательные проекты способствуют формированию долгосрочных социальных связей, особенно среди молодежи и будущих элит);

– *стратегический (военно-политический и военно-технологический)*, обеспечивающий устойчивые связи на основе сотрудничества в области традиционно понимаемой «жесткой силы», укрепляющий доверие и обеспечивающий развитие стратегического партнерства, формирующий устойчивое представление о роли государства в системе региональной безопасности.

В современных международных отношениях МГВ следует рассматривать как результат взаимодействия исторических, социокультурных, языковых, информационных, экономических, институциональных, военно-политических факторов, эффективность которых зависит от многих параметров, обусловленных исторически и геополитически. Значительную роль в этом процессе играет внешнеполитическая стратегия самого принимающего государства.

Предложенный в данном исследовании подход к изучению факторов МГВ представляет собой исследовательскую практику, потенциально применимую к изучению механизмов влияния разных акторов в условиях иных стран и регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В.А., Скрыбина К.А. Центральная Азия как пространство переплетения интересов мировых держав // Россия и новые государства Евразии. 2025. № 4 (69). С. 53–67. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-4-53-67>. EDN: NIZUPQ.
2. Почта Ю.М., Гузаеров Р.И. Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 143–154. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154>. EDN: MUBXBQ.
3. Парубочая Е.Ф. Саммиты тюркских государств (2006–2010 гг.): реальная платформа для сближения стран // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2 (20). С. 98–105. EDN: MZAUHJ.
4. Nye, J.S. Soft Power. The Means to Succeed in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
5. Аватков В.А. Россия, Турция и Постсоветский Восток в идейно-ценностной картине мировой политики. М.: ООО «Прспект», 2025. 176 с. EDN: HPRTMP.

6. Аватков В.А. Турция в 2025 году: между архаизмом и будущим // Свободная мысль. 2026. № 1 (1715). С. 86–94. EDN: [MVJGEB](#).
7. Мальшева Д.Б. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. № 2 (63). 2024. С. 60–72. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-2-60-72>. EDN: [WZHHT](#).
8. Погодаев Н.П. Стратегия Турции по экспорту высшего образования в страны Центральной Азии: 2013–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 158–178. <https://doi.org/10.17223/1998863X/84/14>. EDN: [VAKTHQ](#).
9. Пригчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2 (69). С. 52–62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62>. EDN: [YSSVGB](#).
10. Смирнов В.А. Турция и монархии Залива как внешнеполитические балансиры в Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 7. С. 109–120. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-7-109-120>. EDN: [TWEXFD](#).
11. Толеген Д. Политика Турции в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 2. С. 138–146. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-138-146>. EDN: [ZSMPIY](#).
12. Bursa, E. Türkiye-kazakistan İlişkileri ve yüksek eğitim politikaları // Sosyal ve Beşeri Bilimler Dergisi. 2017. Cilt 1. Sayı 2. S. 1–20.
13. Yılmaz, S. Kazakistan–Türkiye İlişkilerinin son durumu: Hedeflere ulaşıldı mı? // Avrasya Dosyası. 2021. Cilt 12. Sayı 1. P. 60–94. [эл. доступ]. URL: <https://izlik.org/JA88LJ95XX> (дата обращения: 23.12.2025).
14. Yılmaz, S. Türkiye–Kazakistan İlişkileri // Yüzyılda Türkiye Kazakistan İlişkileri / С. Yildirim, F. Tuğluoğlu, M. Gökçeo, O. OKUMUŞ. Ankara: Pegem-Academy, 2021. PP. 83–119. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/349824517_TURKIYE-KAZAKISTAN_ILISKILERI (дата обращения: 21.12.2025).
15. Özsoy, B. ‘Türk Dünyası’ söylemi İçinde Türk devletleri teşkilati’nin rolü ve önemi // Anasay. 2023. Sayı. 25. P. 40–55. <https://doi.org/10.33404/anasay.1324953>. EDN: [DRIWNN](#).
16. Şimşek, N., Canaltay, C., Şimşek, H.A. Trade Relations Between Turkey and Kazakhstan on the 25th Anniversary of Kazakhstan’s Independence // Perceptions: Journal of International Affairs. 2017. Vol. XXII. No. 1. P. 7–28. [эл. доступ]. <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/article/624519> (дата обращения: 21.12.2025).
17. Balci, B. Turkey-Kazakhstan Relations: A Strong Partnership in the Turkic World // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2024, February 20. P. 1–9. [эл. доступ]. URL: https://www.cacianalyst.org/resources/240220_FT_Balci.pdf (дата обращения: 21.12.2025).
18. Жампетова А.О., Алкан Я.С., Дернек К.О. Демократические политические ценности молодежи Казахстана и Турции (компаративный анализ) // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 155–161. <https://doi.org/10.31857/S0132162525100132>. EDN: [ICZILB](#).
19. Кожирова С.Б., Нечаева Е.Л., Погодин С.Н. Инициатива КНР «Один пояс, один путь» и геоэкономические интересы Казахстана и России. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. 207 с. EDN: [PWDQCA](#).
20. Давыдова Ю.А., Каргаполова Е.В. Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 51–59. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-51-60>. EDN: [BNCVBD](#).
21. Додонов В.Ю. Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 21–32. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-21-32>. EDN: [OILZZA](#).
22. Горопыгин А.В., Никулина А.А. Основные направления сотрудничества России и Казахстана в контексте евразийских интеграционных процессов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 17. С. 122–126. EDN: [UKPXOH](#).
23. Гусаков Н.П., Маслова М.В. Россия и Казахстан: диапазон и динамика отношений в условиях возрастания взаимозависимости национальных экономик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 455–465. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-455-465>. EDN: [PZBPSY](#).

24. Котик А.В. Определение факторов влияния внерегиональных государств на внешнюю политику Республики Казахстан в 2014–2024 гг.: Турция, Великобритания, Индия // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3 (17). С. 59–78. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-59-78](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-59-78). EDN: **GFDSGW**.
25. Aliyev B. Russian Military Existence's Effect in the Central Asia: Military Bases in Kazakhstan Introduction // Bilgesam Analysis. Ankara. 2016. № 1346. P. 1–5. [эл. доступ]. URL: https://www.academia.edu/32621519/Russian_Military_Existence_s_Effect_in_the_Central_Asia_Military_Bases_in_Kazakhstan_Introduction (дата обращения: 26.12.2025).
26. McDermott, R.N. Kazakhstan–Russia. Enduring Eurasian Defence Partners. Copenhagen: DIIS, 2012. 84 p. [эл. доступ]. URL: https://www.diis.dk/files/media/publications/import/extra/rp2012-15-kazakhstan-russia_web.pdf (дата обращения: 26.12.2025).
27. Paramonov V., Stolpovski O. Russia and Central Asia: Bilateral Cooperation in the Defence Sector // Advanced Research and Assessment Group. Central Asian Series. 2008. № 08/15(E). [эл. доступ]. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/92591/08_May.pdf (дата обращения: 26.12.2025).
28. Simavoryan, A. Turkey's Military-Technical Cooperation with the Turkic Nations. Orbeli Center. 2019. 5 p. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5730933>.
29. Веснин А.В. Современный Казахстан: внутривнутриполитическая обстановка и интересы внешних политических сил // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2023. № 3. С. 120–132. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2024-3-120-132>. EDN: **AOLPPQ**.
30. Soltanzade, A.N. Military Cooperation Between Turkey and Kazakhstan // Annali d'Itali. 2022. № 37. P. 20–22.
31. Cull, N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616 (1). P. 31–54.
32. Кутькина О.П., Полякова Е.А. Культурное сотрудничество стран СНГ в условиях современности: вызовы, стратегия, задачи // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 69. С. 74–82. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-69-74-82>. EDN: **FWUCBY**.
33. Бурангулов Э.Р. Особенности сотрудничества России и Казахстана в сфере высшего образования на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 612–619. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-612-619>. EDN: **WRJOUK**.
34. Канарова В.Н., Савина О.В. Сотрудничество России и Казахстана в области науки и образования // Постсоветский материк. 2023. № 1 (37). С. 60–69. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_60. EDN: **SUHEWV**.
35. Бочкарева И.Б., Есимова А.Б., Замятин Д.Н. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 31–47. EDN: **HVHMEN**.
36. Мельник Г.С., Барлыбаева С.Х., Альжанова А.Б. Медиаобраз России в казахстанских СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 110–117. EDN: **RLUGIN**.
37. Савельева М.А. Образ России в СМИ и в сознании граждан стран ЕАЭС // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность. 2021. № 1. С. 668–680. EDN: **WBVJTT**.
38. Аймагамбетова М.М., Жакупова Г.Т. Информативно коммуникативная природа культурного кода в медиадискурсе (на примере казахстанской прессы) // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Филология. 2020. Т. 133. № 4. С. 55–69. <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2020-133-4-55-69>. EDN: **JAKDNK**.
39. Ковалева А. В., Джунушалиева Г.Д. СМИ как субъекты медийного пространства тюркского мира: оценка базовых характеристик // Society and Security Insights. 2024. Т. 7. № 4. С. 30–47. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)4-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)4-02). EDN: **XCKYIT**.
40. Черничкин Д.А. Динамика трансформации образа России в Республике Казахстан: социологический аспект // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2024. Т. 4. № 4. С. 11–25. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2024.4.4.001>. EDN: **DRRDIY**.

41. Дзюба Е.В., Ван Хуэй. Взаимодействие России и Китая в ШОС: обеспечение безопасности в центральноазиатском регионе // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 79–98. <https://doi.org/10.48612/RG/RGW.28.3.5>. EDN: JEMZUB.
42. Кефели И.Ф. Судьба России – от поддержания политического равновесия в Европе к «собирателю» Большой Евразии // Международные отношения в глобальном измерении: сб. науч. тр. Вып. 9 / под ред. А. С. Матвеевской. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 5–16. EDN: RINFCK.

REFERENCES

1. Avatkov, V.A., Skryabina, K.A. Central Asia as a Space of Intersecting Interests of World Powers. *Russia and the New States of Eurasia*. 2025. No. 4 (69). P. 53–67. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-4-53-67>. EDN: NIZUPQ.
2. Pochta, Yu.M., Guzaerov, R.I. Latinization of the Language under the Leadership of Turkey as a Tool for the Formation of a New Identity for the Turkic Post-Soviet States. *RUDN Journal of Political Science*. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 143–154. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154>. EDN: MUBXBQ.
3. Parubochnaya, E.F. Summits of Turkic States (2006–2010): A Real Platform of Countries Interaction. *Vestnik of Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, International Relation*. 2011. No. 2 (20). P. 98–105. (In Russian). EDN: MZAUHJ.
4. Nye, J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
5. Avatkov, V.A. Rossiya, Turtsiya i Postsovetskiy Vostok v ideyno-tsennostnoy kartine mirovoy politiki [Russia, Turkey and the post-Soviet East in the ideological and value-based landscape of world politics]. Moscow: Prospekt, 2025. 176 p. (In Russian). EDN: HPRTMP.
6. Avatkov, V.A. Turkey in 2025: Between Archaism and the Future. *Free Thought*. 2026. No. 1 (1715). P. 86–94. (In Russian). EDN: MVJGEB.
7. Malysheva, D.B. Turkey's Central Asian policy direction. *Russia and the New States of Eurasia*. 2024. No. 2 (63). P. 60–72. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-2-60-72>. EDN: WZHHWT.
8. Pogadaev, N.P. Turkey's Strategy for Exporting Higher Education to Central Asia: 2013–2023. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2025. No. 84. P. 158–178. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/84/14>. EDN: VAKTHQ.
9. Pritchkin, S.A. Turkish Strategy Towards Central Asia at the Present Stage: Strengths and Constraints. *Ojkumena. Regional Researches*. 2024. № 2 (69). P. 52–62. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62>. EDN: YSSVGB.
10. Smirnov, V.A. Turkey and the Gulf Monarchies as Foreign Policy Balancers in Central Asia. *World Economy and International Relations*. 2025. Vol. 69. No. 7. P. 109–120. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-7-109-120>. EDN: TWEXFD.
11. Tolegen, D. Turkey's policy in Central Asia. *Post-Soviet Issues* 2024. Vol. 11. No. 2. P. 138–146. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-138-146>. EDN: ZSMPIY.
12. Bursa, E. Turkish-Kazakh Relations and Higher Education Policy. *Journal of Social and Humanitarian Sciences*. 2017. Vol. 1. Iss. 2. P. 1–20. (In Turkish).
13. Yilmaz, S. The Latest Status of Kazakhstan-Turkey Relations: Have the Goals Been Achieved? *Eurasia File*. Vol. 12. No. 1. P. 60–94. Available at <https://izlik.org/JA88LJ95XX> (accessed: 23.12.2025). (In Turkish).
14. Yilmaz, S. Turkey–Kazakhstan Relations in the 20th Century. *Turkey-Kazakhstan Relations*. Ankara: Detay Yayincilik, 2021. P. 83–119. Available at https://www.researchgate.net/publication/349824517_TURKIYE-KAZAKISTAN_ILISKILERI (accessed: 21.12.2025). (In Turkish).
15. Ozsoy, B. The Role and Importance of the Organization of Turkic States within the Discourse of the Turkic World. *Anasay*. 2023. No. 25. P. 40–55. (In Turkish). <https://doi.org/10.33404/anasay.1324953>. EDN: DRIWNN.
16. Shimshek, N., Canaltay, J., Shimshek, H.A. Trade Relations Between Turkey and Kazakhstan. *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2017. Vol. 22. No. 1. P. 7–28. Available at (In Turkish). <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/article/624519> (accessed: 21.12.2025). (In Turkish).
17. Baldzhi, B. Turkish-Kazakh relations: a strong partnership in the Turkic world. *Central Asia–Caucasus Analyst*. 2024. February 20. P. 1–9. (In Turkish).

18. Zhampetova, A.O., Alkan, Ya.S., Dernek, K.O. Democratic Political Values of Youth in Kazakhstan and Turkey. *Sociological Studies*. 2025. No. 10. P. 155–161. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0132162525100132>. EDN: ICZILB.
19. Kozhirova, S.B., Nechaeva, E.L., Pogodin, S.N. Initsiativa KNR «Odin poyas, odin put» i geoeconomicheskiye interesy Kazakhstana i Rossii [China's Belt and Road Initiative and geoeconomic interests of Kazakhstan and Russia]. St. Petersburg: POLITEKH-PRESS, 2025. 207 p. (In Russian). EDN: PWDQCA.
20. Davydova, Yu.A., Kargapolova, E.V. Cooperation between Russia and Kazakhstan as a Vector of Eurasian Integration. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 51–60 (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-51-60>. EDN: BNCVBD.
21. Dodonov, V.Yu. Kazakhstan's Foreign Trade with EAEU Partners: Preliminary Results. *Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics*. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 21–32. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-21-32>. EDN: OILZZA.
22. Toropygin, A.V., Nikulina, A.A. The Main Cooperation Directions Between Russia and Kazakhstan in the Context of the Eurasian Integration. *Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics*. 2015. No. 17. P. 122–126. (In Russian). EDN: UKPXOH.
23. Gusakov, N.P., Maslova, M.V. Russia and Kazakhstan: Range and Dynamics of Relations in the Conditions of Increasing Interdependence of National Economies. *RUDN Journal of Economics*. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 455–465. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-455-465>. EDN: PZBPSY.
24. Kotik, A.V. Non-Regional States' Factors of the Influence on the Foreign Policy of Republic of Kazakhstan in 2014–2024: Turkey, Great Britain and India. *Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2025. No. 3 (17). P. 59–78. (In Russian). [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-59-78](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-59-78). EDN: GFDSGW.
25. Aliyev, B. Russian Military Existence's Effect in the Central Asia: Military Bases in Kazakhstan Introduction. *Bilgesam Analysis*. Ankara. 2016. No. 1346. P. 1–5. Available at https://www.academia.edu/32621519/Russian_Military_Existence_s_Effect_in_the_Central_Asia_Military_Bases_in_Kazakhstan_Introduction (accessed: 26.12.2025).
26. McDermott, R.N. Kazakhstan–Russia. Enduring Eurasian Defence Partners. Copenhagen: DIIS, 2012. 84 p. Available at https://www.diis.dk/files/media/publications/import/extra/rp2012-15-kazakhstan-russia_web.pdf (accessed: 26.12.2025).
27. Paramonov, V., Stolpovski, O. Russia and Central Asia: Bilateral Cooperation in the Defence Sector. *Advanced Research and Assessment Group*. Central Asian Series. 2008. № 08/15(E). Available at https://www.files.ethz.ch/isn/92591/08_May.pdf (accessed: 26.12.2025).
28. Simavoryan, A. Turkey's Military-Technical Cooperation with the Turkic Nations. Orbeli Center. 2019. 5 p. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5730933>.
29. Vesnin, A.V. Modern Kazakhstan. Internal Political Situation and Interests of External Political Forces. *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2023. No. 3. P. 120–132. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2024-3-120-132>. EDN: AOLPPQ.
30. Soltanzade, A.N. Military Cooperation Between Turkey and Kazakhstan. *Annali d'Itali*. 2022. No. 37. P. 20–22.
31. Cull, N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616 (1). P. 31–54.
32. Kutkina, O.P., Polyakova, E.A. Cultural Cooperation of the CIS Countries in Modern Conditions: Challenges, Strategy, Objectives. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. 2024. No. 69. P. 74–82. (In Russian). <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-69-74-82>. EDN: FWUCBY.
33. Burangulov, E.R. Contemporary Features of Cooperation Between Russia and Kazakhstan in Higher Education. *RUDN Journal of International Relations*. 2017. Vol. 17. No. 3. P. 612–619. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-612-619>. EDN: WRJOUK.
34. Kanarova, V.N., Savina, O.V. Cooperation Between Russia and Kazakhstan in the Field of Science and Education. *Post-Soviet Continent*. 2023. No. 1 (37). P. 60–69. (In Russian). https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_60. EDN: SUHEWV.
35. Bochkareva, I.B., Esimova, A.B., Zamyatin, D.N. Obrazy Tsentralnoy Azii v Rossii i Rossii v Kazakhstane (analiz otvetov studentov i publikatsiy v SMI) [Images of Central Asia in Russia and Kazakhstan (analysis of students' answers and publications in SMI)]

- Russia in Kazakhstan (Analysis of Student Responses and Media Publications)]. *Vestnik Yevrazii*. 2005. No. 3. P. 31–47. (In Russian). EDN: [HVHMEN](#).
36. Melnik, G.S., Barlybaeva, S.Kh., Alzhanova, A.B. Media-Image of Russia in Kazakhstan Media. *Voronezh State University Bulletin*. 2020. No. 3. P. 110–117. (In Russian). EDN: [RLUGIN](#).
37. Savelyeva, M.A. The Image of Russia in the Media and in the Minds of Citizens of the EAEU Countries. *Regional politics, political geography and geopolitics: history and modernity*. 2021. № 1. P. 668–680. (In Russian). EDN: [WBVJJT](#).
38. Aimagambetova, M.M., Zhakupova, G.T. Informative and Communicative Nature of the Cultural Code in the Media Discourse (on the Example of the Kazakh Press). *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series*. 2020. Vol. 133. No. 4. P. 55–69. (In Russian). <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2020-133-4-55-69>. EDN: [JAKDNK](#).
39. Kovaleva, A.V., Dzhunushalieva, G.D. Mass Media as Subjects of the MediaSpace of the Turkic World: Assessment of Basic Characteristics. *Society and Security Insights*. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 30–47. (In Russian). [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)4-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)4-02). EDN: [XCKYIT](#).
40. Chernichkin, D.A. Dynamics of Transformation of the Image of Russia in the Republic of Kazakhstan: Sociological Aspect. *Caspium Securitatis. Journal of Caspian Safety & Security*. 2024. Vol. 4. No. 4. P. 11–25. (In Russian). <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2024.4.4.001>. EDN: [DRRDIY](#).
41. Dziuba, E.V., Wang Hui. Interaction between Russia and China in the SCO: Ensuring Security in Central Asian Countries. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 79–98. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/RG/RGW.28.3.5>. EDN: [JEMZUB](#).
42. Kefeli, I.F. Russia's Destiny from Maintaining a political Balance in Europe to the "Gatherer" of Greater Eurasia. *International Relations in Global Dimension* St. Petersburg: POLITEKH-PRESS, 2025. P. 5–16. (In Russian). EDN: [RINFCK](#).

Сведения об авторах / Information about authors

Йылмаз Муратхан – аспирант третьего года обучения Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: jylmaz.m@edu.spbstu.ru

ORCID ID: 0009-0005-4535-1052

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: dzyuba_ev@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-3833-516X

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Yilmaz Murathan – A graduate student at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: jylmaz.m@edu.spbstu.ru

ORCID ID: 0009-0005-4535-1052

Dziuba Elena V. – Doctor of Philology, Professor at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: dzyuba_ev@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-3833-516X

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025.

Одобрена после рецензирования 13.04.2026.

Принята 15.04.2026.

Received 24.09.2025.

Approved after reviewing 13.04.2026.

Accepted 15.04.2026.

«Россия в глобальном мире»

Том 29. Выпуск 2

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР), регистрационный номер СМИ ЭЛ № ФС 77 - 84167 от 09 ноября 2022.

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала,
ответственный редактор темы номера
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать

Усл. печ.

Печать цифровая

Тираж

Формат 60x84/16

Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета

В Издательско-типографическом центре Политехнического университета

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

«Russia in the Global World»

Volume 29. Issue 2

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

The online publication is registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Communications
(ROSKOMNADZOR), media registration number ЭЛ № ФС 77 - 84167 November 09, 2022.

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal,
Responsible Editor of the Issue Topic
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World» с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) печатному изданию присвоен номер ISSN 2304-9472, сетевому изданию – ISSNе 2949-3501.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике. Отдельный раздел представляет собой описание исследовательских методов и фактических материалов (источников) изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию результатов исследования в практике. Название статьи должно отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей не менее 10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – трех; литературных источников – **не менее двенадцати.**

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (1–2 стр., актуальность, существующие проблемы, постановка и описание исследовательских задач); основная часть (изложение материалов и суть

основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., выводы, предложения).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, интервал – множитель 1,1; таблицы большого размера могут быть набраны 11 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,6 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,6 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием проблемы и новизны исследования, методов, использованных при его проведении, результатов исследования, заключения;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке);
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, излагается в соответствии с техническими требованиями (структура IMRAD);
- **список литературы** (научные статьи и монографии) на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки. References оформляется на английском языке.
 - В конце каждого пункта в списке литературы необходимо проставлять **DOI** и **EDN** (при наличии таковых).
 - **подстрочные ссылки** оформляются на официальные документы или новостные сайты организаций.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Монография

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov, O.B., Koloskov, B.T. Soviet-Chinese Relations. 1945–1980. 3rd ed., suppl. Moscow: Mysl, 1980. 638 p. (In Russian).

Научные статьи в журналах и сборниках

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23. EDN: [OIVMVN](#).

2. Aleskerova, N.E. Some Information about the History and Worldview of the Medieval Sufi Brotherhood Khalwatiyya. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 13. Oriental and African Studies*. 2011. Iss. 4. Pp. 13–23. (In Russian). EDN: [OIVMVN](#).

Научные статьи в сетевых изданиях

3. Чусовлянова С.В. Инженерное образование в Китае – анализ образовательной инициативы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4–4 (91). С. 140–143. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>. EDN: [STDJWV](#).

3. Chusovlyanova, S.V. Engineering Education in China – Analysis of Educational Initiative. *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*. 2024. No. 4–4 (91). Pp. 140–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>. EDN: [STDJWV](https://www.edn.org/STDJWV).

Пример оформления автореферата и диссертации

4. Иванова Н.А. Особенности правового регулирования труда медицинских работников в условиях реформирования здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 30 с.

4. Ivanova, N.A. Features of Legal Regulation of Labor of Medical Workers in the Context of Health Care reform: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg: publishing house "Ural State Law Academy", 2012. 30 p. (In Russian).

5. Крольман М.Л. Партиципативная демократия: генезис современных форм и тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д: Ростовский гос. эконом. ун-т, 2014. 142 с.

5. Krolman M.L. Participatory Democracy: Genesis of Modern Forms and Development Trends: diss. ... cand. philosophical sciences. Rostov-on-Don: Rostov State Economic University, 2014. 142 p. (In Russian).

Электронные библиотеки.

6. Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В. Релокация как социальноэкономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. [эл. доступ]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (дата обращения: 25.07.2024).

6. Belosludtsev, A.N., Dziuba, E.V. Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. Available at <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (accessed: 25.07.2024). (In Russian).

Научные статьи на английском языке.

7. Li, J. Development of BRICS Cooperation Mechanism in New Geopolitical Conditions // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Bolgov, R., Atnashev, V., Gladkiy, Y., Leete, A., Tsyb, A., Pogodin, S. (eds) Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 303–312. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_27.

Научные статьи на китайском языке

8. Ван Шучунь 王树春, Ван Чэньшэн 王陈生, Цзян Хунфэй 江洪飞. Цяньси чжун э «Чанцзян – Фуэрцзяхэ» цюйюй хэцзо 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Краткий анализ китайско-российского регионального сотрудничества «Янцзы-Волга»] // Оуяцзинци 欧亚经济 [Евразийская экономика]. 2021. № 1. С. 97–116.

8. Wang Shuchun 王树春, Wang Chensheng 王陈生, Jiang Hongfei 江洪飞. Tsyansi chzhun e «Chantszyan – Fuertszyakhe» tsyuyuy khetszo 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Brief Analysis of the Russian-Chinese Cooperation within Volga–Yangtze Program]. *Ouyatszintszi* 欧亚经济 [Journal of Eurasian Economy]. 2021. № 1. P. 97–116. (In Chinese).

Научные статьи на турецком языке

9. Abdullayev, C. Uluslararası hukuk çerçevesinde hazarin statüsü ve doğal kaynaklarının işletilmesi sorunu // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 1999. Cilt 48. Sayı 1. S. 255–290. https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

9. Abdullayev, C. The problem of the status of the Caspian Sea and the exploitation of its natural resources within the framework of international law. *Ankara University Faculty of Law Journal*. 1999. Volume 48. Issue 1. P. 255–290. (In Turkish). https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого двойного рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Авторы несут полную ответственность за представляемое качество материалов, оформленные ссылки на исходные публикации, в том числе с указанием на авторов и сайты, включенных Министерством юстиции РФ в актуальный (на момент выхода выпуска) список иностранных агентов.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел. редакции 8 (812) 606-62-42

E-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru

Сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>